

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ИСТОРИЯ

ББК 63.3 (2) 45

**РОЛЬ ВЫСШИХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ
В ИНКОРПОРАЦИИ КАЛМЫКОВ В СОСТАВ ГОСУДАРСТВА
(начало – вторая половина XVII в.)***К.Н. Максимов*

В добровольном вхождении калмыков в состав Российского государства, установлении военно-политического союза с Калмыцким ханством огромную роль сыграли высшие и центральные учреждения России.

Ключевые слова: *высшие, центральные, государственные учреждения, Россия, калмыки, инкорпорация.*

The higher and central establishments of Russia played a huge role in voluntary occurrence of Kalmyks in the structure of the Russian state, and also in an establishment of the military-political union with Kalmyk khanate, recognizing its independent management of internal affairs.

Keywords: *the higher, central, official establishments, Russia, Kalmyks, incorporation.*

Начало вхождения калмыков в состав России и установления ими официальных контактов с ее местными и центральными учреждениями совпало с тем периодом, когда Российское централизованное государство вошло в стадию роста и активного расширения границ, укрепления и возрастания значения носителя верховной власти – царя, государственного аппарата. В России к этому времени стабилизировалась с четко распределенными функциями система органов государственной власти и управления – царь, Боярская дума, Земский собор, приказы, а на местах основным звеном управления утвердился воевода. Последний назначался Разрядным приказом, ведавшим, помимо военных функций, делами личного состава государственного аппарата, и утверждался царем и Боярской думой. Воевода подчинялся тому приказу, в ведении которого находился соответствующий город с уездом.

С 1599 г. сибирские города вошли в подчинение Приказа Казанского дворца, учрежденного в 60-е годы XVI столетия в целях управления территориями бывших Казанского и Астраханского ханств. После разгрома Сибирского ханства и присоединения Сибири с многочисленными племенами, с появлением калмыков вблизи ее городов воеводам и Приказу Казанского дворца пришлось предпринимать меры к упрочению позиций в регионе, стремясь мирно ввести их в состав государства, поскольку, как писал С.М. Соловьев, «владычество русских в Сибири далеко ещё не было упрочено»[1].

С постепенным движением калмыцких улусов в западном направлении и с дипломатическими и торговыми с ними контактами администрация России убедилась, что калмыки представляют собой единый этнос, разделенный на субэтноты (дербе-ты во главе с тайшой Далай-Батыром и улусами Изеня, Ужена и Юрикта Конаевых; торгоуты во главе с тайшой Хо-Орлюком и улусами Корсуга-

на, Улчечея, Тогачея, Буярана и Дубенея), помимо того, связанные династическими узами. Но по степени общественно-социального, политического развития, военного управления они могли объединиться в этнополитическое образование по типу Джунгарского (во главе с правителем Чоросского княжества Хара-Хулой) и Хошоутовского (во главе с Гуши-ханом) ойратских ханств в разных регионах Евразии. Поэтому к проблеме инкорпорации калмыков в состав государства активно подключились два ведущих приказа – Приказ Казанского дворца и Посольский приказ, основанный ещё в 1549 г. для осуществления дипломатических сношений с иностранными государствами.

Оба приказа возглавляли начальники – судьи, назначаемые из членов Боярской думы. В период начального вхождения калмыков во главе Посольского приказа стоял боярин, брат царя Василия Шуйского Иван Иванович, а его помощником был думный дьяк Василий Яковлевич Щелкалов, брат крупного дипломата второй половины XVI в. Андрея Яковлевича Щелкалова. Приказ Казанского дворца возглавлял другой брат царя – боярин Дмитрий Иванович, его помощником по восточным делам служил дьяк Алексей Шапилов. О значении этих государственных центральных учреждений свидетельствует тот факт, что они находились в непосредственном подчинении у самого царя и Боярской думы.

Первым сибирским городом, с которым калмыки в 1606 г. вступили в переговоры, была Тара во главе с воеводой князем С.И. Гагариным, основанная в 1594 г. Воеводы, помимо гражданских, военно-административных, финансовых дел, заведовали также и пограничными вопросами. Они, пользуясь относительной самостоятельностью и неограниченными правами, а также не имея конкретных наказов из приказов, вершили делами на местах, в том числе и пограничными, «как приго-

же», «как бог вразумит». У воевод сибирских городов вышестоящим должностным лицом являлся воевода главного сибирского города – Тобольска, основанного в 1587 г. [2].

По мере упрочения позиции России в Сибири калмыки в начале XVII в. предприняли официальные шаги в установлении отношений с местными представителями царской власти. Прежде всего, это касалось вопросов территорий для кочевий и ведения торговли в сибирских городах. К такому контакту, положившему начало официальным русско-калмыцким отношениям, следует отнести прибытие 20 сентября 1606 г. в Тару Катачая Бурулдуева, представителя торгоутского тайши Хо-Орлюка, за разрешением кочевать в верховьях Иртыша (вдоль его притоков – Камышлова и Ишима) и вести торговлю. Однако тарский воевода князь С.И. Гагарин, не отрицая возможность положительного разрешения этих вопросов, решил перевести их в официальное русло. С этой целью он 2 октября 1606 г. направил к Хо-Орлюку своих служилых людей казака Томилу Алексеева и татарина Урдубая. Послы воеводы имели поручение сказать тайше, что он «кочует на нашей земле, нам ни бив челом ...» и если «он похочет под нашу царскую высокою рукою быть», то «он бы прислал в город на Тару лутчих людей для шерти и укрепления». А если не хочет, то «он бы шел с наши земли и от соляных озер прочь...»[3].

В связи с тем, что в условиях уже нарождавшейся бюрократизации центральной власти, а также в пределах полномочий воеводы города такие вопросы, как территориальные и отправка послов к царю, не могли быть разрешены, князь С.И. Гагарин, доложив тобольскому воеводе князю Р.Ф. Троекурову, обратился в царскую администрацию. Он в письме от 12 января 1607 г. в Приказ Казанского дворца не только информировал о прибытии представителя от одной из крупных групп калмыков-торгоутов, кочующих по территории русских земель во главе с тайшой Хо-Орлюком, и об их просьбах, но и просил дать ему указания по дальнейшим действиям в отношении калмыков.

В ответ на свое обращение и на информацию тобольского воеводы в Приказ Казанского дворца по указанию царя Василия Шуйского тарский воевода С.И. Гагарин получил из Приказа Казанского дворца Грамоту, датированную 30 марта 1607 г. В ней князю С.И. Гагарину поручалось направить служилых людей в калмыцкие улусы для переговоров о том, «чтоб калмыцкие князи и мурзы и всякие улусные люди были под нашею царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали, что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить на вся годы безпереводно, и заклады бы они в город на Тару дали, и ясачных волостей, нашим ясачным людям, тесноты не чинили и не побивали, а мы их также

велим беречи и от недругов оберегати»[4]. Как видим, проблема о принятии калмыков в российское подданство на определенных условиях стала решаться на самом высоком государственном уровне – верховной власти страны.

С этого времени центральные учреждения России, выполняя указание царя, целенаправленно повели поиск путей юридизации инкорпорирования калмыков в состав Российского государства. О придании серьезного значения решению этого вопроса свидетельствовало установление контроля со стороны центральной власти. В этой же Грамоте предписывалось тарскому воеводе сообщать о ходе переговоров с калмыками в Приказ Казанского дворца лично самому боярину Дмитрию Ивановичу Шуйскому.

Доложив Приказу Казанского дворца о своих предложениях по вопросам складывающихся отношений с калмыками, князь С.И. Гагарин, как опытный государственный деятель в делах присоединения народов Сибири и восточной политики, 27 января 1607 г., не дожидаясь официальных указаний центра (они были получены только через два месяца – 30 марта), направил своих посланцев («ясачных тотар Енобая-князька да Куготая с товарищи») к обеим большим группам калмыков – к Далай-Батыру, тайше дербетов, и Хо-Орлюку, тайше торгоутов, с предложением принять российское подданство и прислать в Тару для дачи шерти (заключения договора, принятия обязательств) полномочных послов. Впоследствии Приказ Казанского дворца эти действия воеводы одобрил.

Посланцам С. Гагарина удалось встретиться только с Далай-Батыром, а кочевья Хо-Орлюка находились в отдалении в верховьях Иртыша. Енобай и Куготай вернулись в Тару 16 июня 1607 г. вместе с делегацией от всех дербетских тайшей. Глава официальной калмыцкой делегации (состав 21 человек) тайша Кугонай Тубиев в июне 1607 г. впервые от имени большой группы калмыков (дербетов) устно дал шерть России (в лице уполномоченного государственного чиновника – тарского воеводы князя С.И. Гагарина) на подданство ей. Заключив устное соглашение, С. Гагарин сразу же направил пятерых служилых людей в улусы дербетов с целью разъяснения принятых взаимных обязательств и необходимости эти договорные отношения заключить на самом высоком уровне – в Москве с царем и главными тайшами, закрепить в Жалованной грамоте «за золотыми печатями».

О состоявшейся встрече в июне 1607 г. с калмыцкой делегацией и даче ею шерти на российское подданство, о предпринимаемых мерах по юридическому закреплению этого договора князь С. Гагарин 30 сентября 1607 г. направил в Приказ Казанского дворца подробный отчет. Буквально через три недели, 18 октября, Приказ Казанского дворца в направленной Грамоте напоминал тарско-

му воеводе, чтобы он не упускал из виду торгоутских тайшей и послал и к ним своих представителей для ведения переговоров о принятии ими российского подданства. В то же время Приказ советовал ему проводить осторожную, выдержанную политику по отношению к ним. «А будет Урлюк да Кусурган под нашею царскою высокою рукою быти не похотят, и закладов не дадут и ясаку давати не учнут, и вы б от них наших ясачных волостей велели оберегати, а на них воевати не посылали, покаместа большие колмацкие тайши Изеней с товарищи в нашем жалованье укрепятца»[5]. Отсюда видим, что до заключения официальных договорных отношений с дербетскими тайшами центральная власть рекомендовала воеводе не применять какие-либо силовые действия, чтобы «не отпугнуть, не насторожить» остальных больших калмыцких тайшей.

В Грамоте Приказа Казанского дворца от 18 октября 1607 г., помимо того, раскрывалась суть национальной политики России, составной частью которой явилось введение кочевых народов Сибири в свое подданство на добровольных началах, без принуждения, на взаимовыгодной основе. В этих целях государственные органы должны были проводить гибкую, взвешенную политику, направленную на мирное соглашение, развитие взаимовыгодной торговли, обеспечение безопасности торгующих, свободное общение. Об этом свидетельствует указание Приказа Казанского дворца тарскому воеводе: «И держать бы вам к ним ко всем ласка и привет во всем, и с торги велети бы им приезжати на гостин двор, а вам б в том от них бережение держати». Следующая особенность этой политики заключалась в том, что Россия, предлагая свою территорию, покровительство и защиту, взамен требовала ясак лошадьми, верблюдами и другими видами домашних животных, но чтобы все это не было в тягость народу.

После первого удачного соглашения, достигнутого делегацией Кугоная Тубиева, вскоре, 21 сентября 1607 г., в Тару пожаловала вторая, более представительная, делегация от пяти главных тайшей дербетов, в составе которой был и посланец от торгоутского тайши Шунхая (Сюнке) – сына Хо-Орлюка. Вместе с делегацией в Тару прибыл купеческий караван (только купцов 90 человек), пригнавший на продажу 550 лошадей. Согласно договоренности тарские власти освободили калмыцких торговцев от пошлинных сборов. Это явилось не только экономическим вопросом, но и политической привлечения калмыков, «их сперва не ожесточить и от наше царские милости не отгоняти».

В соответствии с указанием Приказа Казанского дворца калмыцкая делегация в полном составе (Алаков, Баучин, Тахабакшеев и Чиганов), представлявшая дербетов и торгоутов, была отправлена в сопровождении служилого тарского воеводства Болдана Бойкача в Москву на встречу

с российским царем. Калмыцкая делегация по прибытии в Москву 7 февраля 1608 г. была принята в Посольском приказе высоким должностным лицом – дьяком Василием Григорьевичем Телепневым, товарищем судьи, ведавшим, по всей вероятности, восточными вопросами.

14 февраля 1608 г. калмыцкая делегация в полном составе в сопровождении посольского дьяка В.Г. Телепнева была на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. После церемонии представления послов государю, пожалования к его руке, послы через переводчика изложили челобитные своих тайшей. Ответ царя В.И. Шуйского на их челобитную огласил В.Г. Телепнев. Тайшам со всеми их улусами разрешалось «кочевати в Сибирской земли по Иртышу и на Оми реке и по Камышлову и в-ыных местех, где похотят, и велели им под нашею царскою рукою бытии навеки неотступным, и ото всех недругов, от Казацкие орды и от Нагай и от Алтын-царя, велели их оберегати и обороняти, и во всем бы они на наше царское жалованье были надежны. И они б нам, великому государю, служили и прямили во всем навеки неподвижно». А ясак с калмыков предполагался «лошадьми по их воли, сколько они дадут». В заключение приема было высказано пожелание, чтобы «ехали бы они, лутчие люди, сами к нам, великому государю»[6].

По результатам первого официального приема царем В.И. Шуйским калмыцкой делегации, по всей вероятности, не был составлен какой-либо документ об их договорных отношениях. Косвенные исторические источники говорят о том, что 14 февраля 1608 г. состоялась лишь аудиенция у царя, положившая начало официальному решению вопроса о приеме калмыков в состав Российского государства. Поэтому не случайно Приказ Казанского дворца от имени царя (Грамота от 27 февраля 1608 г.) дал поручение новому тарскому воеводе князю И.В. Мосальскому разъяснить калмыкам условия принятия подданства и организовать прием присяги (шерти) от главных тайшей. Однако миссия служилых людей тарского воеводы, направленных с этой целью в калмыцкие улусы, завершилась не совсем удачно, поскольку «тайши были в походе, ходили Алтын-царя воевати, и им-де осенью к шерти были неколи, снеги упали».

Царская администрация и её центральные учреждения, учитывая стремление калмыцких тайшей найти сильного покровителя, стабильную территорию для кочевий, а также принимая во внимание сложную обстановку в стране, особенно на её южных рубежах, непрекращающиеся претензии Польши, в 1609 г. несколько активизировали действия по попытке ввести калмыков в состав Российского государства. С этой целью Приказ Казанского дворца от имени царя В.И. Шуйского послал тарскому воеводе И.В. Мосальскому две Грамоты, датированные 20 августа 1609 г. В каждой из них изла-

гались поручения воеводе отдельно по отношению как к дербетским, так и к торгоутским тайшам. Но суть содержания обеих Грамот заключалась в том, чтобы тайши дали шерть царю на условиях, достигнутых в Москве 14 августа 1608 г. Предусматривалась возможность заключения письменных договорных отношений о подданстве непосредственно с царем в Москве. В одной из Грамот говорилось, что «а будет тайши, лутчие люди, похотят ехати к нам, великому государю, к Москве, сами, и они б к нам ехали безо всякого опасенья... и они наши царские очи на Москве увидят сами, а мы их пожалуем великим своим жалованьем»[7].

Со второй половины 1609 г. крупные калмыцкие тайши, добившись объединенными усилиями победы над халхасским Алтын-ханом и казахами, заметно поубавили взаимные обмены делегациями с сибирскими городами, стали сдержаннее в вопросах о приеме в подданство. Царская администрация, уловив это настроение калмыцких тайшей, в 1610 г. вносит некоторые коррективы в свою политику по отношению к ним. Россия, не отвергая мирную дипломатию по добровольному введению калмыков в свой состав, уже не исключала возможности оказания силового давления. Приказ Казанского дворца в Грамоте от 15 июня 1610 г., предлагая тарскому воеводе И.В. Мосальскому по-прежнему продолжать вести с калмыками мирные переговоры, рекомендовал в случае необходимости прибегнуть к угрозе, дав понять, что если «учнут они кочевати на нашей земле насильством, и на них велим послати изо всех сибирских городов рать свою с вогненным боем. И велим их и их улусы воевати, и жон их и детей в полон имати»[8].

В то же время руководство Приказа напоминало тарскому воеводе быть бдительным, но не применять преждевременно военную силу, а, наоборот, искать пути к продолжению дипломатичных приемов в решении проблемы подданства калмыков. Эта Грамота оказалась последней по калмыцким делам администрации царя Василия Шуйского. Буквально через месяц после её отправки в Тару он был низложен и арестован вместе с двумя братьями – Дмитрием и Иваном. Временное управление государством, как известно, перешло к группировке из семи наиболее влиятельных членов Боярской думы.

Междоцарствие, длившееся с 17 июля 1610 по 7 февраля 1613 г., оказалось для России чрезвычайно сложным и трудным периодом. В условиях продолжавшейся борьбы России с польско-литовской (с претензиями на престол) и шведской интервенцией, ожесточенной схватки различных группировок бояр за власть (с последствиями самозванства), а также фактически разрушенного государственно-го управления, калмыцкие дела оказались отложенными. В это время и калмыки, почувствовав себя несколько безопаснее после победы над халхасским

Алтын-ханом и казахами, не проявляли особой заинтересованности в скорейшем решении проблемы принятия подданства. Так завершился пятилетний интенсивный процесс во взаимно заинтересованной инкорпорации калмыков в состав Российского государства.

Все названные Грамоты от имени царя Василия Шуйского, исходившие из канцелярии Приказа Казанского дворца, правились и подписывались дьяком Алексеем Шапиловым. Тем самым можем сказать, что калмыцкий вопрос находился в руках довольно крупного государственного чиновника, одного из товарищей (заместителей) судьи Приказа, целенаправленно проводившего национальную политику, единую внешнеполитическую линию центральной власти во взаимоотношениях с восточными и южными странами и народами.

Новое движение с обеих сторон в развитии взаимоотношений России с калмыками началось после окончания в ней Смутного времени. Междоцарствие прекратилось в феврале 1613 г.: Земский собор избрал на царский престол Михаила Федоровича Романова. С этого времени восстанавливается российская государственность, складывается устойчивая самостоятельная политика. В эти же годы в калмыцких улусах прекратилась междоусобная борьба, наступили затишье и внутренний мир. Это позволило калмыкам покорить некоторые сибирские племена (барабинских, кузнецких татар) и взимать с них ясак. В результате замедлился темп их движения на запад, а также процесс принятия ими российского подданства.

После Смутного времени в связи с экономическими трудностями Россия начала усиливать ясачное давление на кочевые народы Сибири, а непокорных «смирять их войною, небольшим разорением, чтоб их смирить слегка»[9]. Эта политика воеводств сибирских городов, в несколько в смягченном варианте поддержанная центральной властью, коснулась и калмыцких улусов, создавая между ними конфликтные ситуации, вплоть до вооруженных столкновений. В них участвовали, как отмечал Н.Я. Бичурин, не целый народ, а отдельные мелкие князьки[10].

Взаимные претензии и столкновения между отдельными сибирскими городами и калмыцкими улусами к осени 1613 г. постепенно пошли на убыль. 25 ноября в том же году в Тару прибыла делегация от дербетских тайшей Далай-Батыра и Тюргеня с предложением о готовности прекратить взаимные нападения и вступить в переговоры. Приказ Казанского дворца, получив в феврале 1614 г. известие о прибытии в Тару калмыцких послов, от имени царя Михаила Федоровича (Грамота от 4 апреля) поручил тарскому воеводе И.М. Годунову немедленно направить служилых людей в калмыцкие улусы для заключения договорных отношений. Придавая важное значение возобнов-

лению мирных взаимоотношений с калмыками, Приказ Казанского дворца потребовал от тарского воеводы, чтобы он постоянно докладывал о ходе переговоров думному дьяку А. Шапилову.

В 1615 г. тарский воевода и калмыцкие тайши Далай-Батыр и Хо-Орлюк дважды обменялись делегациями, что позволило тобольскому (главного сибирского города) воеводе боярину И.С. Куракину в 1616 г. направить к указанным тайшам более представительное посольство. При этом он сразу же предупредил тюменского воеводу Ф.С. Коркодинова о том, «что посланы в Колмаки тобольские и тарские служилые люди для нашего посольского дела и чтоб вы тюменских служилых людей на колмаков войною не посылали». О всех своих предпринятых делах, в том числе и об отписке тюменскому воеводе, И.С. Куракин 20 сентября 1616 г. доложил Приказу Казанского дворца, который, в свою очередь, придавая важное значение развитию мирных процессов в отношениях с калмыками, сразу же отреагировал одобрением предпринимаемых тобольским воеводой мер и осуждением действий тюменского воеводы («князь Федор, делаешь не гораздо»). Приказ строго указывал тюменскому воеводе, что он продолжает «отгонять колмаков и посылать на них тюменских служилых людей войной... воевать воровством» (т.е. преступным путем. – *К.М.*). В связи с этим Приказ Казанского дворца Грамотой от имени царя (15 октября 1616 г.) поручал тюменскому воеводе «впредь на колмаков наших тюменских служилых людей и татар войной не посылали, от нас их не отгоняли ... А будете вы вперед учнете воровати и на колмаков без обсылки ис Тобольска посылать войною тюменских служилых людей и татар, и вам от нас быти в великой опале и в казни»[11].

Приказ Казанского дворца, получив сообщение тобольского воеводы от 20 сентября 1616 г. о посылке в марте-апреле 1616 г. послов к калмыцким тайшам, доложил об этом Посольскому приказу. Последний потребовал от тобольского воеводы подробно доложить о результатах миссии его посольства к калмыкам и при положительном исходе переговоров калмыцкую делегацию направить в Москву к царю.

И.С. Куракин в отписке Посольскому приказу о возвращении (в октябре 1616 г.) тобольских посланцев вместе с калмыцкими послами и подарками царю отмечал, что калмыки «под твоею государевою высокою рукою быти хотят» и желают «снарядить к тебе, государю, к Москве, лутчих своих людей». Но калмыков беспокоили два обстоятельства: неизвестность судьбы их послов в Тюмень, направленных ещё летом 1616 г.; второе – безопасность в пути послов в Москву, поскольку «от прежних воевод, которые были в Тобольску и на Тюмени, были людям их (калмыкам. – *К.М.*) теснота и обида и грабеж».

В результате организованного расследования тобольский воевода установил, что тюменский воевода «князь Федор Коркодинов колмаков гробил и тесноту чинил, и голодом морил, и мы, государь, чаем того, что он твоему государеву делу учинил поруху». Вместе с этим заключением в Приказ Казанского дворца на имя царя Михаила Федоровича доставили сыскную справку окружного воеводства и обыскные речи (докладные калмыцких послов, находившихся в Тюмени в заточении). Вслед за этим пакетом документов тобольский воевода И.С. Куракин в ноябре 1616 г. направил в Посольский приказ служилых людей Томилку Петрова и казака Ивана Куницына, которые находились в калмыцких улусах в июне-июле, для доклада государю о калмыцких делах. Они, подробно изложив в расспросных речах (докладной записке) о положении дел в калмыцких улусах Далай-Батыра и Хо-Орлюка, отметили, что они были встречены на самом высоком уровне и их предложение о принятии российского подданства тайши восприняли доброжелательно.

Результаты возобновления взаимоотношений с калмыками после воцарения Михаила Федоровича, практические шаги исполнительных органов, воевод сибирских городов в этом направлении, сведения, изложенные в расспросных речах Т. Петрова и И. Куницына, Боярская дума обстоятельно рассмотрела на заседании, состоявшемся 31 декабря 1616 г. во главе с царем и при участии тобольского воеводы И.С. Куракина. Решение Боярской думы, принятое впервые на столь высоком государственном уровне, гласило: «Вперед ссылатца с колмацкими людьми... и приводить их под государеву руку. А которых послов или посланников колматцкие люди учнут присылать к государю, и тех ис Тобольска совсем отпускать к государю к Москве, не задержав». В соответствии с вердиктом Боярской думы в тот же день царь принял указ аналогичного содержания.

Калмыцкий вопрос рассматривался Боярской думой как часть внешней политики юго-восточного направления. Поэтому вместе с ним решались проблемы об отношении к халхасскому Алтынхану, Китайскому государству, бухарскому царю. Что касалось дела тюменского воеводы Ф.С. Коркодинова, то Боярская дума признала, что «в Тюмени воеводы колматцким послам чинят обиды и насильства и грабежи».

Выполняя приговор Боярской думы от 31 декабря 1616 г. и царский указ, тобольский воевода И.С. Куракин 29 мая 1617 г. направил в калмыцкие улусы атамана И. Савельева и служилого П. Петрова вместе с прибывшим послом Буга от Далай-Батыра. Посланцы воеводы, пробыв у калмыков более двух месяцев, вернулись к концу ноября с положительными ответами тайшей в сопровождении Буга и Коодана, послов Далай-Батыра. После месячной подготовки они вчетвером были снаря-

жены и отправлены (25 декабря 1617 г.) в Москву на прием к царю.

По указанию Михаила Федоровича калмыцкое посольство, прибывшее в Москву 12 февраля 1618 г., 20 марта принял дьяк Посольского приказа С. Романчуков. На встрече в Посольском приказе калмыцкие послы изложили дьяку цель своего прибытия. Они заявили, что прибыли от Богатыр-тайши к государю со словесным приказом «быти хотят под государевою высокою рукою и во всем царском повелении». Далее они добавили, что об этом сами объявят царю[12].

По итогам беседы с Бугом и Кооданом С. Романчуков составил записку, а также справку о приеме калмыцких послов в феврале 1608 г. царем Василием Шуйским. Боярская дума, рассмотрев эти материалы, подготовила предложения и представила царю на окончательное решение. Михаил Федорович принял послов Далай-Батыра 29 марта 1618 г. В результате этой аудиенции калмыцкие послы получили первый официальный правовой документ от Российского государства – Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича калмыцкому тайше Далай-Батыру о принятии его со всеми улусами в подданство, составленную на русском и татарском языках и датированную 14 апреля 1618 г.

Содержание Жалованной грамоты раскрывало несколько изменившуюся политику России по отношению к калмыкам. Если до 1618 г. царская администрация требовала от калмыцких тайшей в качестве основных обязательных условий нахождения в составе государства, кроме верной службы, аманатов (заложников) и ясака (дани), то теперь главным критерием становится военная служба – «на непослушников со своими ратными людьми ходить».

В связи с обострившимся отношением с Алтын-ханом чоросский тайша Хара-Хула, предпринимая меры к объединению ойратских княжеств, направил во второй половине 1619 г. своих послов в Тобольск, а затем в Москву с предложением, «чтоб он был под царскою высокою рукою». Попытка халхасского Алтын-хана помешать Хара-Хуле приобрести покровительство России не увенчалась успехом. Личные аудиенции 29 января и 23 мая 1620 г. у царя посольства тайши Хара-Хулы, переданные устные его заверения явились основанием для выдачи 25 мая того же года Жалованной грамоты царя Михаила Федоровича чоросскому тайше о принятии со всеми его улусами в российское подданство.

Одной из особенностей развивающихся взаимоотношений между Россией и калмыками в 1620 г. явилось то, что царская администрация, внимательно следя и регулируя эти процессы, решение вопросов о приведении отдельных групп калмыков в российское подданство передала воеводам сибирских городов. Поэтому тобольский

воевода М.М. Годунов, не решившись отправить в Москву посольство тайши Хо-Орлюка и его сыновей, прибывшее в Тобольск 12 сентября 1620 г., ограничился отпиской (информацией) в Приказ казанского дворца. Затем, поскольку он только что вступил в должность, для выяснения обстановки направил в калмыцкие улусы служилых людей во главе с сыном боярским Д. Черкасовым.

Однако калмыцкие тайши торгоутской группы (Хо-Орлюк, его сыновья и братья), не дожидаясь решения М. Годунова, почти одновременно (6 и 19 октября 1620 г.) направили две делегации в Уфу. Воевода О.Я. Прончищев оперативно уже 9 и 23 октября послов обеих делегаций привел к присяге «быти под твоею государевою высокою рукою». Все же без указания центральной власти он не рискнул отпустить калмыцких послов в Москву под предлогом, что «путь приспел зимней».

Боярская дума, рассмотрев в конце ноября 1620 г. заключения Приказа казанского дворца и Посольского приказа, две отписки О.Я. Прончищева, полностью одобрила действия уфимского воеводы. Принятое ею решение гласило: «Государь указал и бояре приговорили», что воевода «добро учинил, что колмаков привел под государеву руку, и вперед бы им з базаром и с торгом приезжать велел, и ласку к ним держал и береженье, чтоб им ни от кого обид не было, и торговали б с ними правдою, чтоб их приучить, а не отогнати»[13]. Уфимскому воеводе было предложено, в целях закрепления развивающихся договорных взаимоотношений, впредь «учнут приезжать ... послов колматцких отпустить к Москве».

В связи с обострением в 1621 г. продолжавшейся войны между Алтын-ханом, выступавшим в союзе с казаками и ногаями, и чоросским тайшой Хара-Хулой, которому начали активно помогать тайши других групп калмыков, резко сократились контакты последних с сибирскими городами. Этому способствовала и усиливавшаяся «информационная война» не в пользу калмыков. С одной стороны, в дезинформации центральной власти о якобы предстоящем нападении калмыцких тайшей на сибирские города и волости оказались заинтересованными сами некоторые воеводы в целях получения «служилых людей с вогненным боем, государева жалованья (денежного, хлебного запаса)», с другой – противники калмыков, с тем чтобы настроить русских против них.

Поэтому воеводы сибирских городов в 1621 – 1623 гг. начали внимательно изучать обстановку в калмыцких улусах. Лишь по указанию царя Приказ Казанского дворца в октябре 1623 г. принял тайшу Мангита (брата Далай-Батыра), давшего шерть в июне того же года тобольскому воеводе М. Годунову. Приказ Казанского дворца (князь боярин И.М. Воротынский) и Посольский приказ (думный дьяк Е.Г. Телепнев), учитывая обострившиеся отношения

с Польшей, Литвой, Турцией, Крымским ханством, с ногайцами, а также в связи с имевшимися фактами столкновения сибирских городов с некоторыми калмыцкими улусами, внесли коррективы в политику по отношению к калмыкам. Воеводам сибирских городов предлагалось по-прежнему устанавливать и развивать взаимоотношения с калмыками, всячески содействовать принятию ими подданства, но «не велесть послов колматцких к Москве отпускать по прежнему государеву указу» и «им ратного оружия не продавать», поскольку «они люди многие и воинские, и они б к Москве пути не познали».

С середины 1620-х годов разгорелась ожесточенная междоусобная борьба между сыновьями Хара-Хулы – Чохуром и Байбагишом из-за наследства старшего брата Чин-тайши. В эту распрю вмешались в целях примирения их отец – дербетский тайша Далай-Батыр и торгоутский тайша Хо-Орлюк. Столкновения между двумя враждующими группировками продолжались до осени 1629 г. В своем противоборстве обе стороны пытались настроить русских друг против друга. В этой обстановке калмыцкие дела полностью взял в свои руки Посольский приказ (думный дьяк Е. Телепнев и дьяк М. Матюшкин), постоянно информируя царя Михаила Федоровича и святейшего государя патриарха Филарета Никитича о происходивших событиях в калмыцких улусах, контролируя и направляя действия воевод сибирских городов.

Следует отметить, что в эти годы не прерывались взаимоотношения (торговля, обмен делегациями) между сибирскими городами и отдельными калмыцкими улусами. Весьма оживленные взаимоотношения возобновились с начала 1630-х годов между администрациями городов Уфы, Тобольска, Тюмени и Томска и калмыками. В результате калмыцкие тайши получили возможность направить своих послов в Посольский приказ и к царю. По указанию Михаила Федоровича думные чины Посольского приказа дважды встречались (в апреле и июне 1630 г.) с послами дербетского тайши Далай-Батыра, а затем в конце июня сам их принял. По итогам визита указанных послов Посольский приказ от имени царя направил Грамоту от 12 июля 1630 г. уфимскому воеводе И.Г. Желябужскому закрепить письменным договором с главными тайшами условия нахождения калмыков в составе Российского государства.

Следующее посольство, уже от хошеутовских и торгоутских групп, из Уфы в Москву прибыло в конце декабря 1631 г. По указанию царя его приняли 12 января 1632 г. в Посольском приказе думный дьяк Ф. Лихачев и дьяк М. Матюшкин, которые выяснили, что эта группа калмыков приближалась к степям Приуралья и Поволжья.

После смерти в 1637 г. Далай-Батыра крупное дербетовское княжество распалось на уделы, а группировка калмыков во главе с тайшой Дайчи-

ном (сыном Хо-Орлюка) находилась уже в Приуральских степях (междуречье Яика и Волги). Хо-Орлюк, опасаясь повторных нападений зюнгарских, дербетских тайшей и казахов, с низовьев Яика и Эмбы двигался к Дайчину, получившему в 1636 г. у царской администрации разрешение «кочевать по Яику и по Волге, Астрахани блиско». А в 1642 г. Хо-Орлюк с детьми, опасаясь нападения «дальних калмыков» (джунгарских), перешел на правый берег Яика и кочевал по «астраханской стороне» до самой Камыш-Самары. Однако появление калмыков в этих местах и локальные их стычки с башкирами вызвали беспокойство у самарского, уфимского и астраханского воеводств.

В этой обстановке Посольский приказ неоднократно пытался дипломатичным путем разрешить вопросы закрепления калмыков в составе государства: в июне 1645 г. по указанию Михаила Федоровича калмыцких послов приняли боярин Б.И. Морозов и думный дьяк Г. Львов; в ноябре 1649 г. по указанию царя Алексея Михайловича и Посольского приказа с Дайчином встретился уфимский служилый в статусе посланника И.И. Онучин. Помимо этого, в 1646 г. по указанию Алексея Михайловича к тайшам торгоутов приезжал уфимский стрелецкий сотник посланник А.Б. Кудрявцев, в 1648 г. – уфимский сын боярский посланник В.К. Голубцов. По самому главному вопросу обе договаривающиеся стороны приходили к согласию – «калмыки будут в вечном послушании, готовы служить и прямити и з государевыми изменниками и непослушными битися до смерти, не щадя голов своих» [14]. Но что касается требования выдать аманатов (заложников), калмыки заупрямились. Поэтому проблемы о кочевьях и правовом закреплении калмыков в составе Российского государства несколько стали затягиваться.

В начале 1650-х годов позиция царской администрации по вопросу о кочевьях калмыков и об окончательном их закреплении в составе государства принципиально изменилась. Причина заключалась в том, что начавшаяся в 1654 г. война России с Речью Посполитой, в которой приняли участие Швеция, Турция и её вассальные государства – Молдавия и Крымское ханство, потребовала мобилизации всех ресурсов Российского государства [15], привлечения дополнительных военных сил. В это время активизировались калмыки с обращениями о разрешении территориальной проблемы, одновременно заявляя о своем намерении «однолично» служить Русскому государству «прямою правдою».

С учетом сложной военной обстановки на юго-западе страны и готовности калмыков принять участие в борьбе против Турции и Крымского ханства было ускорено положительное решение территориального и торгового вопросов. Посольский приказ, несмотря на чрезвычайную загруженность в связи с началом войны, серьезное внимание уде-

лил в 1654 г. организации переговоров, подготовке проекта шерты и согласованию с тайшами. Впервые шертная запись от имени главных калмыцких тайшей 4 февраля 1655 г. была подкреплена подписью калмыцким письмом их поверенным писарем Батырки. В последующем эта шерть, как документ, имеющий юридическую силу закона, была включена в Полное собрание законов Российской империи (том I).

В ней трое калмыцких послов клялись за тайшей, их братьев, детей, племянников, за всех улусных людей великому государю Алексею Михайловичу быть «в вечном послушанье», участвовать в ратных делах, не вступать в связь с неприятелями России, не воевать с подданными царя. По данному первому юридическому документу калмыки, утверждаясь в российском подданстве, сохраняли самостоятельность и самоуправление внутри Российского государства, но с соблюдением и обязательным выполнением условий, в основном носивших военно-политический характер.

В соответствии с шертной записью от 4 февраля 1655 г. Посольский приказ по указанию царя Алексея Михайловича подготовил и в апреле того же года разослал Грамоту воеводам Астрахани, Казани и других поволжских городов. В ней центральная власть впервые официально закрепила определенную территорию за калмыками – «улусам их велено кочевать по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близко наших городов, где они кочевать похотят» – и дала указание не препятствовать и «не чинить дурно» им [16]. Согласно договоренности быть с «государевыми ратными людьми вместе», весной того же года последовал царский указ о выступлении калмыков на борьбу с Крымским ханством и в связи с этим идти на соединение с донскими казаками и с гетманом войска Запорожского – Богданом Хмельницким.

Условия закрепления калмыков в российском подданстве были уточнены и подкреплены в шертных записях 1657, июньской и декабрьской 1661 гг. Этому предшествовали ряд объективных событий, активизировавших царскую администрацию принять решение потребовать подписать калмыцкими тайшами новые обязательства. В конце 50-х годов XVII в. Крымское ханство предприняло настойчивую попытку (безуспешную) склонить калмыков на свою сторону. В 1660 г. на Украине оказались неудачными военные действия русско-украинской армии против войск Польши и Крыма [17]. В целом, по всей вероятности, это было связано с продолжавшейся войной России против Польши и Швеции, с высадкой военного десанта турок под Азовом, с выступлением крымского хана и подписанием в июне 1661 г. невыгодного «вековечного Кардисского мирного договора» со Швецией.

В этой тяжелой военной обстановке на юго-востоке страны царская администрация приняла

ряд экстренных мер по мобилизации военных ресурсов, где немаловажное значение придавалось и калмыцкой коннице против польских и крымско-турецких войск. В целях привлечения калмыков к войне на южных рубежах, а также к выполнению дипломатического поручения в феврале 1661 г. к тайше Дайчину в сопровождении донских казаков Федора Будана и Степана Разина прибыл представитель центральной власти И.С. Горохов, думный дьяк Посольского приказа. Он передал тайше указ царя Алексея Михайловича, «чтобы Дайчин тайша послал к крымскому хану спрещение, чтобы крымский хан от польского короля отстал и помочи ему не чинил», а в случае если крымский хан не отстанет и не прекратит военные действия против России, «то калмыки будут воевать крымские юрты» [18].

Согласно условиям шертной записи от 8 июня 1661 г., проект которой составлялся И.С. Гороховым и уполномоченным по военным делам от России в Калмыкии князем К.М. Черкасским совместно с представителями Дайчина, надлежало «идти войною ратным нашим калмыцким людям нынешнего 7169 году июня с первого на десять числа на крымские улусы, и с крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а Великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении, и вспоможение русским людям везде чинить неоплошно» [19]. К договору прикреплялась роспись калмыцкого ратного отряда численностью до 10 тыс. человек для немедленного совместного выступления с донскими казаками против турецко-крымских войск.

Договорным документом, окончательно оформившим закрепление калмыков в российском подданстве на постоянной и обширной территории, явилась шертная запись, по повелению царя Алексея Михайловича данная тайшой Мончаком (сыном Дайчина) 9 декабря 1661 г. уполномоченному центральной власти России по организации вооруженных сил юго-востока страны боярину, князю Г.С. Черкасскому, астраханскому губернатору, в присутствии думного дьяка Посольского приказа И.С. Горохова, прибывшего специально для участия в этой церемонии.

Нормативные документы 1655, 1657 и 1661 годов с точки зрения де-факто и де-юре свидетельствовали о том, что Россия, приняв калмыков в свое подданство, и калмыки, войдя в её состав, совместно и согласованно выработали и установили взаимоотношения на нормативно-договорных принципах при добровольном волеизъявлении обеих сторон. Вопросы политического и военного характера координировались через специально их уполномоченных посланцев, которые пользовались особым положением (на уровне посланников). Такой характер подданства калмыцкого народа и его взаимоотношений на том этапе с Россией объясняется тем, «что калмыки не были побеждены силой русского оружия, но добровольно призна-

ли над собой государственную власть страны, где поселились», принципиально изменив суть своего политического статуса – договорные их обязательства теперь превратились в государственные обязанности[20].

Таким образом, в инкорпорации калмыков в состав России решающую роль сыграли два важнейших составляющих фактора: с одной стороны – стремление калмыцкого народа, обусловленное исторической необходимостью выбора постоянного места обитания, а также и сильного покровителя, с другой – заинтересованность Российского государства в расширении своей территории и в обеспечении безопасности на ней, активная деятельность его органов верховной и центральной власти в реализации этой политики путем проведения по отношению к некоторым народам адекватно выдержанной, мирной политики, с соблюдением взаимовыгодных интересов при агломерации их.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. История России с древнейших времен. Т. 11–12. М., 1991. Т. 12. Гл. 5. С. 559.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 66, 67; Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862 – 1917 гг. 2-е изд. М., 1997. С. 228.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607 – 1636 гг.: сб. док. М., 1959. С. 28, 29.
4. Там же. С. 21.
5. Там же. С. 23.
6. Там же. С. 27, 34, 37–39.
7. Там же. С. 34, 35, 36.
8. Там же. С. 39.
9. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9 – 10. М., 1990. Т. 9. Гл. 1. С. 16, 17; Гл. 5. С. 298.
10. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 37.
11. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 44.
12. Там же. С. 55, 70 – 73.
13. Там же. С. 102–103, 106–108.
14. Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 98.
15. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V. Т. 10. Гл. 4. С. 596–615.
16. Кичиков М.Л. Указ. соч. С. 102.
17. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 11. Гл. 2. С. 86–90.
18. Там же. Т. 12. Гл. 5. С. 555–558.
19. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. Т. 1: с 1649 по 1675 гг. С. 531–532. № 300.
20. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929. Ч. 3/4. С. 5; Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 307, 309.

ББК 63.3 (2) 46

МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА ОЙРАТОВ 1625 – 1630 гг. И ПЕРВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАЛМЫКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

В.Т. Тепкеев

Статья посвящена одному из переломных моментов в истории ойратов во второй половине 20-х годов XVII века. В результате междоусобной борьбы 1625 – 1630 годов ойратское общество раскололось на два враждебных лагеря, что привело к новому толчку миграции в западном направлении – в степи Северного Прикаспия.

Ключевые слова: XVII век, междоусобица, ойраты, Чокур, Байбагас, Далай-Батур.

The article is devoted to one of critical moments in history of the Oyrats in the second half of 20-th of the XVIIth century. As a result of war 1625–1630 Oyrat society cracked on two hostile camps, that resulted in the new shove of migration in a westward in steppe of Northern Caspian region.

Keywords: XVII century, internal struggles, Oyrats, Chokur, Baibagas, Dalai-Batur.

Долгое время в историографии превалировало мнение о том, что в авангарде продвижения ойратов на запад вдоль сибирских границ Московского государства находились торгуты Хо-Урлюка, вслед за которыми продвигались с улусами и дру-

гие ойратские тайши. Но при изучении новых материалов обнаруживается явное несоответствие подобному утверждению. Известно, что группа хошутских улусов братьев Чокура, Байбагаса и Чин-тайши в первой половине 1625 г. кочевала на

урочищах Улен Кабала и Чюдете от Уфы в 10, а от верховьев Эмбы – в 20 днях пути. Общая численность указанных хошутских улусов составляла свыше 30 тыс. калмыков [1]. Это дает основание говорить о продвижении в передовых рядах ойратской миграции на Запад именно хошутских улусов.

В вопросе идентификации личности Чокура (Чогура или Шукера) стоит внести ясность. Начиная с работ С.К. Богоявленского и И.Я. Златкина, долгое время он считался цоросским тайшой, сыном Хара-Хулы и братом Эрдени-Батура. Действительно, у цоросов, судя по генеалогическому древу, были одноименные братья Чокур и Байбагас. Но они были намного моложе, и в русских источниках впервые упоминаются примерно с конца 30-х гг. XVII в. В данном случае речь идет о хошутском тайше Чокуре (из рода Гурван эцкэ Галгас), выделявшимся своей предприимчивостью и энергией, что давало ему возможность играть заметную роль в ойратских делах. Впервые эту историческую ошибку отечественных исследователей, тщательно рассматривая монгольские родословные, обнаружила японская исследовательница Джунко Мияваки [2, с. 70-77]. Этот вывод подтвердили и новые материалы из русских источников. Именно хошутскому Чокуру, возвысившемуся на некоторое время, согласно Габан Шарабу, удавалось долгое время захватывать чужие улусы, тем самым вызывая к себе ненависть большинства ойратских тайшей [3].

Происходившие межойратские конфликты показывают, что причины их заключались в основном во внутрисемейных разборках. Примерно в конце весны – начале лета 1625 г. умирает Чин-тайша, не оставив после себя наследника. Чокур на правах родного брата самовольно присоединил к себе его улус численностью в 1 тыс. кибиток, «а брату своему Байбагишу воли не дал». Но последний, собрав значительное войско, силой присоединил к себе улус Чин-тайши [4]. Чокур и Чин по отцовской линии приходились Байбагасу троюродными братьями, в то время как по матери Ахай-хатун они все трое являлись единоутробными братьями [1, с. 75-76]. В результате борьбы за улус началось ожесточенное столкновение между Чокуром и Байбагасом, которое впоследствии привело к расколу не только среди хошутов, но и во всем ойратском обществе.

По сведениям казака Якуна Сарбашова в Тобольске в августе 1625 г., в хошутский конфликт с посреднической миссией вмешались дербетские тайши – братья Далай-Батур и Эрке-Елден. Они направились к хошутам с тысячей воинов и предложили компромиссный вариант решения спора: разделить улус Чин-тайши между Чокуром и Байбагасом (по 500 кибиток). Стремление к примирению хошутов было вызвано и сложной внешнеполитической ситуацией, «чтобы услыша

то мугальские люди, что меж колмыцкими тайшами война, не пришли на них войной». Этот конфликт временно даже приостановил переговорный процесс тайшей с русской администрацией в Сибири. Казахи в это время были втянуты в войну с бухарским ханом Имам-кули и не могли вмешаться в ойратские дела, наоборот, вынуждены были просить военной помощи у Далай-Батура. Дербетские тайши, отправив подобный вариант решения спора, предложили Байбагасу вернуть 500 кибиток Чокуру. Если же Байбагас склонялся к такому варианту и намеревался отправить брату другую половину улуса Чин-тайши, то Чокур наотрез отказался, посчитав себя обманутым. Он собрал вокруг себя своих сторонников (Мерген-Теменя, Куяна, Табытая и др.) и с 30-тысячным войском атаковал Байбагаса. Далай-Батур незадолго «ночью с вестью» предупредил Байбагаса о готовящемся нападении. Как отмечали очевидцы, в районе левого берега Иртыша, ниже Ямыш-озера, происходило вооруженное столкновение между противниками, в результате которого Байбагас потерял большое количество своих людей и имущества. Он, видимо, не ожидал в разгар переговорного процесса вероломного нападения брата, поскольку у него «людей было мало, все были в разъезде». На помощь своему старому соратнику Байбагасу выступил цоросский тайша Хара-Хула с 10 тыс. воинами. Мелкие тайши также разбились на две враждебные партии. Далай-Батур с дербетами занял выжидательную позицию: «хто из них, Чокур ли или Байбагиш, будет силен, х тому хочет и пристати». Многие очевидцы тех событий склонялись к общему мнению: «меж колмацкими тайши быть войне великой, и миру меж ими не бывать» [4, с. 138 – 140].

Татары и русские люди, побывавшие в калмыцких улусах, в своих показаниях по-разному интерпретировали результаты сражения. По словам одних, Байбагас и Хара-Хула были разбиты и бежали за Иртыш. По другим свидетельствам, победили Хара-Хула и Байбагас, а Чокур бежал за Каракум, где был разбит туркестанцами и удалился под уфимские волости. Русский пленник, бежавший из улуса Хо-Урлюка, сообщил иное: «Бьются Урлюк с Чокуром, идут великие бои». Основываясь на том, что Чокур, по показанию мирзы Алея, осенью 1625 г. кочевал совместно с Далай-Батуром и входил в число старших тайшей, а Хо-Урлюк удалился на север, где искал себе места для кочевков и вошел с этой целью в сношения с русскими властями, можно сделать вывод, что «партия» Чокура вышла из кровавой распри победительницей; но во время борьбы возникли уже недоразумения между Чокуром и Хо-Урлюком, последний был разбит и удалился на север под Тару [5, с. 63-64].

После столкновения сторонники Чокура перекочевали к верховьям реки Эмбы. Здесь они встрети-

ли улусы алтыульских татар мирз Салтаная и Шайнека, которые, не желая быть в русском подданстве, удалились из-под Астрахани. В начале 1626 г. к ним на Эмбу прибыли послы от дербетских тайшей Далай-Батура и Мангита с предложением мира и совместных военных действий против общих врагов. Дербеты кочевали в это время на Каракуме и Барсучьих песках в районе Арала [1, с. 294]. Видимо, здесь находились их зимние кочевья, а с весны они вновь поднимались вверх по Тургайской ложбине на летние пастбища ближе к сибирским городам.

Во время ойратской войны отношения с соседями складывались для калмыков в целом благоприятно. Но у группировки Чокура с казахами дела обстояли не особенно благополучно. В 1627 г. тайша Мерген-Темень с улусом в 10 тыс. человек расположился рядом с казахским ханом Ишимом и с ним «учинился в миру» [1, с. 301]. Здесь, скорее всего, имеется в виду количество воинов, поскольку в «Биографии Нейджи-тойна» есть упоминание о наличии у торгутского тайши Мерген-Теменя 10-тысячного войска [6]. Но Ишим с 10-тысячным войском внезапно совершает нападение на сторонников Чокура и «многих калмыцких людей побил и в полон поймал». Ташкентский правитель Турсун самоустранился от участия в войне с калмыками, за что и поплатился перед Ишимом своей жизнью. Мерген-Темень с остатками своих улусных людей бежал к реке Сырт (Сырдарья), и, согласно сведениям, «те калмыцкие люди лошадьми и животиною скудны». Военные неудачи вызвали у калмыков интерес к более слабому соседу. Часть калмыков выступала сторонниками того, «чтоб идти войною на нагайские улусы, а другая де половина их говорят, чтоб им на нагайские улусы войною не ходить» [1, с. 309].

Кочевавшие по Эмбе калмыки стали сговариваться с алтыульцами о совместном походе против астраханских ногаев. Алтыульские мирзы в это время окончательно рассорились с русскими властями, поскольку ограбили посланного к ним посла Якова Бухарова, а часть сопровождавших его стрельцов убили [5, с. 64-65]. Воспользовавшись вспыхнувшим конфликтом между ногаями и едисанами осенью 1628 г., алтыульский мирза Шейдяк срочно отправил на Эмбу к калмыкам предложение совместного набега против ногаев. 31 октября на рассвете молодые тайши во главе с Доржи и 2-тысячным отрядом калмыков и алтыульцев атаковали нагайские улусы бия Каная и нуреддина Мамбет-мирзы Кара-Келмаметева. Ногаи и охранявшие их стрельцы разбежались, а в погоню за калмыками из Астрахани никто не вышел [4, с. 149; 5, с. 65]. Слухи о намерении калмыков закрепиться в урочище Кондаки, считавшемся ими «исстари калмыцкими кочевными местами», вызвали панику среди ногаев. Астраханские воеводы ограничились лишь отправкой стрелецкого отряда

в нагайские улусы для их защиты [5, с. 65]. Очередная вспышка междоусобицы и усиливавшееся давление калмыков вынудили правящую нагайскую верхушку обратиться в Москву с прошением взять на себя управление Ордой [7].

По данным допроса двух плененных калмыками татар, одного из которых звали Зулейхан, известно, что после сражения 1625 г. Чокур с 10 тыс. своих людей бежал за Каракумы в Туркестан к местному хану (видимо, с Мерген-Теменем), а сын его Доржи со своими людьми остановился в верховьях Эмбы. После туркестанцы разбили улус Чокура, и тому пришлось бежать ближе к Сибири на урочище Карачав (в месяце пути от Уфы), а затем на урочище Каракул (в 10 днях от Уфы). Отсюда в 1627 г. Чокур пытался войти в контакт со своим братом Байбагасом, «чтоб им быть меж себя в дружбе и в совете». Байбагас пошел навстречу Чокуру и приказал брату присоединиться к нему. Но летом 1628 г. Чокур неожиданно прикочевывает к своему сыну на урочище Урачин в 15 днях от Эмбы. Доржи объединял вокруг себя таких же молодых тайшей, общая численность которых насчитывала примерно 4 тыс. улусных людей. Здесь они наладили отношения с алтыульскими мирзами, предоставившими калмыкам «угожие кочевные места и сайгачьи ловли». Другой пленник, алтыулец Мурзыгелдей, сообщал, что с Доржи в последнем набеге принимали участие 2 тыс. калмыков тайшей Мерген-Теменя, Батура, Ичена и 250 алтыульских татар мирз Солтаная, Мамая, Урака, Шамамета и Юсупа. Сбор их отрядов произошел в междуречье Яика и Эмбы. На Эмбе с Чокуром осталось примерно 3-4 тыс. калмыков, и тайша в указанное время не предпринимал активных действий, поскольку «боитца приходу на себя мунгальских калмык» [1, с. 312-314].

Значительно дополняют картину и сведения некоего Антона, русского выходца из калмыцкого плена, записанные в Астрахани в ноябре 1628 г. Жил он в хошутском улусе и был также невольным свидетелем событий 1625 г. У Байбагаса насчитывалось на тот момент более 20 тыс. улусных людей, а у Чокура – менее 20 тыс. человек. Оба брата до ссоры долгое время кочевали «меж себя неподалеку и были в совете». Неизвестно, в чью пользу закончилось сражение в 1625 г., но Чокур со своими сторонниками отошел к башкирам в Уфимский уезд. В 1626 г. Байбагас в результате военного похода разбил Чокура, и тому пришлось бежать в Среднюю Азию к низовьям реки Сырт. Весной 1628 г. в семье Чокура произошел раскол, приведший к уходу тайши от своей старшей жены Мазики. Женщина вместе с сыном Доржи и другими мелкими тайшами, в том числе и Бай-Батуром, с более чем тысячью своих людей откочевали на Эмбу. Летом младший брат Доржи, тайша Данашир, с 20 людьми отправился на Иртыш с

целью выяснить обстановку в ойратской среде, а именно отношение других тайшей к Чокуру, «нет ли на отца ево от ково воины». Перед набегом на ногайские улусы тайши Хандер, Дай-Батур и 10 других молодых тайшей с Солтанаем и 5 мирзами «учинили меж себя клятву и пошли на ногайские улусы войною заодин» [1, с. 315-316].

Чокур и его соратники в условиях постоянной военной угрозы со стороны монголов и казахов сознательно дистанцировались от общеойратских дел. Более того, они часто являлись виновниками нападений на ясачных людей Московского государства, с которым другие ойратские тайши в условиях продолжающейся войны с монголами пытались нормализовать отношения. По мнению С.К. Богоявленского, союзные тайши преследовали тех своих собратьев, которые отказывались принимать участие в общеойратских предприятиях, направленных к обеспечению безопасности всего ойратского общества [5, с. 66]. Это объясняет, почему союзные тайши начинают повсеместно преследовать Чокура и его людей, «чтоб ево однолично, где ни сойти да убить». Некоторые из тайшей, первоначально входившие в группировку Чокура, постепенно начали его покидать. Это видно на примере торгутского тайши Дайчина. Под давлением отца Хо-Урлюка и под угрозой быть уничтоженным он откочевал от Чокура, доводившегося ему тестем.

Летом 1628 г. группировка Чокура бежит за р. Ишим к верховьям Тобола, где совершает нападение на ясачных татар. Осенью она переходит на Эмбу. Чокур прислал в Астрахань татарина с просьбой принять его «под высокую царскую руку» и разрешить кочевать по Эмбе и Яику. Улусные люди Чокура боялись нападения хошутского тайши Гуши, у которого насчитывалось 20 тыс. воинов, а также казахского царевича Кучука Салтана, имевшего 10 тыс. воинов. У Чокура и его соратников в общей сложности насчитывалось 3-4 тыс. улусных людей, а непосредственно с Чокуром кочевало 400 человек. По другим данным, воинов у данной группировки насчитывалось 6 тыс., в том числе 800 с огнестрельным оружием [4, с. 145; 5, с. 65]. Цифры о численности калмыков, как видно из показаний свидетелей того времени, сильно разнятся. Все это объясняется стремительными передвижениями ойратских улусов по огромной территории, постоянными столкновениями с соседями и потерями людей.

Летом 1629 г. 300 человек из улуса Чокура совершили набег на Каратабынскую волость Уфимского уезда, в ходе которого было убито 14 башкиров, а 60 захвачено в плен. В Уфе местные власти ошибочно сочли, что набег совершили люди Далай-Батура. Уфимский воевода Иван Желябовский отправил в дербетские улусы, кочевавшие на Иртыше, посольство во главе с Артемием Гладышевым. Но в районе реки Ишим посольство было ограблено все

теми же людьми Чокура. Неизвестно, был ли в курсе событий сам Чокур и по его ли заданию были совершены эти акции, но ограбление русского посольства, направлявшегося к Далай-Батуру, считалось ничем иным, как оскорблением самого дербетского предводителя. Жесткий ответ союзных тайшей не заставил долго себя ждать. Выяснив на месте, что улусные люди Далай-Батура не имели никакого отношения к нападению на башкир, русские послы получили подарки и заверение в виде шерти от союзных тайшей: «быти под государевою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Осенью 1629 г. Далай-Батур и Гуши организовали карательную экспедицию против группировки Чокура и Мерген-Темня. Численность данной экспедиции, по сообщению послов, доходила до 40 тыс. Цифра эта вполне реальная, если учитывать, что у самого Далай-Батура имелось в наличии 16 тыс. воинов, а у его детей – 20 тыс. Также в коалицию входили хошуты Гуши и торгуты Хо-Урлюка. Участвовать в походе против Чокура выразили желание и цоросы, но Далай-Батур им отказал, заявив, что справится своими силами. Исключение было сделано только цоросскому тайше Сунгулу, свату Далай-Батура, чей улус располагался по соседству с Чокуром и который также находился с ним во враждебных отношениях. Предварительно союзники предупредили русскую сторону о своем намерении зимовать с войсками на реке Уил, заверив в возвращении всего башкирского полона, захваченного Чокуром [4, с. 149, 151-152].

Опасаясь прихода союзных калмыков, в начале 1630 г. группировка Чокура предусмотрительно перешла с Эмбы на Яик, где приняла участие в нападении на местных казаков. В мае 1630 г. самарский воевода Борис Салтыков сообщал в Москву, что яицкие казаки с семьями просят на житье в Самару из-за прихода калмыков. Небольшие казачьи городки по Яику, где в общей сложности располагались около 300 казаков, зимой 1629/30 гг. атаковали калмыки Чокура. На приступе многие из числа нападавших калмыков были убиты и ранены. Захваченные во время боя раненые калмыки сообщили, что у них война с «большими калмыками», а они пришли кочевать по Яику плоть до Волги с прицелом для захвата Большого Ногая. Позже все они умерли от ран. Во время осады людьми Чокура казачьих городков 22 апреля неожиданно с тыла им ударили союзные калмыки. Большинство людей Чокура и его соратников были уничтожены или пленены. Уцелевшие сторонники Чокура бежали вниз по Яику к морю, где в районе Соленого городка вновь вступили в бой с местными казаками. Калмыки при штурме использовали деревянные щиты и огнестрельное оружие, но, тем не менее, снова были разбиты. Казакам стало трудно жить на Яике, поскольку пришедшие калмыки расположились по обоим берегам реки, заняв дороги и разбив все учу-

ги. Часть яицких казаков морем вынужденно мигрировала на Волгу и Дон [8].

Довольно интересные сведения об этих событиях сохранились и в показаниях пленных ногаев Ештея и Деная. В Самаре они сообщили, что жили в улусе тайши Хандера. Чокур, Мерген-Темень и Хандер самостоятельно управляли своими улусами. Всего у них насчитывалось более 4 тыс. улусных людей. С осени 1629 г. по весну 1630 г. указанные трое тайшей кочевали по Яику до тех пор, пока сюда не пришли и не разгромили их Далай-Батур и Гуши с 10 тыс. воинов. Союзные тайши из-за Эмбы, с района урочища Барсучьи Копани, двинулись на Яик против Чокура до урочища Карадуван. Алтыульские татары во главе с Салтанаем бежали в район Ургенча. Денай узнал от пленных калмыков, что Хандер был казнен союзными калмыками, выкrojившими ремни с его спины, Чокур был убит в бою, а судьба Мерген-Теменя осталась не известной. Уцелевшие сторонники Чокура затаились на время в северной прибрежной части Каспия [8, л. 39-45].

Таким образом, видим, что первые поселения калмыков в степях Северного Прикаспия были прямым следствием междоусобной борьбы 1625 – 1630 гг. После разгрома группировки Чокура на Яике перед многими ойратскими тайшами открылись все преимущества нового для них региона: пересечение торговых магистралей, близость крупных рынков, слабость соседних тюркских племен, отдаленность от враждебных монголов Алтын-хана, относительно теплый зимний климат, богатые

биоресурсы и т.п. Район северо-восточного Прикаспия в качестве поселения серьезно рассматривал в 1629 - 1630 гг. и дербетский тайша Далай-Батур, чьи послы по данному вопросу вели с московским правительством довольно интенсивные переговоры, закончившиеся в результате провалом. Лишь после откочевки дербетов и хошутов на старые кочевья в Юго-Западной Сибири, в конце 1630 г. в Северном Прикаспии появляются торгутские улусы Хо-Урлюка и Дайчина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана в русских источниках. Алматы, 2005. С. 312.
2. Мияваки Дж. Калмыцкие тайши в начале XVII века // *Altaica IV*. М., 2000. С. 70–77.
3. Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // *Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники*. Элиста, 2003. С. 96.
4. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М., 1959. С. 139.
5. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // *Исторические записки*. М., 1939. № 5. С. 48–102.
6. Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984. С. 49.
7. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 407.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 36–39.

ББК 63.3 (2) 46

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЖУНГАРСКОГО СЪЕЗДА МОНГОЛЬСКИХ И ОЙРАТСКИХ КНЯЗЕЙ 1640 г.

В.П. Санчилов

В 1640 году монгольские и ойратские князья созвали в Джунгарии большой съезд и приняли кодекс феодального права, известный как «Великое уложение». Его ойратский текст сохранился только у волжских калмыков. Достоверные сведения о том, как готовился и как проходил съезд, отсутствуют. В данной статье говорится об историческом значении Джунгарского съезда с учетом политической обстановки в Центральной Азии накануне и после 1640 года. Собранные нами сведения позволяют установить место проведения съезда и обстоятельства принятия на нем «Великого уложения».

Ключевые слова: *история Монголии, монгольско-ойратский съезд 1640 г. в Джунгарии, «Великое уложение» 1640 г.*

It was in 1640 that the Mongolian and Oyrat princes held their assembly in Dzungaria and carried a feudal law code known as the “Great Law Code of 1640”. Its Oyrat version solely survived among the Kalmyks in the Low Volga region. There is no veracious information on how the assembly had been prepared and in what atmosphere it was proceeding. This article deals with the historic significance of the Mongol-Oirat assembly in Dzungaria taking into account the political situation in Inner Asia on the eve of 1640 and afterwards. Our accumulated knowledge permits us to ascertain the meeting-place of the assembly and the circumstances in which the Great Law Code of 1640 was accepted.

Keywords: *the history of Mongolia, the Mongol-Oyrat assembly of 1640 in Dzungaria, the “Great Law Code of 1640”.*

Джунгарский съезд монгольских и ойратских князей 1640 г. стал известен в России благодаря принятым на нем законам, монгольское название которых «Их цааз» («Великое уложение»). До нашего времени дошел только ойратский текст этого памятника на заяпандитской письменности, сохранившийся у волжских калмыков [1]. Списки монголо-ойратских законов 1640 г., выявленные еще в XVIII в., будучи изданы, изучались дореволюционными авторами как ценнейший исторический источник с историко-правовой и источниковедческой точек зрения [2]. В области социально-экономического изучения «Великого уложения» многое было сделано советскими и монгольскими историками [3-6], занимавшимися проблемами общественного строя монгольских народов в эпоху средневековья.

Сейчас отдельные вопросы, связанные с Джунгарским съездом, нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении в свете новейших исследований. Это прежде всего относится к вопросу о месте проведения съезда 1640 г. и обстоятельствах принятия на нем «Великого уложения». Вопреки установившемуся мнению о том, что значение данного законодательного памятника, как феодального кодекса права, превалирует над его политическим значением, в данной статье автор попытался более подробно рассказать об историческом значении Джунгарского съезда 1640 г. с учетом политической обстановки, сложившейся в центральноазиатском регионе накануне и после 1640 г.

К середине XVII в. в результате разделения и расселения ойратов их кочевья простирались от низовьев Волги на западе до Великой Китайской стены и предгорий Тибета на юго-востоке. Военная и политическая активность крупных ойратских этнополитических объединений предопределила появление на карте Евразии трех государственных образований кочевников – Джунгарского ханства (1635-1758 гг.) в Джунгарии и Западной Монголии, Хошутского ханства (конец 30-х гг. XVII в. – 1724 г.) в Кукуноре и Калмыцкого ханства (70-80 гг. XVII – 1771 г.) в Нижнем Поволжье. В это время во внутренней жизни ойратов произошли два крупнейших культурно-исторических события – Джунгарский съезд монгольских и ойратских владетельных князей в 1640 г. и создание в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем и религиозным деятелем Зая-пандитой (1599-1662) ойратской национальной письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») на основе старомонгольской вертикальной письменности.

На съезде был принят кодекс монголо-ойратских законов «Великое уложение» (ойратское название «Йэкэ цааджин бичиг»), которым должны были руководствоваться монгольские народы. Известный исследователь истории Монголии И.Я. Златкин писал в своей книге о Джунгарском ханстве: «Не будет преувеличением сказать, что эти законы представляют собой первоклассный источник, облегчающий

понимание как внутренней жизни монгольского общества, так и его тогдашнего внешнеполитического положения. В их основе лежала тройная цель: урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и исключить возможность междоусобной борьбы; обеспечить объединение сил и взаимную помощь в борьбе против возможной внешней опасности; укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей над трудящимися» [4, с. 173]. Эта справедливая точка зрения нуждается в настоящее время в некотором уточнении. Главной причиной, побудившей монгольских и ойратских князей собраться на съезд в 1640 г., была не «вполне возможная», а реальная внешняя опасность.

В первые три десятилетия XVII в. на востоке Монголии усилилась угроза маньчжурской агрессии. Населявшие территорию Маньчжурии (современный Северо-Восточный Китай) разрозненные племена тунгусского происхождения чжурчжэни (в XVII в. они приняли название «маньчжуры») объединились в конце XVI в. в сильный племенной союз под властью одаренного полководца и государственного деятеля Нурхацы (1559-1626). Созданное им небольшое военно-феодальное государство маньчжуров с самого начала своего существования стало проводить агрессивную политику против своих ближайших соседей: Минского Китая, Корейского королевства и княжеств Южной Монголии. Прежде чем завоевать огромную Минскую империю маньчжурские правители в 20-30-х гг. XVII в. подчинили себе одно за другим княжества Южной Монголии, подкупая одних монгольских князей и силой оружия подавляя сопротивление других. Последний номинальный всемонгольский хан Лигдан (1604–1634), вступивший в союз с Минской династией Китая, был главным противником маньчжуров среди южномонгольских феодалов и до конца продолжал бороться за независимость Монголии. Он умер в 1634 г. в Кукуноре, куда отступил с остатками своих войск после поражения в генеральном сражении с войсками маньчжурских завоевателей.

Одержав победу над Лигданом, маньчжурский хан Абахай (1626–1643) в 1636 г. провозгласил себя императором и принял для своей династии новое название Цин. Подчинившиеся ему князья Южной Монголии, прибывшие в ханскую ставку, чтобы поздравить его, собрались на свой съезд и преподнесли ему титул «всемонгольского хана». В дальнейшем этот их предательский поступок позволил цинским правителям вмешиваться во внутренние дела оставшихся независимыми княжеств Северной Монголии (Халхи). В руках последних [т.е. маньчжуров. – В.С.] оказался и символ власти «всемонгольского хана», а именно передававшаяся из поколения в поколение яшмовая печать императоров правившей в Китае монгольской династии Юань (1280-1368 гг.) [7, с. 68]. Установив свое господство над Южной (Внутренней) Монголией, они готовились захватить

всю страну. На очереди была Северная, или Внешняя, Монголия. Советские исследователи справедливо отмечали, что «упрочение маньчжурского господства в Китае ставилось Цинами в прямую зависимость от полной ликвидации политической самостоятельности Монголии и подчинения ее своей власти» [8, с. 7].

Набравшие силу ойраты Джунгарии были в рассматриваемое время слишком далеки и недосыгаемы для маньчжурских завоевателей. Поэтому монгольские князья, в том числе самые влиятельные и могущественные феодалы Халхи: Дзасагту-хан, Тушэту-хан и Цэцэн-хан, видя явную неспособность разобщенных монгольских княжеств в одиночку противостоять натиску централизованного военно-феодального государства маньчжуров, решили пойти на союз с ойратами. В ответ на предательскую деятельность феодальной знати Южной Монголии они, забыв на время о старых распрях с ойратами, постановили провести свой собственный съезд совместно с ойратскими правителями. Политический компромисс между ними базировался на социально-экономической общности и этнической близости двух родственных народов.

Подробные данные о том, как готовился и как проходил съезд монгольских и ойратских феодалов, отсутствуют. Известно только, что знаменитые «монголо-ойратские законы 1640 г.», как еще называют («Великое уложение»), были выработаны и утверждены именно на этом съезде. В литературе существует ошибочное мнение о том, что съезд был созван по инициативе джунгарского Батура-хунтайджи в его владениях [4, с. 172, 176-177; 5, с. 173; 6, с. 3]. На самом деле инициатива проведения съезда исходила, как можно уверенно предположить, от правителей трех самых крупных ханств Северной Монголии. Не случайно имена двух из них – Дзасагту-хана Субуди и Тушэту-хана Гомбодорджи – первыми значатся в списке участников съезда, помещенном в преамбуле «Великого уложения» [6, с. 13]. Вместо Цэцэн-хана Шолоя на съезде присутствовали двое его сыновей – Эрдэни-хунтайджи и Далай-хунтайджи [6, с. 13]. Очевидно, что правители Халхи, опасаясь испортить «дружественные» отношения с маньчжурским императором, не рискнули проводить съезд в своих владениях, а провели его на территории Джунгарии.

В настоящее время твердо установлено, что место проведения съезда находилось не в улусе Батура-хунтайджи. Достоверное подтверждение этому факту мы находим в русских источниках, а именно в «статейном списке» посольства М. Ремезова к джунгарам [8, с. 203-206; 9]. Так случилось, что «тобольский сын боярский» Меньшой Ремезов именно в это время побывал по заданию правительства с дипломатической миссией и «государевым жалованием» во владениях Батура-хунтайджи. Выехав из Tobolska 3 июня 1640 г. по юлианскому календарю (13 июня по григорианскому), он направился к «солянскому

Ямыш-озеру». Сюда он добрался 27 июля (6 августа), но не застал здесь ни самого Батура-хунтайджи, ни других тайшей. Тогда русский посол проследовал дальше в улус к некоему «Куле-тайше», «приказному человеку» джунгарского правителя. Тот пытался задержать его под благовидным предлогом, но затем, продержав его несколько дней у себя, отпустил и «до Контайши дал провожатых». 24 сентября (4 октября) М. Ремезов прибыл в улус «большой жены» (т.е. старшей ханши. – В.С.) в урочище Исют Камень. Здесь, в главной ставке, ему сказали, желая, видимо, скрыть от него истинную причину отсутствия хунтайджи в своих владениях, что «Контайша в походе против мугал». По словам посла, хунтайджи вернулся «к себе в улусы к большой жене из Мугальские земли ввечеру в ночи позно» только 10 октября (20 октября) 1640 г.

Данное сообщение очевидца событий, несомненно, доказывает, что Батур-хунтайджи находился на съезде за пределами своих владений. Основываясь на показаниях этого источника, японская исследовательница Джунко Мияваки ошибочно полагает, что съезд «был созван монгольским правителем Дзасагту-ханом где-то в Халхе» [9, с. 228].

На самом деле съезд собрался в начале сентября 1640 г. в урочище Улан-Бураа на Тарбагатае во владениях влиятельного хошутского правителя Очирту-тайджи, которому впоследствии Далай-лама пожаловал титул Очирту Цэцэн-хан [10, с. 80; 6, с. 3]. Именно к нему могли приехать монгольские князья-чингисиды, не умаляя своего достоинства, так как только хошутские князья среди ойратов считались по своему происхождению выходцами из монгольского «Золотого рода» Борджигид, возводившими свое происхождение к младшему брату Чингис-хана Хабуту-Хасару. На съезд съехались владельческие князья и крупные феодалы Халхи, Джунгарии и Кукунора, а также волжских калмыков, незадолго перед тем поселившихся в степях Северного Прикаспия. Отсутствовали на нем только представители княжеств Южной Монголии, оказавшихся под властью маньчжурского хана.

По сообщению ойратского источника «Биография Зая-пандиты», на этом съезде-чуулгане «первенствовали Дзасагту-хан и двое ойратских тайджи» [11, с. 14], под которыми имеются в виду правитель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи и хошутский Очирту-тайджи. Ойратский первосвященник Зая-пандита, осенью 1639 г. вернувшийся на родину из Тибета и зимовавший в кочевье Очирту-тайджи, в работе съезда не участвовал. Он в это время находился во владениях монгольского Дзасагту-хана, исполняя свои миссионерские обязанности («удовлетворяя потребности «имеющих [счастливую] судьбу» (т.е. представителей знати. – В.С.) в учении [Будды]», как сказано в его «Биографии») [11, с. 43]. Зато на съезде присутствовали и принимали активное участие другие высшие иерархи ламаист-

ской церкви и личные представители Далай-ламы в Монголии и Джунгарии. Во вводной части (преамбуле) «Великого уложения» названы имена этих трех святителей-хутугт, в присутствии которых оно было принято: Инзан-римбочи, Акшоби Манджушири и Амуга-шиди (Манджушири) [6, с. 13]. По мере роста влияния и могущества ламаистской церкви высшие ламы начинают всё активнее вмешиваться в политическую жизнь монгольского и ойратского общества и их взаимоотношения с соседями.

В работе съезда приняли участие почти все ойратские владетельные князья: правители Джунгарского ханства Батур-хунтайджи с сыном Цэцэн-тайджи и младшими братьями Чуукэром и Мэргэн-Дайчином; дэрбэтские правители – сыновья умершего в 1637 г. тайши Далай-Батыра Дайчин-Хошуучи и Тэнгэри-Тойн и брат покойного дэрбэтского тайши Бё-Йэлдэн; хошутские правители Кундэлэн-Убаши и Гуши-хан, а также предводитель хошутов, оставшихся в Джунгарии, сын Байбагас-Батура Очирту-тайджи. Торгуты были представлены на съезде правителями обеих торгутских группировок: от волжских торгутов – тайша Хо-Урлюк с сыновьями Шукур-Дайчином и Йэлдэном, а от торгутов, оставшихся в Джунгарии, – князь Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ, названный в преамбуле «Великого Уложения» Мэргэн-нойоном [6, с. 13; 2, с. 35-36, 98-102]. Там же, в преамбуле, упомянуты и некоторые другие ойратские правители меньшего ранга [6, с. 13].

Джунгарский съезд явился одним из наиболее значительных событий в политической жизни монголов и ойратов и не только потому, что на нем был принят кодекс монголо-ойратских законов «Великое уложение». Так как съезд проводился в наиболее критическое для внешнеполитического положения Монголии время, то во главу угла на нем, судя по тексту «Великого уложения», был поставлен вопрос о том, как возродить внутреннее единство и совместными силами оказать отпор маньчжурской экспансии.

Известный монголист Н.Н. Поппе, говоря о значении этого исторического документа, называл первую часть его «первым в истории не только монголов и калмыков, но вообще первым в истории народов всего мира пактом о ненападении и о наказании агрессии» [12, с. 61]. В случае нападения агрессора на одно из монгольских или ойратских княжеств все монголы и ойраты должны были объединиться и наказать нарушителя мира. Все его имущество и скот подлежали конфискации, причем одну половину конфискованного следовало отдать потерпевшим от нападения, а другую половину поделить поровну между монгольскими и ойратскими князьями [6, с. 13-14; 2, с. 36; 4, с. 173-174]. В случае нападения на небольшой пограничный аймак или улус с виновного надлежало взять штраф – 100 панцирей (хуяг), 100 верблюдов и 1000 лошадей, а также вернуть всё захваченное им потерпевшей стороне [6, с. 14; 2, с. 36]. И.Я. Златкин справедливо объясняет

различие в санкциях за нападения на крупное и мелкое владение тем, что «в первом случае законодатели усматривали опасность возникновения серьезной междоусобной войны, способной потрясти страну, а во втором – только конфликт местного значения» [4, с. 174]. Сами же статьи составлены в общих выражениях и не содержат пунктов, явно направленных против маньчжуров.

Хотя в тексте «Уложения» агрессор (дайсун) напрямую нигде не называется, но не приходится сомневаться в том, что речь здесь идет именно о маньчжурских завоевателях, непосредственно угрожавших княжествам Халхи. Для борьбы с ними всё население Монголии и Джунгарии обязано было участвовать в равной степени. Никто не освобождался от этой обязанности. С целью мобилизации всех сил предписывалось применять суровые наказания (смертную казнь, конфискации имущества, штрафы) ко всем членам общества, от владетельного князя до простолюдина, уклонявшимся от участия в военных действиях. Причем строгие наказания грозили рядовым воинам не только за то, что они не оказали своим князьям, находившимся в опасности, помощи в бою, но и за более мелкие проступки, такие как несообщение о появлении противника, неявка по сигналу тревоги в ставку своего князя, бегство с поля боя. Высшей мерой наказания для владетельных князей пограничных районов, которые, получив известие о нападении на монголов и ойратов, не выступали против неприятеля, был огромный штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей [6, с. 14; 2, с. 36].

Участники съезда постарались урегулировать также и внутренние взаимоотношения монгольских и ойратских владетельных князей и достичь политического соглашения друг с другом. Для этого необходимо было ликвидировать халхаско-ойратские противоречия и покончить со старыми спорами и взаимными претензиями, таившими в себе возможность вооруженных конфликтов и междоусобных войн. Особенно остро стоял вопрос о самовольных откочевках крепостных аратов от их феодальных владык. На съезде была достигнута договоренность о том, чтобы кочевые улусы баргутов, батутов и хойтов, находившиеся с 1618 по 1628 год в Монголии, оставить во владении монголов, а улусы, находившиеся у ойратов в тот же период, оставить во владении ойратов. Все другие аратские семьи, кроме принадлежавших к перечисленным улусам, следовало возвратить прежним владельцам. На тех князей, кто осмелился приютить у себя беглецов, за каждого из них налагался штраф в размере 20 лошадей и 2 верблюдов, а задержанных перебежчиков полагалось возвратить туда, откуда они бежали [6, с. 14; 2, с. 36]. Нашел разрешение и вопрос о крепостных аратах халхаского Цогту-тайджи (погиб в 1637 г.), которые, спасаясь от смуты после изгнания их князя из Халхи в Южную Монголию, нашли себе убежище во вла-

дениях ойратских правителей. Законодатели согласились оставить их у их новых хозяев [6, с. 14; 2, с. 36].

Основная часть законов «Великого уложения» была направлена на то, чтобы кодифицировать нормы обычного права в интересах феодальной верхушки и юридически закрепить сложившиеся у монголов и ойратов феодальные общественно-экономические отношения. В них нашли свое выражение крепостнические тенденции, что дает основание исследователям «признать соответствующие разделы «Великого уложения» 1640 года имеющими для судеб трудящихся монголов и калмыков не меньшее значение, чем, например, Соборное уложение 1649 года для судеб русского крестьянства» [13, с. 98].

Мирное объединительное направление деятельности Джунгарского съезда монголо-ойратских князей 1640 года полностью соответствовало национальным интересам обоих монгольских народов. Его решения могли стать прочной основой для укрепления внутренних феодальных порядков в стране и обеспечения политической самостоятельности Монголии. Однако этого не произошло. С середины 40-х годов XVII в. среди нойонов Джунгарии начались междоусобицы. Территориальные и династические споры в обеих частях Монголии привели к срыву принятых на съезде соглашений. Разрыву союзных отношений в немалой степени способствовала и закулисная деятельность Цинов. Во вновь разгоревшихся конфликтах между ойратскими и монгольскими феодалами последние стали всё чаще обращаться за посредничеством к маньчжурскому императору, увеличивая тем самым свою зависимость от него. Это имело печальные последствия. Через 50 лет Северная Монголия (Халха) утратила свою независимость и в 1691 г. вошла в состав маньчжуро-китайской империи Цин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов 1640 г. и их изучение // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1987. С. 28–42.
2. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1880. 16+144 с.
3. Преображенская П.С. К вопросу о социально-экономическом строе калмыков по данным «Степного уложения» 1640 г. // История СССР. 1963. № 5. С. 94–100.
4. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, ГРВЛ, 1964. С. 173–177.
5. История Монгольской Народной Республики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 173–175.
6. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 148 с.
7. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 194 с.
8. Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 669 с.
9. Miyawari, Junko. Internal Rivalries in the Four Oyrat Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228–260.
10. Далай Ч. Ойрад Монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2006. 290 х.
11. Норбо Ш. Зая-пандита (материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 336 с.
12. Поппе Н.Н. Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов // Калмыцко-ойратский симпозиум, № 2. Филадельфия: Общество ревнителей калмыцкой культуры, 1966. С. 52–72.
13. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

ББК 63.3 (2) 46

ОЙРАТСКАЯ ПОЛИТИКА ЦЯНЬЛУНА

А.М. Пастухов

Статья посвящена взаимоотношениям между ойратскими государственными образованиями и империей Цин в период правления Цяньлуна.

Ключевые слова: *всеобщая история, история ойратов, история Китая, история дипломатии.*

The article is devoted to the relations between state formations of Oyrats and Empire of Qing Dynasty in Cyanlun board.

Keywords: *general history, history of Oyrats, history of China, history of diplomacy.*

История ойратского народа тесно связана с историей Китая. Особенно важным для судьбы ойратов оказался период Цин, когда практически одновременно выкристаллизовались несколько молодых государств – маньчжурская империя Цин (1636), Джунгарское государство (1635), Хошутское

ханство (1642). Чуть позже окончательно сложилось Калмыцкое ханство на Волге.

Традиционно считается, что взаимоотношения между ойратскими государственными образованиями и империей Цин были враждебными, и определяющим фактором являлось соперничество между

маньчжурами и ойратами за гегемонию в Центральной Азии. Не пытаясь оспорить это общее положение, автор хотел бы на примере судьбоносного для ойратских государственных образований XVIII века показать всю сложность проводимой маньчжурскими императорами политики по отношению к разным ойратским государствам, ее неоднозначность и выделить ряд фактов, которые по разным причинам не освещались в исследованиях более раннего периода.

Взойдя на престол в возрасте 24 лет, император Цяньлун (1736-1796) принял от своего отца – энергичного и талантливого правителя Юнчжэна (1723-1735) – тяжелое наследство. С 1715 г. продолжалась война с Джунгарией, время от времени прерываемая хрупкими перемириями, нарастало недовольство инородческих племен Юго-Запада политикой, направленной на ликвидацию самостоятельности тусы¹, казна пустовала, монгольские феодалы, бывшие военной опорой режима, несли огромные потери в людях и средствах, снаряжая год из года дорогостоящие экспедиции против Джунгарии и Тибета, находившегося под сильным влиянием Джунгарии. Особенно опасным было положение на Западе – неоднократные походы против Джунгарии не приносили успеха, подрывая престиж непобедимого доселе цинского оружия. Не помогли и попытки заключить союз с Калмыцким ханством – многообещавшая поездка Тулишэня (1667-1741) в 1712-1715 годах к хану Аюке (1669-1724) насторожила царское правительство, и последующее маньчжурское посольство (1730) исполняло свою миссию в ставке нового калмыцкого хана Церен Дондука под строгим контролем русских властей, а последнее, имевшее место в 1732 году, не было пропущено к калмыкам вообще [18, с. 96-97].

Перед Цяньлуном стоял выбор: продолжить традиционную политику своих предшественников или же сместить акценты в политике по отношению к ойратам. Первый путь вел к развитию глубочайшего экономического кризиса² и был чреват многочисленными восстаниями китайцев и не-ханьских народов, входивших в состав империи. Второй обещал мирную передышку и разработку асимметричного ответа угрозе владычеству Цинов в Халхе и Тибете со стороны Джунгарии. В долгосрочной перспективе это было единственным способом сохранения власти Цинов над покоренными территориями.

¹ Тусы – чиновники из числа местной племенной знати в районах империи Цин, населенных этнически-ми меньшинствами.

² В 1715-1735 годах маньчжуры собрали в Халхе свыше 4 млн голов скота на военные нужды, а в 1728 г. произвели принудительную закупку коней на сумму 3 млн лян по заниженным ценам [30, с. 43]. Расходы на военные действия с 1723 по 1733 годы составили 36 млн лян запасного капитала при том, что все ежегодные доходы шли на военные расходы [17, с. 98-99].

Придя к власти, Цяньлун согласился на продолжение переговоров, предложенных джунгарским хунтайджи Галдан Цереном (1727-1745) при посредничестве Далай-ламы еще его отцу, Юнчжэну [18, с. 99]. Главной целью нового императора было предотвращение возможности быстрого вторжения джунгарских войск на территорию вассальных халхаских феодалов, подобного походу 1731-1732 гг., когда владения Дзасакту-хана и Тушету-хана были полностью разорены войсками джунгарского полководца Церен Дондоба, не допустив при этом очередной конфронтации с Галдан-Цереном. В ходе долгих переговоров, закончившихся только в 1740 г., Цяньлун, искусно играя на слабых сторонах джунгар – заинтересованности в китайских рынках и невозможности быстрым ударом выбить цинские гарнизоны из Западной Монголии, сумел добиться главного: заключив мир на условиях возвращения джунгарам восточнотуркестанских земель, занятых цинскими войсками, пропуска джунгарских паломников в Тибет и разрешения вести караванную торговлю в Пекине и Сучжоу, он создал мощный плацдарм в Западной Монголии и обеспечил стране мирную передышку почти на полтора десятка лет.

15 прошедших лет были максимально использованы Цяньлуном для укрепления внутривнутриполитического положения Китая и стабилизации его экономики. Одновременно решались основные проблемы взаимоотношений с ойратскими народами. Магистральной линией в политике Цяньлуна являлась концепция универсальной монархии и лояльных вассалов. Нарушение лояльности, в зависимости от его степени, каралось разными мерами экономического и военного характера, вплоть до «высшей меры» – мего, т.е. уничтожения вассального владения, нарушившего принципы китаеццентричного мироустройства. По отношению к ойратам эта политика проявлялась, с одной стороны, формальным признанием их государства (заключение договора между Китаем и «варварским» государством де-факто означало его признание) и разрешением на ведение торговли под видом даннической зависимости ойратов, с другой – стремлением устранить духовную связь между Джунгарией и Тибетом, опасную для владычества Цинов над монгольскими народами, поддержать внутреннюю оппозицию и создать условия для включения территории Джунгарии в состав империи Цин вместе с ее населением.

В первые годы своего правления Цяньлун не внес ничего нового в те законы, которые создавались его предками для монгольских народов. Так, к «ойратским» статьям уложения «Цааджин бичиг»³ не было добавлено ни одного изменения, что свидетельствует о его стремлении поощрять

³ Статьи уложения «Цааджин бичиг», упоминающие правила обращения с ойратскими посольствами и перебежчиками – пп. 95, 97, 116, 117, 118, 119, 121, 128 и 152 [14, с. 82-106].

переходивших на сторону империи ойратских феодалов и их подданных. Разрешение на торговлю ойратских купцов в Сучжоу (в Пекин ойраты так и не смогли снарядить ни одного каравана [33, с. 30]) позволяло дать Галдан-Церену и его окружению уверенность в долгосрочности и стабилизации ойратско-цинских отношений.

Помимо этих мер, позволивших снизить остроту противостояния в Центральной Азии, Цяньлун вел вторую, скрытую игру, направленную на полное подчинение Джунгарии власти Цинов с минимальными затратами сил и средств со стороны империи. Велся политический зондаж, предпринимались попытки усилить влияние Цинов в Тибете, укреплялась система гарнизонов в Западной Монголии: «При крепости, называемой Харасунской, конницы девять тысяч, да при крепости ж Улятуйской пять тысяч, и при тех же де крепостях артиллерии при каждой крепости имеетца по триста пушек со всем снарядом: да при урочище Хангае конницы ж три тысячи пятьсот; при урочище Дзо Ирдяки (храм Эрдэни Дзу – *А.П.*) тысяча пятьсот человек» [10, с. 16-17].

Очень быстро выяснилось, что Джунгария сильно истощена войнами и население ее радуется наступившей мирной передышке. Со смертью Галдан-Церена, последовавшей в сентябре 1745 г., Джунгария вступила в полосу внутренней политической нестабильности, имея сложные отношения не только с Цинской империей, но и с казахами, Россией и мусульманскими государствами Средней Азии. Этот факт не ускользнул от внимания Цяньлуна – он приказал увеличить количество войск на границе и не поддаваться на провокации. В своем указе он говорил, что со стороны джунгар можно ожидать всяких неожиданностей: «Сейчас, когда у них траур, мы совершенно не хотим посылать армию в карательный поход. Однако опасаемся, что среди их племен есть иные, враждебно настроенные, и легко может случиться смута» [10, с. 5]. Действительно, смена харизматической личности Галдан-Церена на неопытного подростка Цэвэгдоржа Намжила быстро дала о себе знать. В результате непродуманной внутренней политики молодой хунтайджи быстро потерял популярность в народе. Началось бегство ойратов к Цинам. Цяньлун поощрял переселенцев и не выдавал их обратно по требованию хунтайджи, понимая, что таким образом он может внести раскол в ряды джунгарского руководства [10, с. 15].

Одновременно он начинает сворачивать торговлю с Джунгарией, не особенно заботясь о предлогах. После свержения Цэвэгдоржа Намжила (1749) Цяньжун понимает, что династийный кризис в Джунгарии вошел в завершающую стадию. Для реализации его плана покорения Джунгарии с минимальными потерями оставалось лишь правильно сориентироваться среди оппозиции правле-

нию хунтайджи Ламдоржа (1749-1753), не признаваемого многими ойратскими феодалами законным наследником престола. В голове Цяньлуна возникает план, схожий с тем, что был успешно реализован его дедом Канси в 1691 г. на Долоннорском съезде с князьями Халхи [26, с. 100]. Необходимо было лишь инспирировать обращение достаточно влиятельных джунгарских феодалов к маньчжурам с просьбой навести порядок в Джунгарии. Таким образом, не затрачивая средств и сил на ведение дорогостоящей военной компании, Цяньлун получал законный повод для вмешательства в дела Джунгарии и обеспечивал лояльность цинскому режиму со стороны тех джунгарских феодалов, которые своим сотрудничеством с маньчжурами скомпрометировали себя в глазах населения страны.

В период 1751-1753 годов многие джунгарские феодалы стали искать покровительства у соседних государств. Так, нойоны Бадма Церен, Ринчэн и Церен [10, с. 248] перешли под покровительство казахского султана Аблая, а Церен, Церен Убаши и Сарал – цинского императора Цяньлуна [10, с. 15, 20]. Это позволило Цяньлуну активизировать военные приготовления против Джунгарии, не привлекая к ним внимания нового хунтайджи Дабачи (1753-1755). С 1753 г. цинские войска начали вторгаться в пределы Джунгарии со стороны Алтая, приводя в покорность местные племена. Сопротивлявшихся зайсангов убивали, лояльных – утверждали в прежней должности, но уже от имени цинского императора, вызывающих сомнение – выселяли в Халха-Монголию [25, с. 62]. События на Алтае в 1753-1755 годах явились генеральной репетицией реализации «джунгарского плана» Цяньлуна.

К 1753 г. кризис в Джунгарии вступил в решающую стадию. В междоусобную борьбу джунгар активно включились казахи. Дружеские связи хойтского тайджи Амурсаны с султаном Среднего Жуза Аблаем привели к катастрофическим последствиям для государства ойратов – казахи нанесли мощные удары по кочевьям джунгар в бассейнах рек Эмил и Или, угнав более 10 тысяч семей [32, с. 19, 62]. Да и сам Амурсана повел себя весьма оригинальным для претендента на престол всей Джунгарии образом – вторгнувшись во владения своего соперника Дабачи, он захватил более 7 тысяч семей его албату и передал их казахам в качестве платы за военную помощь [6, с. 296]⁴. Естественно, это не прибавило ему популярности и лишь ожесточило сторонников Дабачи. В отместку Дабачи организовал выступление алтайских зайсанов против Амурсаны. Кочевья Амурсаны оказались разоренными, казахи потерпели поражение и отступили и сам Амурсана был вынуж-

⁴ Следует отметить, что в подобных действиях уличен и Дабачи [6, с. 294].

ден бежать к Цинам, преследуемый войсками джунгарского военачальника Мамута [10, с. 250]. Вместе с Амурсаной к Цинам ушло около 20 тысяч его подданных [35, с. 159].

Амурсана оказалась той самой фигурой, которая удовлетворяла Цяньлуна – достаточно известный в народе, чтобы при помощи продуманной пропагандистской кампании сделать его знаменем мира и спокойствия, водворяемых в Джунгарию цинскими войсками, он был, с другой стороны, недостаточно популярен, чтобы иметь всенародную поддержку и обеспечить дальнейшее существование независимой Джунгарии. Однако с целью обеспечения своей игры Цяньлун обещал Амурсане сместить Дабачи и сделать его самого джунгарским хунтайджи. Амурсана, безусловно, имел собственные планы, но по состоянию на 1754 г. такое положение дел удовлетворяло обе стороны.

Реальным же планом Цяньлуна было разделение Джунгарии на 4 «племенных» ханства – чоросов, хошоутов, дербетов и хойтов: «В соответствии с их четырьмя частями порознь пожаловать звание четырех ханам, чтобы разделить их силы. Сделать так, чтобы каждый сам осуществлял оборону. А подчинение приказам Среднего государства выражало как бы обуздание [их]» [19, с. 265]. С одной стороны, возведение какого-либо из джунгарских нойонов на вновь учреждаемый ханский престол обеспечивало личную связь хана с императором, с другой – каждое ханство имело крайне ограниченный потенциал для ведения самостоятельных военных действий против империи Цин, а антицинский союз между ханствами становился невозможным в связи с тем, что ойратские племена, занимавшие в общеойратском государстве разное положение, теперь были уравнены по статусу⁵.

Этот план, имевший много общего с планом Канси (1661-1722) в отношении Халхи, отвечал и потребностям ойратов – дезинтеграция государства зашла так далеко, что прочный мир и безопасность Джунгарии от казахских набегов мог обеспечить только исключительный лидер, поддерживаемый всеми без исключения феодальными владетелями страны. Однако на 1755 г. даже Дабачи, связанный узами родства с правящим родом, не являлся такой фигурой⁶.

⁵ Например, большинство ойратских феодалов не поддержало кандидатуры Амурсаны и Намхай Жаргала (1753) на пост общеойратского лидера по той причине, что первый был хойтом, а второй – дербетом, а не чоросом.

⁶ Против Дабачи выступил не только дербетский Намхай Жаргал, поддержанный многими мелкими феодалами Джунгарии, но и его активный сторонник Амурсана уже на следующий год после прихода Дабачи к власти.

Понимая это, Цяньлун объявил о начале похода в Джунгарию. Согласно диспозиции, выданной им членам Цзюньцзичу⁷ осенью 1754 г., к участию в кампании предполагалось привлечь 48 тысяч человек, преимущественно монголов из Халхи [10, с. 21]. На заключительном этапе операции предполагалось ввести в Джунгарию войска Зеленого Знамени, состоявшие из этнических китайцев – для создания военно-пахотных поселений с целью обеспечения войск продовольствием. Сарал и Амурсана – два наиболее активно сотрудничавших с маньчжурами перебежчика – получили цинский чин фу цзянцзюня (помощник командующего)⁸ и возглавили, соответственно, передовые отряды Западной (главнокомандующий Юнчан) и Северной (главнокомандующий Баньди) колонн [15, цз. 313, лечжуань 99].

Цяньлун тонко рассчитал психологический момент – оба джунгарских феодала шли во главе отрядов, сформированных из их собственных албату, следовавших за ними в империю Цин [10, с. 66]. Своими миролюбивыми поступками они должны были склонить джунгар к покорности, а следовавшие во втором эшелоне халха-монгольские войска – обеспечить отсутствие организованного сопротивления со стороны лояльных Дабачи феодалов.

План полностью удался – играя на противоречиях между джунгарскими феодалами, цинские войска полностью подавили слабое сопротивление сторонников Дабачи с апреля по июнь 1755 г., что позволило Цяньлуну объявить 19 июня 1755 г. о своей полной победе – цель похода была достигнута, у власти в Джунгарию находился человек, обязанный во всем лично императору и контролируемый отрядом из 500 халхаских и маньчжурских воинов под руководством военачальника Баньди [25, с. 65]. Дабачи был схвачен при помощи уйгуров, приветствовавших освобождение Цинами из джунгарского плена своих духовных лидеров – братьев Бурхан ад-Дина и Джахангира, происходивших из рода белогорских ходжей, имевших непререкаемый авторитет среди значительной части мусульманского населения Восточного Туркестана [10, с. 252].

Однако Цяньлун не казнил Дабачи – в будущей игре низложенный правитель должен был сослужить свою службу, если Амурсана вдруг попытался бы выйти из повиновения: «[Поэтому] оказать милость и присвоить Даваца титул циньвана, подарить поместье в столице и пригласить во дворец. Сообщить Даваца о том, что я держу все страны в повиновении, ко всем отношусь справедливо, уважаю приобретающих разум и

⁷ Военный совет, созданный императором Юнчжэном в 1732 г.

⁸ Сарал был назначен младшим (правым) помощником, а Амурсана – старшим (левым) помощником.

признающих свою вину. Объявить об этом также и всем живущим за пределами собственно Китая» [8, с. 82]. Не были казнены и многие другие ойратские деятели, несмотря на активную антицинскую политику, которую они проводили до 1755 г. Так, предводитель восстания ойратов Кукунора в 1722-1723 годах Лубсан Данзан, скрывавшийся после поражения восстания в Джунгарии, был представлен Цяньлуну и получил полное прощение [35, с. 160]. Тем самым Цяньлун демонстрировал главный козырь своей ойратской политики на данном этапе – установление гражданского мира на земле Джунгарии [34, с. 48].

Помимо этих мер, направленных на успокоение населения и приобретение лояльности бывших сторонников Дабачи, Цяньлун также предпринял шаги по ликвидации угрозы Джунгарии со стороны казахских феодалов, чьи набеги на Джунгарию приобрели необычайный размах. Для предотвращения новых вторжений в кочевья наиболее активного участника казахской экспансии – султана Аблая – был направлен посол Шундэна, который объявил казахам о подчинении Джунгарии Цинам и объяснил, что новые вторжения будут расценены как посягательство на территорию империи [32, с. 21]. Трезвомыслящий политик, Аблай решил не испытывать судьбу, формально выразил согласие со словами императорского указа и направил своего посла Амир-батыра к Цяньлуну, чтобы на месте разведать обстановку [32, с. 22].

Таким образом, Цяньлун выступил в роли миротворца с целью не просто занять земли Джунгарии (принципиально они не были нужны и без того огромной империи), но и сохранить военный потенциал ойратов на условии раздробления их политической организации и превращения в послушных вассалов империи по образцу аймаков Халха-Монголии.

В период июня–сентября 1755 г. большая часть цинских войск была выведена с территории Джунгарии. В качестве гаранта покорности Амурсаны в Или оставили лишь небольшой отряд монголов и маньчжуров во главе с Баньди⁹. Опытный военачальник и политик, Баньди заметил признаки двойной игры со стороны Амурсаны и недовольства большей части ойратов его возвышением. Пытаясь предотвратить возможные волнения, он направил Цяньлуну доклад, в котором объяснял необходимость изменения первоначального плана политических реформ в Джунгарии и настаивал на введении хошунной системы, аналогичной системе, примененной к чахарским монголам [34, с. 48]. В ответ Цяньлун направил Баньди письмо, в котором предписал арестовать Амурсану, чтобы

предотвратить крупные волнения и избежать излишних жертв: «Амурсану следует непременно схватить и наказать... Пусть все вожди джунгарских племен поймут, что из-за одного человека страдают очень многие и побоятся принять участие [в мятеже]» [10, с. 22].

Однако время было упущено – Амурсана ускользнул от маньчжурских властей и инспирировал восстание в районе ставки хунтайджи в Или. Отряд Баньди был уничтожен, а он сам покончил с собой. Следует отметить, что даже в момент, считавшийся началом общеойратского восстания с целью восстановления независимости Джунгарии, не все ойратские феодалы поддерживали повстанцев – так, второй после Амурсаны по значимости джунгарский перебежчик к Цинам – зайсан Сарал – был спасен ойратским дзаргучи Шикширги. В январе 1756 г. Цяньлун направил свои послания Шикширги и другим ойратским феодалам, не принявшим участия в восстании, с целью привлечь их к подавлению мятежа [10, с. 23-24]. Активную помощь в борьбе с Амурсаной оказали также многие ойратские феодалы из окружения Дабачи, содержавшиеся в Пекине: «Те взятые из Зенгории, в Зарге присутствующие зайсанги... отпущены с награждением, по увещеванию которых многие из зенгорцов от Амурсаны отстали» [25, с. 66]. Даже алтайские зайсаны, подвергавшиеся набегам монгольских военачальников цинской армии с 1753 г., сообщили Цинам о намерениях Амурсаны вторгнуться в Халху: «Ханьхатун-улянхай сообщил, что Амуэрсана агитирует его совместно совершить набеги в Мэнгу (Монголию)» [8, с. 80].

Социальная база восстания Амурсаны оказалась слишком узкой. Как только в долину Или вошли войска Цинов, Амурсана бежал в Казахстан просить помощи у своего старого друга и союзника Аблая. Попутно он свел счеты с рядом алтайских зайсанов, поддержавших Дабачи в 1754 г. По словам командующего на Сибирских военных линиях бригадира И.И. Крофта, в ставку Амурсаны явилось 17 зайсанов, «которых он, Амурсана, по прежде причиненной ему злобе в отомщение 15 человекам отсек голову». Вопреки распространенному мнению о многочисленности цинских войск, направленных на подавление восстания в Джунгарию, Цяньлун вновь ограничился небольшим карательным корпусом (около 20 с небольшим тысяч в 3 колоннах с учетом ойратского контингента), в задачу которого входило, в первую очередь, поимка мятежного нойона [10, с. 66]. Репрессиям подверглись улусы активных участников восстания: «Целен с небольшим военным отрядом проник в Элинхабиэргэ, уничтожил кочевья Абагэсы и Хаданя» [8, с. 84]. Воины улусов, не поддержавших Амурсану, активно привлекались Цинами для несения воинской службы. В частности, большой

⁹ Общая численность цинского гарнизона в Или составляла всего 500 человек. В это число не включены разрозненные подразделения цинских войск, возвращавшиеся в Халху и Китай.

отряд ойратов (3000 воинов) из Кунгеса и Юлдуза под руководством ойратского военачальника Басана был направлен Цинами в Восточный Туркестан для установления контроля за деятельностью Бурхан ад-Дина и Джахангира [10, с. 43]. Таким образом, даже после начала восстания Амурсаны Цяньлун не видел необходимости в начале крупномасштабных военных действий в Джунгарии. Более того, Цяньлун счел целесообразным начать вторжение на территорию Казахстана с тем, чтобы покарать Аблая за нарушение клятв, принесенных им, схватить Амурсану и предотвратить дальнейшее разорение Джунгарии казахами: «Случилось так, что Амурсана изменил [нам] и бежал к казахам, и Аблай приблизил [его] к себе. Наши воины двинулись вперед, разгромив их орды» [15, цз. 529, лечжуань 316].

Однако к концу 1756 г. под влиянием непрекращающихся боевых действий настроения ряда влиятельных ойратских феодалов изменились. Самым большим ударом для политики превращения Джунгарии в внешнего вассала по образцу Халхи стала измена чоросского нойона Галдандоржа, которого Цяньлун прочил в ханы чоросского ханства. В ноябре 1756 г. он отказал в повиновении Цинам и стал готовиться к активным действиям как против войск Цяньлуна, так и против сторонников Амурсаны. Столкновение со сторонником Амурсаны зайсаном Нимой¹⁰ привело к разгрому ставки Галдандоржа и его гибели в мае 1757 г. [34, с. 64]. Таким образом, даже перед лицом неотвратимой карательной экспедиции со стороны Цинов ойратские феодалы продолжили междоусобную борьбу, не сумев образовать единого антицинского фронта.

В апреле 1757 г. Цяньлуну поступает предложение от военачальника Чжаохуя, назначенного командующим карательной экспедицией в Джунгарию, о решительных мерах по отношению к мятежникам. В частности, Чжаохуй предложил в качестве эффективной меры по подавлению восстания начать методичное истребление ойратов: «Джунгары совершают преступление, необходимо уничтожить их полностью» [34, с. 62]. Однако подобные жесткие меры не входили в план Цяньлуна – указ Цзюньцзичу, изданный с учетом сведений, поступивших от Чжаохуя, предписывал уничтожение взрослого мужского населения мятежных улусов. Нон-комбатантов следовало расселять в местах, которые могли эффективно контролироваться цинскими войсками. Улусы, не принявшие участия в восстании, предписывалось не трогать: «Подобных воров ни в коем случае нельзя щадить, можно оставлять в живых только старых, малолет-

них и устроить их в разных местах. В прошлом, когда [мы] дважды отправляли в Джунгарию войска, отнеслись к ним очень гуманно. Если и теперь поступим как раньше, они снова поднимут бунт, как только мы возвратим [свои] войска... На этот раз во время военного похода ... покарать всех, кто вызывает малейшее подозрение, доставить в столицу или оставлять в живых только оказавших нам услугу и достойных высочайшей милости» [34, с. 62]. При этом большую роль играло личное знакомство Цяньлуна со многими ойратскими феодалами. Для обеспечения безопасности их семей Цяньлун приказал выселять их в район Сучжоу и снабжать продовольствием за счет казны.

О ходе проведения карательной акции военачальники детально отчитывались Цяньлуну. Следует отметить, что император лично вникал в детали событий и порой даже отменял распоряжения местных властей о репрессиях в отношении тех или иных улусов:

«Алигун сообщил, что шивэй Нингули доставил в Баркуль кэлэтцев численностью около 900 мужчин и 1700 женщин, возглавляемых Гэндаши и Мансуэром, все они [из Баркуля]¹¹ отправлены в Сучжоу, чтобы там решать их вопрос в соответствии с предписаниями, и что [он] уже написал письмо Хуан Тингюю [по поводу их казни]. [Баркульский командующий] действует без разбора. В прошлом ойраты сдались в плен от страха, в сущности [они] были ненадежными. [Поэтому их казнили], но кэлэтцы, как жители кочевья шалахусы, не бежали и не поднимали бунт, их можно пожалеть. Повелеваю [Военному совету] срочно передать мой указ Хуан Тингюю, о том, что он сказал Гэндаши и Мансуэру, [они] когда будут доставлены [к нему]: «Вы, пленные, много страдали из-за собственной доверчивости. Сановник в Баркуле [Алигун] хотел решать вашу судьбу в соответствии с предписанием. Но великий император помиловал вас и решил устроить, приказал доставить [вас] во внутренний Китай и там кормить и воспитывать». После их прибытия в Сучжоу [предводителей] доставить в Пекин вместе с женами и родственниками, остальных не размещать в одном месте, раздать чиновникам и воинам соседней провинции. Если в одной провинции их трудно устроить, то разбросать [их] по многим другим районам. Также довести сей указ до сведения Алигуна» [8, с. 92].

Решительные меры со стороны цинских властей вызвали серьезные опасения ойратов, начавших откочевку на запад, подальше от района боевых действий с Цинами. Продвигаясь на территорию казахских и киргизских кочевий, ойраты вытесняли оттуда прежних владельцев, что вы-

¹⁰ Еще 20 декабря 1755 г. Нима, ранее ездивший послом в Пекин (1749 и 1750), пребывал в лагере цинских войск и отвечал за несение службы персоналом почтовых станций в Ирен-Хабирга [8, с. 89].

¹¹ Слова в квадратных скобках отсутствуют в оригинальном тексте «Пиндин Чжуньгээр фанлюэ» и добавлены переводчиком.

звало обострение ойратско-казахских и ойратско-киргизских отношений. Причем в этом движении приняли участие улусы как участников восстания, так и тех, кто отказался от участия в мятеже. К таким нойнам относились торгоутские князья Аким и Агадак, к защите которых прибегло около 30 тысяч кибиток ойратов, лишившихся своих сюзеренов [10, с. 66].

В этот момент в события вмешался природный фактор – скученное размещение большой массы ойратского населения в природных очагах оспы вызвало сильнейшую эпидемию в улусах Шарас, Махус, Кереет и среди людей, отдавшихся под покровительство торгоутским нойнам. Потери от оспы были настолько велики, что от 30 тысяч кибиток, оказавшихся в распоряжении Акима и Агадака, к началу 1758 г. осталось только 7 тысяч [10, с. 86], а от 15 тысяч кибиток улусов Шарас, Махус и Кереет – только 3 тысячи [10, с. 132].

Надо также упомянуть и о том, что, несмотря на официальное предписание карать только повстанцев, цинские военачальники на местах порой обходили запреты, ссылаясь на неосведомленность или незнание. Так, например, был уничтожен улус хошоутского нойона Шакту, лояльный цинскому правительству. Мотивом для этого была возможность безнаказанно захватывать имущество мятежников, и запретительные меры со стороны императора могли лишь несколько обуздать своеволие военачальников.

Напуганные этими расправами, ойраты начали бегство на сопредельные территории. Начало массового исхода ойратского населения из Джунгарии относится к 1757 г., поскольку земли Восточного Туркестана еще не подверглись нашествию цинских войск и была возможность укрыться у уйгуров на относительно приемлемых условиях. Однако для более или менее сносного существования среди мусульман переселенцы были вынуждены принимать ислам. В этом случае воины и князья входили в окружение уйгурских феодалов, формируя их дружины [12, с. 48-49], а овдовевшие женщины и осиротевшие дети охотно принимались в семьи уйгуров на правах вторых жен, приемных детей, работников и т.д. [8, с. 138].

В ходе подавления ойратского восстания политика Цяньлуна сделала серьезный зигзаг: в 1757-1758 годах он стал рассматривать казахов как союзников в борьбе с повстанцами и в качестве приманки пообещал казахам разрешить им селиться на бывших джунгарских землях [10, с. 132]. В июле 1757 г., после очередного поражения от Цинов на урочище Айдынсу, казахи заключили союз с империей Цин и выставили вспомогательные войска для подавления ойратских повстанцев [18, с. 135]. Чжао Эрсюнь писал об этом: «Аблай глубоко раскаялся и тайно задумал задержать мятежника Амурсану, стремясь таким образом выполнить

свой долг вассала [по отношению] к нам. Вместе с Амурсаной тайно вернулся в Джунгарию. В 22 году [эры правления Цяньлун] (1757) Аблай и 30 тысяч его воинов оказали помощь в нападении на Амурсану. Демонстрируя [свою] дружбу, [он] принес извинения, служил с почтением, умоляя о том, чтобы стать вассалом. Впоследствии Амурсана бежал в Россию и умер. Тогда Аблай задержал его родственников Эбу и Цици Бахань и преподнес их в дар [императору]» [15, цз. 529, лечжуань 316].

В чем-то действия казахов даже превзошли действия Цинов по своей безжалостной эффективности – если цинские военные были вынуждены придерживаться приказов из Пекина, то казахи выводили из ойратских кочевий порой по 7 пленников на одного казахского воина [10, с. 153]. Естественно, что мужчин при этом старались убить [23, с. 214]. Способствовали этому и действия многих цинских военачальников – по свидетельству русских источников, при цинских отрядах часто находились казахские представители, принимавшие пленных ойратов и уводившие их в казахские кочевья [10, с. 83, 115]. Возможно, это было проявлением коррупции со стороны цинских военачальников, получавших за это взятки от казахов. Однако, несмотря на свидетельства подобных передач пленных ойратов казахам, мы не имеем четкого подтверждения корыстного характера этих действий цинских военных.

В 1758 г. восстание ойратов было в основном подавлено, хотя отдельные лидеры еще продолжали борьбу. Амурсана еще в 1757 г. бежал в Россию, где и умер. Состоявший при нем поручик Захаров в своей докладной записке писал: «Сего дня, 21 сентября, года 1757, от оспы скончался зенгорский нойон Амурсана. Годов от рождения 35». Казахи выдали Цинам другого крупного лидера восстания – Беке Цагаана [10, с. 132]. Теряются и следы вставшего в 1757 г. на борьбу с Цинами нойона Хасакэ Сила (Казак-Шара). Умиротворение Джунгарии подходило к концу. На очереди вставал вопрос о том, как управлять новыми землями, как решить проблему их заселения.

Цяньлун не имел намерения полностью истребить ойратов – как только основные очаги восстания были подавлены, он тут же оговорил с цинь-ваном Дабачи принципы нового политического устройства Джунгарии [10, с. 143] и запретил кочевание на землях ойратских кочевий казахам и киргизам, которых использовал в качестве вспомогательных войск в ходе подавления восстаний ойратов [32, с. 90]. Уже 10 июля 1760 г. Цяньлун приказывает военачальнику Агую прекратить преследование ойратских повстанцев и выслать отряд из 500 воинов для изгнания казахов с территории Джунгарии [32, с. 65]. Ойратам была объявлена амнистия [21, с. 129]. Эти меры, а также выступ-

ление цинских войск против казахов, захвативших ойратские кочевья, вызвали положительную реакцию со стороны беженцев – они начали возвращаться на свои земли и уже в январе 1765 г. приняли участие в операциях цинских войск против казахов, пытавшихся явочным порядком закрепить за собой земли ойратских кочевий [32, с. 68].

Дабачи умер в 1760 г., оставив после себя нескольких сыновей. Одного из них, имя которого в источниках не упоминается, казахи назовут в 1761 г. градоначальником Кульджи [10, с. 160]. Цяньлун, по всей видимости, остался верен своему главному принципу – не имея планов истребить ойратов физически, он стремился разобщить их политически, поставить под эффективный контроль и обратить их военную мощь на службу империи. Так, даже в марте 1759 г. Цяньлун использовал ойратских воинов Даши-Давы для обеспечения похода цинских войск в Восточный Туркестан [10, с. 134], разместил в Кашгаре гарнизоном алашаньских воинов князя Гончока [8, с. 100], а послами, направленными военачальником Чжаохуем в сентябре 1759 г. к бадахшанскому Султан-шаху Аждахару, были ойрат шивэй Самтан и уйгур Султан-ходжа [8, с. 103]. Для решения вопросов о податях с уйгурских городов в 1758 г. Цяньлун использовал в качестве консультанта ойратского военачальника Энкэ-Болота [8, с. 93], а о новой границе империи в Центральной Азии в 1760 г. – ойратского ланьлин шивэя Цэвдэна [10, с. 156]. С 1760 г. для ойратов стали создаваться условия для переселения в долину Или [8, с. 133-134], а с 1762 г. Цяньлун предпринял широкую кампанию по выкупу ойратов, оказавшихся в плену у уйгуров [8, с. 138]. Постоянно направлялись посольства к казахам с требованием вернуть пленных ойратов. Иногда казахские владельцы были вынуждены отпускать ойратов по требованию Цинов [10, с. 178].

Однако действия цинских войск по усмирению восстания вызвали негативную реакцию со стороны соседних народов. Кокандский Ирдана-бий писал в 1764 г. Аблаю с нескрываемым сарказмом: «Извольте объявлять о чинимых чурчутцами [то есть китайцами] калмыкам благостях, то изрядно учинить изволили, причем и нам собственно предлагает, буде и мы таковым их, китайцов, благостям приобщиться пожелаем, с тем бы людей наших послали» [10, с. 182-183]. Все планы Цяньлуна по покорению Джунгарии малой кровью полностью перечеркнули ожесточенные военные действия, длившиеся с начала 1756 по середину 1758 годов.

Большие людские потери, понесенные ойратами, восполнялись с трудом – по состоянию на 1761 г. в Кульдже проживало всего около 100 ойратов [8, с. 133], а к лету 1764 г. на прежних местах кочевки было собрано всего лишь около 15 тысяч семей [10, с. 186].

Однако следует отметить, что многие джунгарские ойраты (преимущественно дербеты) были выселены в западную часть современной Халха-Монголии, часть оказалась волею судеб в Пекине и Сучжоу, часть осталась у уйгуров, а угнанные в 1756-1757 годах в Монголию ойратские пленники (около 40 тысяч семей) [10, с. 66] были расселены в кочевьях Тушэту-хана и Цэцэн-хана, составив там племя жонгар, ранее не отмеченное в составе халха-монголов. Многие ойратские женщины и дети вошли в состав семей расселенных в Джунгрии чахарских солдат и с этого момента числились как чахары.

Переселяемые в долину Или ойраты по плану Цяньлуна должны были расселяться чересполосно, не создавая крупных компактно проживающих групп ойратского населения. Делалось это с целью исключить возможность повторное восстание ойратов.

Отношения между ойратами и цинскими властями строились таким же образом, как и для остальных подданных империи – на них распространялись все те же законы, что и на монголов, и какой-либо особой дискриминации по национальному признаку они не испытывали (за исключением тех, кто стал новыми подданными халхаских феодалов – к ним относились хуже, чем к собственным халхаским аратам).

Административные меры цинского правительства в Джунгарии свелись к устройству сомонов по образцу Чахара (т.е. фактически был принят к исполнению план Баньди от сентября 1755 г.) [8, с. 133; 34, с. 48], налоговые выплаты ограничивались поставкой определенного количества скота (2000 голов крупного рогатого скота и 500 коней) в военные поселения в долине Или (по состоянию на 1862 г.). Личные повинности заключались в перевозке казенных меди и свинца с рудников в Кульджу, а также выставлению предписанного по закону количества воинов для несения караульной службы и действительной службы в армии в военное время [30, с. 514]. Существовали также внутренние сборы, выплачиваемые ойратами своим феодальным владельцам. По оценке К.Г.Э. Маннергейма, по состоянию на 1908 г. они составляли до 10% от стоимости имущества каждого податного ойрата ежегодно [22, с. 202].

В период с 1760 (официальное объявление об окончании войны в Джунгарии и Восточном Туркестане) по 1771 годы ойратское население Джунгарии составляло всего около 60 с небольшим тысяч человек, а с учетом тех, кто был расселен в различных местах Монголии и не был причислен к аймакам халхаских феодалов, ойратов насчитывалось около 173 тысяч человек [23, с. 223]. Это составляло 28% от прежнего населения Джунгарии, насчитывавшего, по дан-

ным китайских источников, 600 тысяч человек [35, с. 147]¹².

В 1771 г. произошло событие, которое подтверждает, на наш взгляд, отсутствие у Цяньлуна планов по физическому истреблению ойратов – откочевавшие с Волги торгоуты в августе 1771 г. были встречены в долине Или цинскими патрулями и препровождены к месту первичного расселения [23, с. 216]. Согласно заключенным договорам, подобные беглецы должны были высылаться обратно как Россией, так и Китаем. Но Цяньлун принял решение оставить торгоутов в пределах Синьцзяна при условии, что калмыки примут подданство империи Цин [10, с. 196]. Для него этот шаг, скорее всего, был оправданием произошедшим в 1756-1758 годах кровавым событиям и попыткой реабилитации своей ойратской политики. Изнуренные длительным переходом и постоянными боями с казахами и киргизами, калмыки согласились на принятие цинского подданства. По приказу Цяньлуна были выделены существенные средства на поддержку переселенцев, утративших в пути почти весь свой скот и имущество. Монгольский историк XIX века Джамбароджи писал об этом: «Император, проникнувшись великой жалостью и выслушав к тому же доклад со стороны некоторых лиц о необходимости принятия их под свою защиту, отправил в Россию соответствующее послание и милостиво соизволил отпустить из казны денежное пособие почти на три тумэна (30000) тех пострадавших аратов. Кроме того, в качестве пособия отпустил им всякого рода одежды, продовольствия, лошадей, овец и прочего скота. Пригнали от чахаров и олётов, кочующих в илийском Тарбагатае, лошадей и овец общим поголовьем в девять тумэнов пять тысяч пятьсот (95500) голов и безвозмездно им пожаловали. Затем были доставлены из Шаньду и Дабсунора из императорских табунов и стад тринадцать тумэнов (130000) голов скота. Табун из хамийского района в три тумэна (30000 лошадей). Также было пожаловано: свыше семи тумэнов (70000) плиток чая в продовольствие, шесть тумэнов одна тысяча (61000) сырых кож, пять тумэнов одна тысяча (51000) с лишним готовых тулупов, шесть тумэ-

нов одна тысяча (61000) с лишним кусков китайского холста, свыше пяти тумэнов одной тысячи (51000) кусков корейского холста, денег из государственного казначейства два тумэна (20000) лан серебром.

И, выказывая полное благоволение и отдавая обо всем этом поручение илийскому джанджуну, он «старых торгоутов» наименовал аймаком Унэн-суджугту и поручил Убаши-хану управлять ими. А новых торгоутов назвал аймаком Чин-сэджилту и поручил управление ими Сэрэну. Он поставил над всеми тринадцатью хошунами великих и малых правителей с соответствующими титулами и дал им возможность жить в полном мире и спокойствии» [7, с. 146-147]

Наместник Калмыцкого ханства Убаши, возглавивший перекочевку, был принят Цяньлуном в Жэхэ уже осенью 1771 г. и получил высший титул знатности – цинь-ван. Вместе с ним были приняты и другие калмыцкие феодалы, также получившие высокие титулы. В связи с этим следует отметить интересную деталь – несмотря на неоднократные послания в Сенат с требованием выдать джунгарского нойона Церена, разгромившего летом 1758 г. конвой из 500 воинов цинского военачальника Тангулы, сопровождавшего казахское посольство на пути домой, убившего самого Тангулу и захватившего несколько десятков монгольских воинов в плен [10, с. 108-109], прибывший на аудиенцию к Цяньлуну Церен был не только помилован, но и пожалован титулом Билигту-цзюнь-ван с правом кочевья по р. Булгун в округе Кобдо. В 1792 г. он ушел на покой, передав свой титул сыну Цэвэгджаву [23, с. 217, 227].

Остальные торгоуты также были расселены в разных районах Джунгарии таким образом, чтобы они не могли обратно откочевать в Россию. Однако в первые 2 года своего пребывания в Джунгарии торгоуты продолжали оставаться в приграничных районах страны и, пользуясь общей установкой внешней политики империи Цин, направленной на устрашение казахов военной силой, совершили ряд набегов на земли Среднего Жуза, отогнав у казахов более 70 тысяч коней, отомстив, таким образом, за нападения казахов на торгоутов во время перехода с Волги на Или [10, с. 197].

Таким образом, под эгидой империи Цин оказалась объединена основная часть ойратов. Перекочевка торгоутов в Джунгарию и принятие ими цинского подданства ознаменовало триумф ойратской политики Цяньлуна.

Однако в 1772-1773 годах часть мелких калмыцких феодалов попыталась уйти обратно в Россию. Это повлекло за собой раздробление калмыцких кочевий, расселение их в глубинных районах Джунгарии, арест наиболее активных деятелей и передачу их подданных во владение

¹² Ш.Б. Чимитдоржиев ссылается на переведенное на монгольский язык маньчжурское издание «Богд суургал» (Наставления священных императоров), одновременно он приводит и цифру 1000000 человек без указания на источник. Численность ойратов Джунгарии в 1000000 человек указана в сочинении китайского чиновника Чунь Юня «Сиюй вэньцзянь лу» (Записки об увиденном и услышанном в Западном Крае), опубликованных в 1777 г. Однако эта работа, в отличие от официального «Богд суургал», не основана на документах и представляет собой типичный для Китая жанр путевых записок, сведения для которых автор черпал из того, что видел лично или что рассказывали ему его информанты.

местным феодалам. В этих репрессиях, не сопровождавшихся по причине отсутствия вооруженного сопротивления со стороны калмыцких переселенцев карательными действиями цинских войск, принимал активное участие сам Убаши [10, с. 198, 241].

По состоянию на 1780-е гг. в Кульдже проживало уже не менее 6000 ойратов, обязанных исполнять воинскую повинность [1, с. 68]. Караулы, лежащие к северу от Кульджи, комплектовались, по свидетельству капитана И.Г. Андреева, по большей части, ойратскими воинами [1, с. 69]. Он же упоминает, что отношение маньчжурских и солонских военных к ойратским воинам было пренебрежительное. Однако это не было целенаправленное третирующее ойратов по национальному признаку – в таком же положении находились и чахарские монголы, проживавшие в Синьцзяне и несшие пограничную службу бок о бок с ойратами. Это явление объясняется тем, что маньчжуры и родственные им солонны привыкли относиться к представителям всех иных национальностей свысока, не делая исключения для китайцев, уйгуров или монголов [30, с. 530]. Ойраты, наряду с маньчжурами и монголами, принимали участие даже во внешнеполитических акциях империи Цин – например, капитан Андреев упоминает об участии 50 ойратов в конвое посольства маньчжурского амбана к казахскому Хан-Ходже в феврале 1784 г. по случаю поминок его отца – Абульфеиз-султана [1, с. 43].

Вплоть до самого отречения императора Цяньлуна, произошедшего в 1796 г., ойраты в Джунгарии и на сопредельных территориях расселялись небольшими группами. Им не позволяли вновь объединяться в крупные территориальные и племенные образования, их пытались настроить на сотрудничество с цинскими властями с целью обеспечить контроль за вновь приобретенными землями. Неоднородность ойратского населения и расселение их в местах, которые оспаривались казахами, религиозная рознь с уйгурами, киргизами и казахами неизбежно вели к тому, что ойратскому населению приходилось волей-неволей поддерживать цинскую администрацию и верно служить ей в случае военных конфликтов с тюркоязычным населением региона. Лишь в XIX веке ойраты Синьцзяна стали объединяться в достаточно крупные княжества, основанные в большей степени на территориальном, нежели племенном, принципе – Кобук-Саурское, Сыгоушурское, Карашарское и Хошурское [27, с. 129].

Таким образом, мы можем достаточно отчетливо проследить политику императора Цяньлуна в отношении ойратов на протяжении 60-летнего периода.

Дав передышку стране после длительных войн, Цяньлун установил пристальное на-

блюдение за состоянием государства ойратов в Джунгарии. Параллельно он предпринял меры по ликвидации влияния Джунгарии в Тибете и переориентации духовного лидера Тибета на империю Цин. Проводившаяся Цяньлуном торговая политика также способствовала тому, что ойраты Джунгарии все более привязывались к китайскому рынку, но не получали каких-либо политических преимуществ. Ойратская знать была вынуждена смирять свою гордость с целью реализации своих товаров в Китае, что неизбежно вело к установлению всякого рода неформальных контактов между ойратами и цинскими подданными¹³.

Одновременно Цяньлун не проводил какой-либо дискриминационной политики по отношению к перебежчикам из Джунгарии, не выдавал их обратно и не производил каких-либо действий, третирующих ойратское население империи Цин.

Все это сыграло свою роль в событиях 1755 г., когда многие ойраты считали за благо принять подданство империи Цин, чтобы получить свободный доступ к рынкам Китая и святыням Тибета, а также защиту от набегов казахов. В этих условиях план Цяньлуна на разделение Джунгарии на 4 «племенных» ханства был вполне адекватной мерой, не предусматривающей применения насилия по отношению к основной массе ойратского населения. Лишь на третий год после начала войны, весной 1757 г., Цяньлун принял решение произвести широкомасштабные карательные акции против мятежных нойонов. В качестве вспомогательной силы он использовал казахов, играя на их реваншистских настроениях.

Однако, добившись перелома в ходе военных действий, он перестал поддерживать казахов и начал проводить целенаправленную политику репатриации ойратских беженцев. Административное устройство их было подчинено идее тотального контроля и максимально эффективного использования военного потенциала ойратов для несения службы на границах империи.

Действия императора в отношении калмыков, перекочевавших с Волги в Джунгарию, также были подчинены этой генеральной линии – лишив ойратов политического единства, сделать их послушным орудием имперской политики.

Рассмотрев основные события периода Цяньлун, мы можем смело утверждать, что политика императора по отношению к ойратам всецело строилась на принципе «разделяй и

¹³ За период действия цинско-ойратского торгового соглашения (1740-1753) при учете всех ограничений в торговле ойраты, по неполным данным, выручили в Китае 1028461 лян (38,3 т) серебра, не считая сделок, произведенных путем простого товарного обмена [32, с. 31-40].

властуй» во имя обеспечения незыблемости власти маньчжурской династии в Китае, однако события 1755–1758 годов, сопровождавшиеся большими жертвами среди ойратского населения, являются не геноцидом ойратского народа, спланированным заранее, а реакцией Цяньлуна на восстание Амурсаны и ряда других ойратских феодалов. Меры, предпринятые императором по отношению к ойратам Джунгарии, не были чем-то из ряда вон выходящим, если мы сравним их с мерами, предпринимавшимися при подавлении восстаний других народов – гаошаней, китайцев, тангутов, мяо, монголов и уйгуров [25, с. 140, 362 и т.д.; 27, с. 196 и т.д.].

После окончания военных действий ойраты, как проживавшие на территории империи до 1755 г., так и вошедшие в ее состав позже, оказались лишенными возможности создавать свои национальные государственные образования, однако сохранили свою автономию, культуру и язык, о чем свидетельствуют свидетельства таких русских ученых и путешественников XIX–XX веков, как Б.Я. Владимирцов, А.М. Позднеев, В.В. Радлов, К.Г.Э. Маннергейм и других. Продуманная политика Цяньлуна смогла с течением времени не только примирить ойратов с владычеством Цинов и ликвидацией их национальной независимости, но и сделать их военной опорой имперского режима на территории Синьцзяна в XIX веке [27, с. 129; 29, с. 514].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998.
2. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.
3. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном отношении. М.: Восточный дом, 2002.
4. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М.: Восточный дом, 2002.
5. Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-Чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск: Наука, 1983.
6. Златкин И.Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 289–313.
7. История в трудах ученых лам / сост. А.С. Железняков, А.Д. Цендина. М.: КМК, 2005.
8. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994.
9. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы: Санат, 1996.
10. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Т. 2. М.: Наука, 1989.
11. Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. 1700–1725. М.: Наука, 1978.
12. Тарих-и Бадахшан. История Бадахшана. М.: Вост. лит., 1997.
13. Халха Джирум. М.: Наука, 1965.
14. Цааджин бичиг. Монгольское уложение. М.: Вост. лит., 1998.
15. Чжао Эрсюнь «Цин ши гао» (Черновая история династии Цин). Пекин, 1927 (на китайском языке).
16. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971.
17. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002.
18. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1979.
19. Думан Л.И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. С. 264–289.
20. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964.
21. Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1991.
22. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. Алма-Ата: Наука, 1988.
23. Колесник В.И. Последнее великое кочевье. М.: Вост. лит., 2003.
24. Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М.: Наука, 1973.
25. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М.: Наука, 1983.
26. Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. М.: Вост. лит., 2005.
27. Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета / пер., предисл. и коммент. Р.Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.
28. Петров В.И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003.
29. Против маоистских фальсификаций истории Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.
30. Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989.
31. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI–начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988.
32. Хафизова К.Ш. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Таймас, 2007.
33. Ходжаев А. Торговые связи между Джунгарским ханством и Цинской империей в 1744–1754 гг. // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата: Гылым, 1990.
34. Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. Ташкент: Фан, 1991.
35. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978.

ББК 63.3(2)46

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКА И УПРАВЛЕНИЯ В КАЛМЫЦКИХ КОЧЕВЬЯХ ПОСЛЕ ОТКОЧЕВКИ В 1771 г. В ДЖУНГАРИЮ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

С.С. Белоусов

В статье анализируется политика российского руководства по отношению к калмыкам после откочевки в 1771 году большей их части в Джунгарию, рассматриваются мероприятия по преодолению политического кризиса, формирование новой системы управления калмыцким народом.

Ключевые слова: *калмыцкие улусы, управление, калмыцкая знать, политическое урегулирование, Астрахань.*

The politics of the Russian management (manual) in relation to the Kalmyks after migration in 1771 to Dzhungaria of their greater part is analyzed. The measures on overcoming political crisis, formation of a new control system of the Kalmyk people are considered.

Keywords: *Kalmyk ulusy, management, Kalmyk aristocracy, political settlement, Astrakhan.*

Уход калмыков в Джунгарию дезорганизовал политическую и экономическую жизнь в Астраханской губернии. Вынужденный прервать свою командировку в столицу и срочно возвратиться к месту службы астраханский губернатор Н.А. Бекетов застал здесь безрадостную картину запустения. Там, где ещё недавно кочевали калмыки, в беспорядке было разбросано имущество и бродил одичалый беспризорный скот, брошенный при поспешном бегстве. Среди этого хаоса иногда островками встречались небольшие разрозненные группы калмыков, многие из которых находились в бедственном положении. Осёдлое население, напуганное произошедшими событиями, отсиживалось в крепостях или в камышах.

В этих условиях для губернатора первоочередными задачами стало возвращение жизни края в спокойное русло и удержание оставшихся калмыков от побега вслед за наместником Убаши. «Теперь все мое попечение – заявлял он в письме к президенту Государственной коллегии иностранных дел графу Н.И. Панину 17 февраля 1771 года, – оставшихся калмык привести в спокойные мысли» [1].

Сразу же после прибытия в г. Астрахань Бекетов предпринял шаги по налаживанию отношений с калмыцкой знатью и восстановлению управления в улусах. Для этого он пригласил к себе представителей высшей калмыцкой знати и от имени правительства поблагодарил их за верность престолу. Далее он объявил о смещении с поста состоящего при Калмыцких делах И.А. Кишенского и переходе управления калмыками непосредственно в его руки [2]. Одновременно была проведена реорганизация структуры, занимавшейся калмыцкими делами. Прежние Калмыцкие дела были упразднены, а вместо них создан новый, возглавляемый лично астраханским губернатором, орган – Губернская канцелярия по экспедиции калмыцких

дел. В те улусы, где поведение калмыцкой знати вызывало подозрение, Бекетов назначил своих доверенных лиц, наделив их правами приставов. Это были улусы торгутовских нойонов Яндыка, Асархо и дербетовского Цебек-Убаши, к которым для присмотра направили переводчика П. Девятияровского, коллежского комиссара М. Везелева и капитана Шапкина. Им поручили бдительно следить за владельцами и еженедельно докладывать в Калмыцкую экспедицию о каждом их шаге и вообще о политической ситуации в улусах.

В первые месяцы после откочёвки наместника российским властям пришлось вплотную заняться проблемой устройства калмыков, оставших в силу разных обстоятельств от своих владельцев. После проверки таких калмыков оказалось 5227 кибиток, и необходимо было определить относительно их будущей судьбы. 17 февраля 1771 года Бекетов предложил Государственной коллегии иностранных дел этих калмыков разделить между оставшимися в России владельцами улусов, а татар и туркмен, бывших ранее под управлением наместника, отделить от калмыков и приписать к аульным татарам или же поселить на иных особых правах [3]. Коллегия в принципе согласилась с планом астраханского губернатора, но в то же время порекомендовала ему не торопиться с раздачей бывших подданных Убаши новым владельцам, а ограничиться до окончательного решения императрицей судьбы калмыков передачей их только во временное управление нойонам, при этом учитывая субэтническую принадлежность передаваемых [4].

Вскоре оставшиеся без владельцев калмыки были распределены между нойонами Замьяном, Яндыком, Теке и А.Ф. Дондуковым, а возвращённый из побега Эркетеневский улус передан под управление икицохуровского Асархо. Нойонов строго предупредили о том, что все эти люди передаются

им не во владение, а только для присмотра до будущего правительственного распоряжения. Тогда же к астраханскому губернатору Коллегией был определён в качестве временного помощника по калмыцким делам крещёный нойон А.Ф. Дондуков. Он находился на службе у российского правительства, и оно ему вполне доверяло. В своём письме 13 мая 1771 года к Бекетову Панин характеризовал Дондукова следующими словами: «по природе своей – владетель калмыцкой, а по усердию и закону своему – наш человек» [5]. Дондукову поручили осуществлять «бесприметное надзирание» за всеми владельцами улусов, за исключением дербетовских, которых оставили на прежнем положении.

Несмотря на временный характер назначения Дондукова, весть эта вызвала большое недовольство у нойонов и зайсангов. Особенно обиделся на российские власти нойон Яндык, считавший себя по праву близкого родства к наместнику главным претендентом на этот пост. Чтобы успокоить его, Бекетов направил к нему своего посланца, который разъяснил нойону, «что сие учреждение полковника, князя Дондукова над калмыцким народом главным начальником не на всегдашнее время, а единственно впредь до воследования Высочайшего Её Императорского Величества конфирмации», и что князь не имеет права самостоятельно предпринимать никаких действий по управлению калмыками без указания и ведома губернатора [6]. После этого внушения Яндык несколько успокоился, однако, как пишет историк М.М. Батмаев: «Эпизод этот не прошёл мимо внимания правительства и повлиял на окончательное решение о форме управления оставшимися калмыками» [7].

Одновременно с восстановлением отношений с калмыцкой элитой и порядка управления в улусах, Бекетов распорядился принять меры по предотвращению новых попыток калмыков уйти в Джунгарию. С этой целью он вызвал с Дона пятисотенную казачью команду и сформировал из неё и верных калмыков караулы, которые расставил по восточной окраине губернии и на волжских переправах. Караулы нужны были ещё и для удержания от набегов крымских татар и других, враждебно настроенных к России кочевников, для которых опустевшие степи открывали хорошие возможности для беспрепятственного грабежа осёдлого населения и союзных России кочевников.

Учитывая особую роль калмыцкой знати в откочёвке, Бекетов постарался на время изолировать некоторых из подозреваемых в намерениях уйти вслед за наместником оставшихся калмыцких нойонов, поэтому в мае 1771 года Цебек-Убаши, Асархо, Маши, Замьян, а также зайсанги Эркетеневского улуса и наиболее видные зайсанги Дербетовского улуса были отправлены из родных степей на подкрепление корпуса генерал-майора Медема на Кавказе [8].

К тактике временного удаления нойонов от их подданных астраханский губернатор вынужден был прибегать и тогда, когда ситуация требовала перевода калмыцких улусов с левобережья Волги на её правую (нагорную) сторону. Перевод этот делался для того, чтобы максимально затруднить калмыкам возможность переправы через Волгу и не допустить повторной их откочёвки в Джунгарию. В осенний и летние сезоны использование реки Волги в качестве естественного препятствия было едва ли не самым действенным средством, способным воспрепятствовать уходу оставшихся калмыков. Локализовав калмыков на правобережье и взяв под контроль плавучие средства и переправы, власти могли сравнительно небольшими силами достаточно эффективно контролировать все передвижения калмыков вдоль Волги и своевременно пресекать все попытки их бегства. Главная трудность заключалась в том, чтобы убедить калмыцких улусовладельцев прервать сезонный цикл кочевания и переправиться на правый берег реки.

В течение первой половины 1771 года Бекетов пытался уговорить нойонов улусов, кочевавших на левом берегу Волги, переправиться на её правую сторону. На левобережье в то время располагались кочевьями улусы Асархо, Маши, Замьян, Яндыка, Цебек-Убаши и Эркетеневский улус. Чтобы заставить улусы перейти на правый берег, Бекетов пошёл на хитрость: он под предлогом совещания выманил в г. Астрахань наиболее видных представителей калмыцкой знати и продержал их там до тех пор, пока половина их людей не переправилась на нагорную (правую) сторону Волги. Кроме того, он распорядился не допускать к переправе шедших на соединение со своими улусами калмыков, которые возвращались из военного похода [9]. В конечном итоге губернатор добился своего: осенью 1771 года все калмыцкие улусы перешли на правый берег, где благополучно перезимовали.

В ту же осень Екатерина II окончательно определилась относительно порядка управления калмыцким народом. 19 октября 1771 года ею на имя Н.А. Бекетова был подписан рескрипт, который обозначил общие контуры политики российского руководства по отношению к калмыкам. Главным в рескрипте было упразднение должностей хана и наместника и перевод калмыцкой знати в непосредственное подчинение астраханскому губернатору. В то же время за нойонами сохранялись все их права по управлению улусами; в случае смерти владельца улус переходил к сыну, а при отсутствии прямого наследника – в государственную казну. Правителем в казённый улус назначался или избирался пожизненно представитель боковой линии покойного владельца или кто-нибудь из зайсангов.

В отечественной историографии факт упразднения ханской и наместнической должностей

напрямую увязывается с вопросом ликвидации калмыцкой государственности, для чего, на наш взгляд, нет веских оснований. Во-первых, рескрипт в традиционном его понимании представляет ничто иное, как грамоту-послание верховного правителя к своим подданным с перечислением мер, которые местные власти обязаны исполнить, а не выдержанный по всем юридическим нормам правовой документ; во-вторых, в нём ни словом не упоминается об упразднении калмыцкой государственности.

В сложившейся ситуации проблема могла разрешаться только или в плане подтверждения прежней формы и порядка управления или изменения его. Правительство, как известно, предпочло второй вариант. Выбор в его пользу был сделан не сразу, а лишь после того, как окончательно рассеялись надежды на возвращение Убаши и была тщательно изучена и проанализирована политическая обстановка в калмыцких улусах.

В течение 1771 года российское руководство присматривалось к калмыцкой знати, особенно к тем её представителям, которые в силу своего политического веса могли претендовать на роль преемника Убаши. Одновременно внимательно изучались настроения калмыцкой элиты на случай её возможной реакции на ликвидацию поста наместника. В результате выяснилось, что среди оставшейся в России немногочисленной высшей знати нет общепризнанного лидера. Из числа тех, кто мог реально претендовать на занятие должности наместника, выделялись две фигуры – нойоны Яндык и А.Ф. Дондуков. Оба они состояли в наиболее близком в сравнении с другими родстве с семьёй наместника, при этом шансы Яндыка, как родного дяди Убаши, были предпочтительней. При определённом стечении обстоятельств на пост наместника могли рассчитывать также нойоны Цебек-Убаши, Замьян и Асархо. Среди этих пяти человек трое – Цебек-Убаши, Яндык, Асархо – подозревались в намерении откочевать в Джунгарию, поэтому их кандидатуры были для российской стороны неприемлемы. Оставались, таким образом, А.Ф. Дондуков и Замьян. В отличие от других, власти им доверяли, однако эти лица не воспринимались большинством калмыков в качестве общепризнанных лидеров. В их глазах они выглядели ставленниками российских властей, вдобавок ко всему Дондуков был крещёным, а Замьян имел репутацию близкого к астраханской администрации человека, информировавшего её о происходящем в улусах.

Убедившись в отсутствии среди калмыков авторитетного лидера, который бы одновременно устраивал обе стороны, в российском руководстве пришли к мнению о нецелесообразности сохранения центральной калмыцкой власти, являвшейся к тому же источником постоянных раздоров среди

калмыцкой знати. Более удобным для осуществления надзора за калмыками было признано учреждение управления ими не через единый калмыцкий центр, а через владельцев улусов.

Рескрипт от 19 октября 1771 года подтвердил полномочия астраханского губернатора и «Губернской канцелярии по экспедиции калмыцких дел», и, кроме того, учредил должности трёх судей-зайсангов, каждый из которых представлял одну из калмыцких субэтнических групп – торгутскую, дербетскую, хошутскую. Полномочия судей были достаточно скромными – высказывать своё мнение по поступающим к ним судебным делам. Принимаемые ими решения вступали в силу только после утверждения их астраханским губернатором, поэтому можно говорить об их консультативном и совещательном характере [10]. В судопроизводстве рескрипт рекомендовал руководствоваться калмыцкими обычаями, если судебное разбирательство происходило между калмыками, а во всех других случаях поступать по российским законам.

В 1772 году политическая обстановка в ряде улусов, несмотря на предпринятые Бекетовым превентивные меры, продолжала оставаться напряжённой. В начале года астраханский губернатор получил известие от генерала де Колонга о переговорах китайского правительства с султаном казахской Средней орды Аблаем о пропуске волжских калмыков через его земли в Джунгарию, а 24 июля аналогичное уведомление от оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа. Последний в подтверждение своих данных сообщал о переходе казаками реки Яик и попытке их продвижения в направлении калмыцких кочевий, которая была пресечена только благодаря своевременно принятым мерам [11]. Попытки проникновения в калмыцкие кочевья казахов совпали по времени с совещанием дербетовской знати, где было принято решение об откочёвке в Джунгарию [12].

Явные признаки надвигающейся новой откочёвки заставили Бекетова активизировать свои действия. Ещё весной 1772 года он приказал в целях предупреждения побега сформировать из 200 калмыков и 100 моздокских казаков заставу, подкреплённую вскоре тысячной командой калмыков Икицохуровского и Эркетеневского улусов [13]. Сторожевой отряд находился на левобережье Волги до наступления холодов.

Одновременно с полицейскими мерами Бекетов применил уже испытанный ранее метод разъединения калмыцкой знати со своими подвластными. 24 марта 1774 года он вызвал в г. Царицын дербетовского правителя Цебек-Убаши, наиболее видных представителей буддийского духовенства, знатных зайсангов и продержал их под своего рода почётным караулом в течение нескольких месяцев, не дав им таким образом возможности соединиться

со своими улусами, кочевавшими на левобережье.

К концу года тревога астраханского губернатора ещё более усилилась. С наступлением холодов Волга должна была замёрзнуть, и тогда калмыки могли без особого труда по льду перейти на другой берег и начать откочёвку в Джунгарию. Остановить их в таком случае было бы практически невозможно, так как воинские команды к тому времени оказались бы рассредоточенными по зимним квартирам. Быстро оценив ситуацию, Бекетов решил, что наступил момент, когда необходимо привести в действие задуманный им ранее план. 27 августа 1772 года в письме к президенту Государственной коллегии иностранных дел Н.И.Панину он предложил наиболее влиятельных и внушавших подозрение владельцев – Цебек-Убаши, Яндыка и Асархо – «под каким-нибудь приличным, однако, милостивым видом отозвать в Петербург и продержать их там, доколе мысль сия (о победе – С.Б.) в них исчезнет» [14].

Российское руководство одобрило план Бекетова и поручило ему самому разработать и провести операцию в отношении нойонов, в то же время «не причиняя им подозрения и опасных воображений, и подвластным их тревог» [15]. Столь щепетильную и деликатную задачу астраханский губернатор выполнил с успехом. Он убедил владельцев в том, что их вызывают в столицу исключительно с благожелательными намерениями, для личной аудиенции с императрицей. В конце 1772 года все трое улусовладельцев со своими свитами отбыли в Санкт-Петербург, однако до него добрались лишь Цебек-Убаши и Асархо, Яндык умер в пути в одной из казачьих станиц.

В 1772 году власти впервые после откочёвки применили репрессии. Они коснулись небольшой группы калмыков, в основном зайсангов Эркетеневого улуса, которые участвовали в грабежах и убийствах мирных жителей при уходе наместника. Эркетеневский улус был перехвачен казаками и возвращён казаками из побега под конвоем. Вернувшись на Волгу, эркетеневские зайсанги не успокоились и принялись готовить новый побег. Более того, выяснилось, что эркетеневцы при откочёвке 1771 года разграбили окрестности г. Царицына, при этом совершив убийство нескольких человек и захватив в плен группу жителей. Когда их настигли казаки, эркетеневские зайсанги, опасаясь показаний свидетелей-пленников, приказали их убить [16]. За эти преступления трое эркетеневских зайсангов и 9 простолюдинов были биты кнутом и плетью, после чего навечно сосланы на каторгу в г. Нижний Новгород. Их

семьи и имущество были проданы с публичных торгов, а вырученные деньги пошли на возмещение ущерба пострадавшим мирным жителям. Немного позднее к этим 12 лицам добавился эркетеневский зайсанг Нохоин-Кобень, приговорённый судом к каторге за «госудырыни поношение». Более лёгкое наказание понесли 15 эркетеневских зайсангов, обвинённых в соучастии в побеге и в сокрытии злодеяний осуждённых на каторгу. Их лишили зайсангского звания, и, уравнив с простыми калмыками, раздали другим владельцам. Впоследствии эти зайсанги и их потомки за проявленную доблесть во время пугачёвского восстания на стороне правительственных войск, в войнах на Кавказе и в Отечественной войне 1812 года были восстановлены в правах зайсангов, а один из них – Ончик – даже назначен правителем Эркетеневого улуса [17].

Энергичные и умелые действия Бекетова заметно ослабили напряжение в калмыцких улусах и сняли непосредственную угрозу новой откочёвки. Определённую лепту в этот процесс внесли возвратившиеся из Китая калмыки, чьи рассказы о тяжёлом положении беглецов Бекетов умело использовал в своей контрпропаганде. Постепенно улусы успокоились, и жизнь в них начала входить в привычную колею.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. Р-145. Оп.1. Д. 138. Л. 9.
2. НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 13.
3. Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993. С. 366.
4. НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24.
5. НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 23.
6. Цит. по: А.Г. Митиров. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 273.
7. Батмаев М.М. Указ. соч. С. 367.
8. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста, 1992. С. 106.
9. НА РК. Ф. И-35. Оп.1. Д. 13. Л. 76, 82.
10. Батмаев М.М. Указ. соч. С. 368.
11. Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 107.
12. Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884. С. 58.
13. Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 107.
14. Цит. по: Н.Н. Пальмов. Указ. соч. С. 108.
15. Цит. по: А. Балакаев. Трагедия калмыков // Советская Калмыкия. 1991. 17 янв.
16. Новолетов М.Г. Указ. соч. С. 54.
17. Митиров А.Г. Эркетеневский улус // Эркетени: земля и люди. Элиста, 1998. С. 58.

ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА КАЛМЫЦКОГО НАРОДА (1771–1847 гг.)

М.С. Горяев

После ухода большей части калмыцкого народа на территорию китайской империи статус государственности той его части, что осталась в России, претерпевает большие изменения в ходе действий Екатерины II, Павла I и Александра I и в силу принятых «Правил» и «Положений» по управлению населением Калмыцкой степи.

Ключевые слова: *Китайская империя, статус, Екатерина II, Павел I, Александр I, «Правила» и «Положения».*

After leaving the most part of the Kalmyk people to the territory of Chinese empire their status of Statehood undergoes the great changes in the course of Ekaterina's II, Pavel's I, Alex's I activities, adopted «Rules» and «regulations» by the government of the population of the Kalmyk steppes.

Keywords: *Chinese empire, status, Ekaterina II, Pavel I, Alex I, «Rules» and «regulations».*

19 октября 1771 года, после ухода большей части калмыцкого народа, Екатерина II особым рескриптом упразднила Калмыцкое ханство, а также звания ханов и наместников ханства. Каждый владелец улуса наделялся широкими правами самостоятельного управления подвластными ему людьми. Калмыцкая степь была включена в состав Астраханской губернии и напрямую подчинялась астраханскому военному губернатору. Для осуществления административного надзора, наблюдения и обеспечения охраны порядка, исполнения закона в улусах вводился институт приставов. В 1772 году при калмыцкой экспедиции был учрежден суд Зарго, в состав которого входило по одному представителю от торгоутов, дербетов и хошоутов [3, с. 222]. Однако он не обладал самостоятельностью и не оправдал тех надежд, которые на него были возложены, и в 1786 году Зарго был упразднен, а его судебные функции были переданы астраханским уездным судам.

В 1796 году на престол вступил Павел I, который изменил направление политики правительства по отношению к национальным окраинам. В плане произведенных реформ в 11 окраинных губерниях он устанавливал такие порядки, которые в наибольшей степени соответствовали местным национальным традициям.

Так, уже в конце XVIII века российское правительство возвратилось к идее национальной власти путем восстановления наместничества. Грамотой от 14 октября 1800 года владелец Малодербетовского улуса Чучей Тундутов был утвержден наместником Калмыкии [4, № 19599].

Этим же указом при наместнике был восстановлен суд Зарго в составе восьми человек, который в своей деятельности руководствовался местным законодательством.

В тот же день Павел I подписал грамоту «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков», по которому главой буддийской церкви был утвержден лама Сойбинг.

После гибели Павла I права калмыцкого народа были подтверждены двумя именными указами императора Александра I – наместник напрямую подчинялся астраханскому губернатору, а Калмыцкая степь – Коллегии иностранных дел.

В 1803 г. в связи со смертью Чучея Тундутова наместничество было вновь упразднено.

В связи с этим вся полнота местного управления сосредотачивалась в руках Главного пристава, который наряду со своими помощниками – частными приставами по улусам должен был представлять интересы калмыцкого народа, осуществлять надзор и охранять правопорядок [2, с. 159–160].

В таком состоянии калмыцкое общество просуществовало до 1822 г., когда представители светской и духовной власти собрались в урочище Зинзили для обсуждения и выработки нового Уложения, более подходящего к современным реалиям жизни. Однако из-за острых разногласий, возникших между владельцами, разработанные постановления не имели практических последствий [3, с. 243].

10 марта 1825 г. правительство вводит «Правила для управления калмыцким народом», согласно которым в административном отношении Калмыцкая степь подчинялась Министерству внутренних дел, т.е. Калмыкия признавалась внутренней административно-территориальной единицей России. Правила установили ее правовое положение как субъекта с определенной структурой организации управления, системой областных и местных учреждений, заложили наряду с обычно действовавшим законодательством основы новой правовой системы – гражданское право, уголовное право и т.д. [4, № 30390].

В 1834 г. российское правительство вводит новую систему управления, в связи с чем был принят документ, который определил правовой статус калмыцкого народа – «Положение об управлении калмыцким народом» [1, с. 22–23]. Согласно нового

постановления институт приставства упразднялся, а вместо него вводилась попечительская система. В задачу попечителей входило повседневное руководство делами по управлению калмыцким народом, наблюдением и охраной порядка.

Высшим должностным лицом являлся астраханский военный губернатор, обладавший широкими полномочиями. В системе высших областных органов управления особое место занимал Совет калмыцкого управления, который являлся исполнительно-распорядительным органом.

Суд Зарго, согласно Положения, был высшей судебной инстанцией по гражданским и уголовным делам, решения которого могли быть обжалованы только в правительствующем Сенате.

Положение 1834 г. подробно регламентировало права и обязанности владельцев, правителей, зайсангов, старшин, запрещало продавать или дарить подвластных им калмыков. Было регламентировано административное устройство Калмыкии в составе семи улусов, которые делились на казенные и владельческие и была определена правовая основа Калмыцкой степи и калмыцкого народа.

23 апреля 1847 г. вышло «Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом», согласно которому Калмыкия оставалась в системе Министерства государственных имуществ (вошло в МГИ в 1838 г.), Главное Зарго и Ламайское Духовное правление ликвидировались [2, с. 187]. Впервые калмыки-простолюдины могли участвовать в органах местного самоуправления - улусных

и аймачных сходах, на которых обсуждались выборы лиц на общественные должности и т.д.

Положение официально закрепило статус и обязанности калмыков-простолюдинов: каждая семья обязывалась платить 8,15 рублей серебром в год, нести натуральные повинности – выделять подводы, нести кордонную службу и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 75 лет происходит изменение правового статуса калмыцкого народа, которое выражалось в административном, правовом, политическом закреплении. Перевод Калмыцкой степи и калмыцкого народа из ведения Коллегии иностранных дел в ведение Министерства внутренних дел говорит о том, что российское правительство воспринимает Калмыкию как субъект, как внутреннюю область страны на территории и на население которой должны распространяться общеимперские законы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. Элиста, 1990. С. 22–23.
2. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002. С. 159–160.
3. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М., 1967. С. 222.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. № 19599.

ББК 63.3(2)612

КОННЫЕ ЧАСТИ ГОРЦЕВ И КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В БЕЛОЙ АРМИИ (1918 – 1920 гг.)

У.Б. Очиров

Статья посвящена истории формирования и боевому пути осетинских, вайнахских, дагестанских и ногайских конных полков и эскадронов Белой армии в период Гражданской войны 1917 – 1920 годов. Работа в значительной степени базируется на недавно рассекреченных материалах Русского зарубежного исторического архива.

Ключевые слова: история военных формирований, национальные полки, Гражданская война, народы Северо-Восточного Кавказа.

The article is devoted to the history of the shaping and combat way of Ossetian, Vaynakh, Dagestan and Nogai's cavalry regiments and squadrons of White army during Civil war 1917 – 1920. The paper is based on a considerable extent on recently declassified materials of the Russian foreign history archive.

Keywords: history of the military units, national regiments, Civil war, peoples of north-eastern Caucasus.

С началом Гражданской войны Северо-Восточный Кавказ (в данной статье под Северо-Восточным Кавказом подразумеваются территории, входившие в состав Дагестанской и восточной части Терской областей – Кизлярский и Сунженский отделы, Хасавюртовский, Грозненский и часть Владикавказского округов) сразу оказался вовлечен

в водоворот событий. На территории, представлявшей собой обильную чересполосицу земель горских и кочевых общин, юрты казачьих станиц, наделы русских крестьян и немецких колонистов, вспыхнул ряд вооруженных конфликтов, обостренных не только социальными, но и национальными противоречиями. Различные политические и на-

циональные силы создавали здесь свои государственные образования и военные формирования, которые боролись между собой или объединялись в новые союзы. Поддержка национальных общин, особенно в начале Гражданской войны, могла иметь ключевое значение для победы той или иной стороны. Например, при разгроме Терского восстания (Бичераховщины) в ноябре 1918 г. ключевую роль сыграла 1-я Ударная Советская Шариатская колонна, сформированная из кабардинцев и осетин-корменистов. Свою лепту в поражение мятежников внесла Чеченская Красная армия, объединенная вокруг красногвардейцев Н. Ф. Гикало, которая успешно отражала атаки казаков на Грозный, воспрепятствовав тем самым объединению войск братьев Бичераховых [1, с. 54-55].

Неудивительно, что лидеры контрреволюции Вооруженных сил на Юге России (далее – ВСЮР) стремились привлечь на свою сторону национальные меньшинства, в том числе и на Северо-Восточном Кавказе, и предоставляли им возможность несения военной службы в составе национальных военных формирований. Поскольку в советской историографии превалировало мнение, что лагерь контрреволюции «не заслуживает внимания исследователей» [2, с. 26], то история и боевой путь этих национальных частей и поныне остаются одним из самых крупных «белых пятен» истории Гражданской войны. Сразу оговоримся, что в официальных документах ВСЮР понятия «национальные части и соединения» отсутствуют, и этот термин мы применяем условно, считая национальными те части и соединения, которые как минимум на три четверти комплектовались из представителей нерусских национальностей, как это было принято при формировании национальных соединений РККА в 1941 – 1942 гг.

Горцы и степняки – прирожденные кавалеристы – «с молодых ног» умели обращаться с конем и холодным оружием, поэтому их привлекали в основном в конницу. Следует учесть, что технические и артиллерийские части и подразделения в таких дивизиях комплектовались в основном из опытных и обученных бойцов, как правило, из числа славянских народов. Предусматривались проекты создания национальных батарей и других подразделений, но они в основном остались на бумаге.

Поскольку наступление Добровольческой армии шло с запада на восток, то первыми из народов Северо-Восточного Кавказа в сферу влияния деникинцев попали осетины. Еще летом – осенью 1918 г. осетины принимали участие в Терском восстании. Достаточно указать, что военное руководство «бичераховцами» осуществлял осетин генерал-майор Эльмурза Мистулов (до ноября 1918 г.) [3, с. 555]. В сентябре часть мятежников, в том числе группа осетин, под руководством ка-

бардинца З. А. Даутокова пробралась через горы на соединение с повстанцами А. Г. Шкуро в Баталпашинский отдел Кубанской области.

12 сентября 1918 г. Шкуро сформировал 1-ю Туземную горскую дивизию, в составе которой наряду с Кабардинскими, Черкесскими и Карачаевским полками был и Осетинский конный дивизион [4, с. 172]. Это было первое национальное соединение в составе Добровольческой армии, название которого должно было напоминать о подвигах прославившейся в Первую мировую войну 1-й Кавказской туземной (Дикой) дивизии. Позже в составе этого соединения появилась 1-я Дагестанская конная сотня. В октябре Туземная горская дивизия вместе с остальными «шкуринцами» соединилась с основными силами Добровольческой армии. Хотя основу дивизии (вскоре переименованной в Черкесскую) составляли Карачаевский и 4 Черкесских полка, в ее составе продолжали числиться небольшие подразделения – Осетинский дивизион, Абазинская и Дагестанская сотни [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 11-15об.]. К концу 1918 г. в составе 1-го Осетинского конного дивизиона числилось 112 сабель [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 14об., 28]. В оперативных расписаниях белогвардейцев этот дивизион числился до февраля 1919 г.

После поражения Терского восстания часть мятежников, в том числе осетины, пробрались через Кабарду на соединение с 3-м армейским корпусом Добровольческой армии. С ноября 1918 г. по январь 1919 г. в расписании этого объединения числился Терский Осетинский дивизион (163 сабли) [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 14об., 28].

Помимо двух дивизионов и сотни, в Добровольческой армии у белогвардейцев были и другие национальные подразделения, например в составе войск Л. Ф. Бичерахова (осетина по происхождению), который сформировал отряды из осетин и дагестанцев в Порт-Петровском. Даже в апреле 1919 г. в Прикаспийском отряде генерала Пржевальского в Баку числился Осетинский пехотный батальон [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 15].

В конце 1918 – начале 1919 гг. в результате удачных операций весь Северо-Восточный Кавказ оказался под контролем Добровольческой армии. В ее рядах в этот период нес службу ряд генералов и офицеров из числа горцев (генерал от артиллерии Эрис-хан Алиев, бывший командир Туземного конного корпуса генерал-лейтенант Дмитрий Абациев, полковник Арслан-Бек Котиев, полковник Нух-Бек Шамхал Тарковский и др.), которые стали занимать руководящие посты в создаваемых местных национальных администрациях. Они, как и другие офицеры бывшего Туземного конного корпуса, выступили с инициативой создания мононациональных горских соединений. В планах белогвардейцев к концу 1918 г. значилось

уже 6 конных дивизий (Черкесская, Кабардинская, Осетинская, Ингушская, Чеченская, Дагестанская) и 4 пешие бригады (Осетинская, Ингушская, Чеченская и Дагестанская) [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 95-98об.]. Кроме того, на Ставропольщине действовал Инородческий полк, в составе которого несли службу тюрки-кочевники – ногайцы и туркмены [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 17об.].

В дальнейшем историю национальных частей мы рассмотрим по отдельным соединениям.

Осетинская конная дивизия. В начале 1919 г., после перехода Осетии под контроль белогвардейцев, Шкуро приступил к формированию Осетинской конной бригады [4, с. 204]. 20 февраля 1919 г. был отдан приказ о формировании 1, 2, 3 и 4-го Осетинских конных полков, а 1 апреля бригада была переименована в дивизию. Одновременно началось формирование Осетинской пешей бригады. Однако темпы формирования были довольно низкими. Например, в сводках командования за февраль 1919 г. сообщалось, что 1 и 2-й Осетинские конные полки «почти готовы», но в сводках за 5 апреля видно, что в 1-м полку было всего 214 сабель с 4 пулеметами, а во 2-м – 243 сабли с 1 пулеметом, причем последнюю часть пришлось временно распустить по домам [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 14об.]. 3-й Осетинский полк, к тому времени вошедший в сводно-горскую дивизию, был отправлен на фронт, но в том соединении он являлся самым «слабым звеном»; его доля в личном составе дивизии не превышала и 10 % [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 15об.]. Несмотря на то, что в Императорской армии (и, соответственно, в белой) служило немало офицеров-осетин, соединение в течение долгого времени оставалось без командира. Только весной 1919 г. Осетинскую дивизию возглавил полковник Н. А. Эммануэль.

В этот период соединение, числившееся в составе войск Терско-Дагестанского края, было переброшено на астраханское направление. 1-я бригада вошла в Свято-Крестовскую группу Астраханского отряда, а еще один Осетинский дивизион – в Приморскую группу того же отряда [5, с. 303]. К июню 1919 г. в 3 полках (без 3-го полка, сражавшегося под Царицыном) числилось 1200 сабель с 8 пулеметами. При этом вне дивизии действовали отдельные Осетинский (95 сабель и 1 пулемет) и Кубанский Осетинский (160 сабель) дивизионы [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 194]. Несмотря на все усилия отряда Д.П. Драценко, Астрахань взять не удалось.

К осени 1919 г. численность соединения Эммануэля сократилась до 600 сабель с 21 пулеметом (без учета 3-го полка). В боях с Экспедиционным корпусом 11-й армии Свято-Крестовская группа потерпела поражение и отошла в Грузию, где была интернирована. Вместе с нею туда отступила и Осетинская конная дивизия в составе 1, 2 и 4-го

полков. 3-й Осетинский конный полк в августе покинул сводно-горскую дивизию и был переброшен на запад, за Днепр. 2 марта 1920 г. эта часть была свернута в Сводный Осетинский дивизион и под командованием полковника М. А. Джагинова выступила в Бредовский поход. После эвакуации отряда в Крым летом 1920 г. никаких следов этого дивизиона найти не удалось. Впрочем, известно, что 28 апреля 1920 г. Осетинский конный дивизион был среди частей, вошедших в состав 1-го Туземного полка [3, с. 379-380, 420]. Приказ № 3139 от 6 мая 1920 г. констатировал ликвидацию Осетинской конной дивизии, четырех Осетинских полков, трех батальонов и одной сотни [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 181. Л. 240-240об.].

Ингушская и дагестанская конные бригады в составе сводно-горской дивизии. После поражения 11 и 12-й армии в феврале 1919 г. было предложено начать формирование Дагестанских конной дивизии и пешей бригады. Ингушетия в то время некоторыми белогвардейцами оценивалась как «целиком большевистская» [4, с. 203], но аналогичное предложение было выдвинуто и в адрес ингушей. К февралю 1919 г. в сводках сообщалось, что 1 и 2-й Ингушские полки «почти готовы». В марте 1919 г. 1-й Ингушский полк (390 сабель) предполагалось вывести из Назрани в Великокняжескую для передачи в состав сводно-горской дивизии, но этому что-то помешало. Летом 1919 г. численность Ингушской бригады полковника А.-Б. Б. Котиева достигла 1100 сабель. В Дагестанской бригаде в то же время числилось 850 сабель с 10 пулеметами [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 203об.]. Только в августе 1919 г. обе конные бригады перебросили на фронт, в состав сводно-горской дивизии.

Это соединение, сформированное в марте 1919 г., должно было состоять из 4 полков разных национальностей: 1-го Ингушского, 2-го Кабардинского, 3-го Осетинского и Карачаевского. Однако Ингушский полк, как уже говорилось, вошел в состав соединения спустя почти полгода. К тому времени части дивизии, сражавшейся в Сводном и 4-м конном корпусах на царицынском направлении, понесли тяжелые потери и требовали доукомплектования. 2-й Кабардинский полк с 2-м конно-артиллерийским дивизионом был передан в соседнюю Кабардинскую дивизию. Предполагалось, что оставшиеся полки-«ветераны» (3-й Осетинский и Карачаевский) составят 1-ю бригаду, ингушские части – 2-ю, а дагестанские части – 3-ю. Однако 1-ю бригаду сразу «раздергали»: Карачаевский полк, убывший на доукомплектование, вскоре вернули в Черкесскую дивизию, а 3-й Осетинский вообще перевели на Украину. Фактически в соединении оказались две бригады новобранцев, не готовых к тяжелым боям. В частях началось дезертирство, даже дальний путь через незнакомую местность не пугал беглецов. К октябрю 1919 г. в

дивизии не осталось даже и 450 сабель [3, с. 495]. Боеспособность такого соединения была невысокой, в описаниях операций конца 1919 – начала 1920 г. сводно-горская дивизия почти не упоминается. Как и в других случаях, приказ № 3139 от 6 мая 1920 г. лишь констатировал исчезновение соединения и всех полков.

Чеченские и кумыкские части. Предложение о формировании Чеченской конной дивизии из 4 чеченских полков было выдвинуто в начале 1919 г. Ее первым начдивом стал полковник Н. Ф. О'Рем, начальником штаба – полковник Маас. Однако формирование соединения шло медленными темпами. Имели место случаи дезертирства или неявки «джигитов», не желавших служить в белой армии. Тем не менее, в апреле 1919 г. дивизию решили перевести в новый район формирования – г. Святой Крест. В течение двух недель соединение из трех полков с 818 «джигитами» завершило переброску, хотя не обошлось без инцидентов: перестрелка с ингушами, столкновения с казаками на почве обоюдного конокрадства, жалобы местных жителей на грабежи и изнасилования [РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 6. Л. 47-48, 62]. В составе дивизии формировался и 4-й Чеченский полк (формально с 1 апреля). 18 мая в состав дивизии вошел еще один полк – Кумыкский (ком. – полковник Волшанский).

31 мая командующий войсками Терско-Дагестанского края генерал И. Г. Эрдели включил Чеченскую конную дивизию в состав Свято-Крестовской группы Астраханского отряда. В первых боях чеченцы и кумыки не раз отличились в боях с красными, что неоднократно отмечал новый начдив – генерал А. П. Ревшин (бывший командир Крымского конного полка). Однако и здесь начались инциденты с местным населением, жаловавшимся на постоянные «реквизиции». После одной из таких жалоб Драценко предал суду военного трибунала группу кумыков во главе с корнетом бароном фон Менгденом, но они были оправданы. Хотя ни один из полков Чеченской дивизии полностью не укомплектовали, численность соединения была высокой. Например, по данным на 18 августа 1919 г. в составе Кумыкского полка находились 631 «всадник», 1-го Чеченского – 702, а трех других – 842 (всего почти 2,2 тыс. сабель) [РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 11. Л. 30]. Ни одна из национальных дивизий не могла сравниться с этим соединением по численности. Однако во всех полках не хватало большого количества вооружения и амуниции, у многих не было обуви.

В августе 1919 г. полковник О'Рем, формировавший в Чечне 5 и 6-й Чеченские полки, заявил о скором завершении комплектования частей. Эти полки предполагалось перебросить в Закаспийскую область. Однако начавшееся движение Узунхаджи (сподвижника Шамиля, поддержанного большевиками Н. Катхановым, Н. Гикало и А. Ше-

риповым) сорвало планы белогвардейцев. Услышав о восстании на родине, многие чеченцы и кумыки стали дезертировать. К 3 сентября числилось уже 140 дезертиров. Опасаясь развала соединения, Ревшин настоял на переброске Чеченской дивизии в тыловой район Добровольческой армии (Купянск – Изюм), где она вступила в бои с повстанцами Н.И. Махно. В ноябре 1919 г. для восполнения потерь начдив приказал произвести в Крыму набор добровольцев, в том числе и крымских татар-мусульман. Однако эти наборы не восполнили потери, и после отступления в Крым 15 марта 1920 г. Чеченская дивизия была сведена в Крымскую конную бригаду. Один из полков, укомплектованный местными уроженцами, преобразовали в Таврический полк, остальные свели в Чеченский полк. 28 апреля 1920 г. Чеченский полк был обращен на формирование 1-го Туземного полка [3, с. 420, 626].

Подразделения ставропольских туркмен и ногайцев. Как уже упоминалось, осенью 1918 г. из инородцев Ставропольской губернии (ставропольских туркмен, ногайцев и большедербетовских калмыков) стал формироваться Инородческий полк; позже калмыков выделили в отдельный дивизион.

Несмотря на малочисленность, в октябре часть была включена в состав 4-й дивизии и приняла участие в боях на ставропольском направлении. Лишь к началу декабря, когда в Инородческом полку осталась 41 сабля [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 17об.], его передали в распоряжение Ставропольского военного губернатора генерал-майора П. В. Глазенапа, который использовал часть для несения охраны правопорядка. К началу 1919 г. в Инородческом полку было 120 конников и 300 пехотинцев с 4 пулеметами [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 30]. Однако к весне численность этой части вновь сократилась до минимума (до 65 – 70 сабель). Дальнейший боевой путь этого полка до августа точно установить не удалось. Из оперативного расписания ВСЮР эта часть исчезает. Известно, что в составе Войск Закаспийской области существовал некий Инородческий полк. С. В. Волков указал даже имена их командиров (до 4 апреля 1919 г. полковник Кушелев, после – полковник Горбатовский) [3, с. 227], но уверенно говорить, что это одна и та же часть, мы не можем. С 3 августа 1-й Инородческий полк вошел в состав 1-й Астраханской казачьей дивизии. По данным советской разведки, этот полк был наиболее многочисленным в этом соединении (к концу 1919 г. – 300 сабель и 6 пулеметов) [РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 30]. Он прошел оставшийся боевой путь вместе с астраханцами, после эвакуации в Крым был свернут в дивизион [6, с. 38].

В составе частей ВСЮР несли службу и другие ногайские подразделения. Например, в составе 5-го Александрийского гусарского полка, который

развернули в Грозном в июле 1919 г., помимо двух калмыцких эскадронов, было два эскадрона, укомплектованных ногайцами [7, с. 102]. Боевой путь этой части был не очень долгим. Летом 1919 г. 5-й гусарский полк принимал активное участие в подавлении восстания в Чечне. Позже он был переброшен на реку Куму, где обеспечивал связь между Астраханским отрядом генерала Д. П. Драценко и партизанами нойона С.-Д. Б. Тюменя. 6 января 1920 г. при отступлении через г. Святой Крест александрийские гусары были разгромлены частями 11-й армии. В ходе боя многие гусары сдались в плен, в том числе несколько взводов. В результате этого 5-й Александрийский полк был сведен в два эскадрона (дивизион), которые через Грузию эвакуировали в Крым. 16 апреля 1920 г. он вошел в состав 1-го кавполка [3, с. 454], но национальных подразделений в его составе уже не было.

Анализируя действия этих национальных частей и соединений, мы должны признать, что за редким исключением они были не очень эффективными. Этому способствовал целый ряд факторов, как политических, так и сугубо технических. Если рассматривать технические проблемы, то тут следует отметить слабую работу тыла. Как правило, основными причинами медленного формирования этих частей была вовсе не нехватка «джигитов», а недостаток вооружения, денег и командного состава, владеющего языком подчиненных. Вызывают вопросы принципы отбора таких командиров, как Эммануэль, О'Рем, Маас, фон Менгден и др., ведь в составе Императорской армии было немало офицеров из числа осетин, вайнахов и дагестанцев. Часто при анализе донесений командиров видно, что у бойцов не доставало самого элементарного – обуви и одежды. Но все-таки главным фактором неуспешной деятельности национальных частей следует признать негибкую и нетерпимую к возможным проявлениям автономизации национальную политику. Руководство Белого движения не смогло заинтересовать

представителей национальной интеллигенции, привлечь их на свою сторону. Случаи перехода национальных меньшинств на сторону белых имели место в основном в первый год войны и, как правило, были спровоцированы красным террором или перегибами в политике Советов на местах. Репрессии белых отнюдь не улучшили положение дел. Неслучайно дагестанский большевик М. Кундухов писал: «Население ждет истинного порядка и культуры... Большевизм становится чуть ли не религией бедняков» [цит. по: 8, с. 232]. В горах в 1919 – 1920 гг. продолжали действовать отряды большевиков Н. Ф. Гикало, Б. Шеболдаева, А. Шерипова, Б. Калмыкова, Х. Кошокова, Н. Катханова, Арцханова, Тогоева и т. д. На территории горного Дагестана и Чечни вспыхнули мятежи религиозных лидеров – Али-хаджи Акушинского, Узун-хаджи и др., поддержанных местными большевиками. Неудивительно, что в 1919 г. национальные меньшинства в большинстве своем отказались от поддержки белогвардейцев, а национальные соединения в скором времени распались из-за недостатка пополнений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. М., 2007.
2. Рыбников В.В., Казаков В.Г., Ипполитов Г.М. «Белое дело» в литературе и источниках: историография исследования проблем белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.). М., 2001.
3. Волков С.В. Белое движение: энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003.
4. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 2004.
5. Путеводитель по фондам Белой армии. М., 1998.
6. Донсков. В Тавриде... // Улан Залата. №1. С. 38.
7. Вахрушев П. Александрийские гусары в бою за Св. Крест 6 января 1920 г. // Возрожденные полки русской армии в белой борьбе на Юге России. М., 2002.
8. Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

ББК 63.3(2)615

РАСКУЛАЧИВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Е.Н. Бадмаева

В статье рассматривается раскулачивание калмыцкого крестьянства в период сплошной коллективизации в конце 1920 – начале 1930-х годов.

Ключевые слова: *калмыцкое крестьянство, коллективизация, кулаки, Калмыцкая автономная область, крестьянское хозяйство, конфискация, выселение.*

The article deals with the dispossession of the Kulaks in Kalmykia at the end of the 1920th and in the beginning of 1930th.

Keywords: *the Kalmyk peasantry, collectivization, the Kulaks, Kalmykia, collective farm, confiscation, deportation.*

Аграрный вопрос в России всегда стоял весьма остро, неоднократные попытки властей решить его сверху чаще имели насильственный характер, представляя собой периодические эксперименты над крестьянством. Калмыцкая автономная область – один из типичных сельскохозяйственных регионов, население которого свыше 90 % составляло крестьянство. Именно оно пострадало более всего в результате очередного эксперимента, проведенного советским государством в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Механизм проведения «раскулачивания» на территории Калмыкии имеет типичные для России в целом черты, в то же время отражая специфику региона, особенности социально-экономических отношений, обусловленные различными факторами. В числе этих факторов – преобладание сельского населения, неблагоприятные природные условия (частые суховеи и засухи), кочевой образ жизни, устойчивые национальные традиции. Поэтому изучение процессов, происходивших в рамках отдельно взятого аграрного региона, поможет дать более четкую, подробную, реальную картину процессов, происходивших в стране в целом.

Партийно-государственное руководство СССР во второй половине 1920 – первой половине 1930-х гг. называло кулака своим основным политическим противником в деревне. Его уничтожение считалось одной из главных целей «социалистического преобразования» сельского хозяйства. Официальное утверждение о наличии в СССР «кулачества» как класса обосновывало необходимость продолжения и еще большего ужесточения классовой войны. Для многих еще со времен комбедов слово «кулак» имело отталкивающий и уничижительный смысл. Статистические данные о численности кулацких хозяйств были ненадежны, испытывали влияние политической конъюнктуры. Поэтому еще до начала массовой коллективизации возникли споры о том, кого считать кулаком, а кого – тружеником.

Крупнейший экономист-аграрник того времени Н. Д. Кондратьев выступал против расширительного толкования понятия кулачества. Другой известный ученый А. В. Чаянов считал, что основным его признаком является применение в хозяйствах наемного труда, привлекаемого не в помощь к своему, а с целью получения нетрудовых доходов, а также наличность кабальных аренд и ростовщического кредита [1].

В 1928 – 1929 гг. к кулацким причисляли те крестьянские хозяйства, которые считались зажиточными и в которых использовался труд наемных рабочих-батраков. Эти два критерия использовались чаще других для определения «классовой» сущности той или иной крестьянской семьи. Оба критерия не имели четких количественных характеристик и были очень расплывчаты в своем содержании.

Критерий зажиточности представляется нам необъективным, ложным в своей основе. В конце 1920-х гг. зажиточность традиционно определялась общей стоимостью средств производства всей крестьянской семьи в целом, без учета числа ее членов. Относительно зажиточные семьи были наиболее крупными в деревне, они обычно имели по 10-12 чел. в своем составе. В 1929 г. в Калмыкии было экспроприровано 315 кулацких хозяйств или же 0,79 % всех хозяйств [2].

21 мая 1929 г. СНК СССР принимает постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде». Оно относилось к кулацким хозяйствам, систематически применяющие наемный труд, за исключением тех случаев, когда это не влечет за собой лишения избирательных прав (таковых тогда лишались те, кто содержал более трех наемных рабочих). Это рассматривалось как первый признак кулацкого хозяйства. Вторым признаком – наличие промышленного предприятия (мельница, маслобойня и т.д.); третий – систематическая сдача в наем сельскохозяйственных машин с механическим двигателем; четвертый – сдача в наем оборудованных помещений под жилье или предприятие; пятый – занятие торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством; шестой – наличие других нетрудовых доходов [3]. Фактически каждый из этих признаков позволяет рассматривать любое хозяйство крестьянина как кулацкое. Создавалась возможность подвести под раскулачивание самые различные слои деревни.

Власти понимали, что основная часть крестьян не намерена добровольно вступать в колхозы. Поэтому было решено наиболее дееспособную ее часть сломить репрессиями. Этой цели служила политика «ликвидации кулачества как класса».

Выработка практических мероприятий по ликвидации «кулацких хозяйств» была начата в декабре 1929 г. комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), в которую входили Я.А. Яковлев (председатель), А.А. Андреев, К.Я. Бауман, Ф.И. Голощекин, Б.П. Шеболдаев и др. Она пришла к выводу о том, что с переходом к сплошной коллективизации такая борьба с кулачеством, как недопущение его в колхозы и исключение из колхозов, недостаточна, что будто сама жизнь поставила вопрос о ликвидации кулачества. Комиссия высказалась за дифференцированный подход к кулачеству. В качестве практических мер было рекомендовано, во-первых, проводить в районах сплошной коллективизации экспроприацию всех средств производства кулацких хозяйств и передачу их в неделимый фонд колхозов. Во-вторых, предлагалось выселять и выселять тех кулаков, которые оказывают активное сопротивление установлению нового порядка в деревне. Для выработки более конкретных форм и методов ликвидации кулачества как

класса 15 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) образовало комиссию во главе с секретарем ЦК В.М. Молотовым.

Результатом работы этих комиссий явилось постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В этот же день оно было передано по телеграфу всем партийным организациям для исполнения.

В Калмыкии партийно-государственные структуры развернули массированное административное наступление на относительно зажиточных крестьян в марте 1929 г. Ходатайство обкома ВКП(б) и облисполкома получило одобрение органов власти Нижне-Волжского края, которые осуществляли непосредственное руководство Калмыцкой областью [4]. С конца 1929 г. особенно активно началось выселение бывших нойонов, зайсангов, крупных скотопромышленников и экспроприация их скота и имущества.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» отменяло действие закона об аренде земли: запрещалось, за некоторым исключением, использование наемного труда в единоличных хозяйствах. Кроме того, было дано указание полностью ликвидировать кулачество путем конфискации средств производства: скота, семян, орудий труда, хозяйственных сооружений и т.д. При этом раскулачивание не исчерпывалось изъятием средств производства. Та часть кулачества, которая активно выступала против коллективизации, подлежала аресту, а остальные – выселению из своих деревень.

Согласно постановлению, кулацкие хозяйства делились на три категории. К первой был причислен «контрреволюционный кулацкий актив», т.е. инициаторы и исполнители террористических актов, а также занимающиеся антисоветской агитацией, которые подлежали немедленному аресту, их имущество конфисковывалось. Ко второй отнесли наиболее богатых кулаков, которые оказывали пассивное сопротивление коллективизации и политике ликвидации кулачества. Их имущество также подлежало конфискации. Третью, наиболее многочисленную, категорию составили все остальные кулаки, а на самом деле – недовольные политикой Советской властью зажиточные крестьяне. Их после экспроприации средств производства расселяли в пределах области, но вне колхозных земель.

Однако директивы партии и правительства запоздали. Общественное сознание беднейшей части населения крестьянства, батраков, низовых партийных и советских работников давно было подготовлено к решительным действиям против богатых крестьян. К тому же обком партии в КАО разослал всем улусным комитетам секретное письмо с тре-

бованием усилить бдительность при проведении мероприятий по ликвидации кулачества [5].

Конкретные меры по раскулачиванию были изложены в специальной инструкции, утвержденной Президиумом ЦИК СССР 4 февраля. В ней подчеркивалось, что количество выселяемых кулацких хозяйств должно дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа ликвидируемых хозяйств с тем, чтобы общее их число составляло в среднем 3-5 %. «Настоящее указание (3-5 %), – говорилось далее в инструкции, – имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и безусловно предупредить распространение этих мер на какую-либо часть середняцких хозяйств» [6]. Для этих целей в Калмыкии была создана специальная комиссия по раскулачиванию во главе с Х. Джалыковым, который определил кулачество как главного врага социалистического переустройства деревни [7].

В Калмыкии первый этап произвола по отношению к крестьянству начался в феврале 1930 г. еще до начала массового колхозного движения. Это была невиданная по своим масштабам репрессивная кампания, резко отличавшаяся от антикулацких 1918-1920 гг. Тогда у зажиточных крестьян изымали «лишнюю землю», скот, продукты, теперь конфисковывали все имущество, а самих раскулаченных выселяли в отдаленные районы страны на вечное поселение. Бюро обкома ВКП(б), заслушав 10 февраля 1930 г. информацию начальника Калмыцкого отделения ОГПУ А. Павлова, определило конкретное количество раскулачиваемых хозяйств по улусам: Больше-Дербетовский – 125 кулацких хозяйств (500 человек), Мало-Дербетовский – 125 (500 чел.), Манычский – 150 (600), Яндыковский – 60 (240 чел.), Эркетеневский – 10 (40 чел.), Ики-Цохуровский – 10 (40 чел.), Багацохуровский – 10 (40 чел.), Хошеутовский – 6 (20 чел.), Калмбазаринский – 5 (20 чел.). Для подготовки спецоперации по раскулачиванию во все улусы направлялись ответственные работники обкома ВКП(б) и облисполкома, в помощь ОГПУ – сотрудники милиции [8].

Беззакония в Калмыкии творились повсеместно. Раскулачивание проводилось в административном порядке, без привлечения батрацко-бедняцких и середняцких масс, без соблюдения критериев, определяющих кулацкие хозяйства. В связи с развернувшимся раскулачиванием в области массовый характер приобретает уничтожение и распродажа скота. В 1930 г. поголовье всех видов скота сократилось на 30-35 % по сравнению с 1929 г. [9]. Как уже отмечалось, подлежащих раскулачиванию делили на несколько категорий. При этом критериями служили отношение к Советской власти и коллективизации, применение наемной силы, количество скота, размеры земельного надела и хозяйства. Но часто этих критериев не придерживались, так как нужно было любой ценой выполнить спущенный сверху план по

раскулачиванию. В этот период было конфисковано 61623 головы скота и другое имущество ориентировочно на 3720796 руб. [10].

В 1931 г. началась вторая волна репрессий по отношению к крестьянству. Была проведена экспроприация нойонов, зайсангов и крупных скотопромышленников, в результате чего были выселены 388 семей с конфискацией имущества. 27 июня руководством области было решено дополнительно раскулачить и выселить 1250 крестьянских семей (3,13 % общего числа крестьянских хозяйств области), всего 5625 человек [11].

Процесс раскулачивания и выселения зажиточных крестьян в Калмыкии продолжался до 1934 г. За период с 1929 по 1934 гг. по неполным данным было раскулачено 2195 крестьянских семей (почти 14 тыс. человек), из них 1821 выселен за пределы области, остальные раскулаченные хозяйства были разорены и переселены в другие районы Калмыкии [12].

Так была ликвидирована наиболее дееспособная, инициативная часть крестьян. Ни о каких уступках крестьянству не могло быть и речи. Сельское население России оказалось в полном подчинении у партийно-государственных органов власти.

Мировой процесс «раскрестьянивания», признанный как свершающийся факт, захватил Россию в XIX веке и особенно усилился в XX веке. Попытки государства ускорить его не экономи-

ческими, а политическими методами привели к катастрофическим последствиям, которые мы наблюдаем ныне. Экономические и социальные последствия драматического эксперимента в аграрной сфере конца 1920-х – 1930-х гг. только начинают осознаваться обществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никонов А. Предмет исследований – труд земледельца // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 11.
2. НА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 6. Л. 36.
3. Коллективизация сельского хозяйства: важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М., 1957. С. 163.
4. НА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 8. Л. 33.
5. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 366. Л. 5,7.
6. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. С.126.
7. НА РК. Ф.1. Оп. 1. Д. 291. Л. 178.
8. Максимов К.Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. С. 82.
9. Отчет Калмыцкого облисполкома. Элиста, 1930. С. 30.
10. Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М.: Наука, 1970. С. 167.
11. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 89.
12. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 157. Л. 36; Д. 159. Л. 1–3, 11–13, 21; Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 178.

ББК 63.3 (2Рос=Калм.)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КАЛМЫКИИ (1993 – 2003 гг.)

Е.В. Сартикова

В статье рассматривается развитие национальной школы в Калмыкии как один из механизмов, использование которого позволяет народу сохранить свою культуру, передавая из поколения в поколение накопленный веками опыт, поддерживая связь времен, обеспечивая преемственность в жизни народа, неразрывность его национального бытия.

Ключевые слова: модернизация, национальная система образования, национальное самосознание, национальная школа, родной язык, обычаи, традиции.

The paper is devoted to the development of national school in Kalmykia as one of mechanisms which allows the people to keep culture, transferring from generation to generation the experience, saved by centuries, supporting communication of times, providing continuity in the life of the people, indissolubility of his national existence.

Keywords: modernization, national system of education, national self-consciousness, national school, native language, customs, traditions.

Потребность в исследовании названной темы диктуется объективными условиями развития малочисленных народов в российском государственно-политическом, экономическом и культурном пространстве. Поиск причин межнациональных противоречий, а также новых стимулов духовного возрождения народов в последние годы делает остроактуальным и неотложным изучение историчес-

ких корней общежития малых и больших народов, выявление традиционных и создание новых механизмов их взаимодействия.

Происходит процесс возрождения народов и их культур, чему в немалой степени способствует развитие национальной системы образования, в которой главенствующая роль отводится изучению родного языка (при сохранении двуязычия) и истории

своего народа как автономной этнической общности в геополитическом и геокультурном пространстве России.

Народы России испытали тяжчайшие последствия расшатывания фундаментальных основ существования любого этноса: и противоречия большевистской модернизации, и неудачные эксперименты в области языковой политики и многое другое. Помимо того, калмыцкий народ пережил депортацию, ликвидацию государственности. Изгнанные с родной земли, калмыки были разбросаны на огромном пространстве Сибири, Средней Азии и Казахстана, испытали немало бедствий и понесли много потерь. Абсолютное большинство калмыков сейчас не знают своего родного языка. Этому способствовало также и то, что указанием сверху национальные школы в Калмыкии были закрыты, ликвидировано обучение на родном языке. Уничтожались духовные и материальные ценности, утрачивались обычаи и традиции народа.

В этой связи актуальным представляется исследование местных особенностей развития национальной школы как неотъемлемой части общего процесса, происходившего в стране.

Исследовательская новизна состоит в попытке рассмотреть национальную систему образования как один из механизмов, использование которого позволяет народу сохранить свою культуру в иноэтническом окружении.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1993 по 2003 гг. В 1993 году появились несколько вариантов концепций развития национальной школы в Калмыкии. Основным положением в них является осуществление демократического и конституционного права обучения и воспитания учащихся на родном языке, восстановление статуса калмыцкого языка как официального государственного, приоритет национально-регионального компонента в содержании и структуре предметов. Завершающий хронологический рубеж связан с подведением первых итогов развития национальной системы образования, принятием распоряжения Президента РК «О развитии национальной системы образования в республике» (2001 г.) и Указа «О праздновании 10-летнего юбилея национальной системы образования Республики Калмыкия» (2003 г.).

В традиционной постановке данная проблема изучалась учеными Калмыкии Р. Б. Дякиевой [1], Л. Н. Мукаевой [2, с. 52-63], О. Д. Мукаевой [3], А. Б. Панькиным [4], Е. В. Сартиковой [5]. В монографиях О. Д. Мукаевой исследуется культурное своеобразие народной педагогики. Особое внимание уделено содержанию образования, этнопедагогическим традициям воспитания детей, обоснована идея двуязычной школы, плодотворная идея управления системой образования на основе программно-целевого подхода. А. Б. Панькин в своей

работе предлагает концепцию развития калмыцкой национально-региональной системы образования, возрождающей, сохраняющей и развивающей родной язык – основу национальной культуры и самосознания. Заслугой ученых является привлечение внимания властей к серьезной государственной поддержке и помощи учреждений национальной системы образования. Вместе с тем культурные традиции все еще недостаточно изучены, хотя с 1993 г. началась уже третья в XX веке попытка возрождения калмыцкой национальной школы. Но самое главное – предстоит обобщить материал, связанный с ролью образования в экономической и общецивилизационной модернизации калмыцкого общества. Эта задача достаточно сложна и требует интенсивной поисковой и аналитической работы. Поэтому история развития национальной школы в Калмыкии нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевым понятием и главным процессом социального развития в XX веке была модернизация общества в целом и отдельных его сфер. Национальная система образования – и часть, и двигатель этого процесса. Она представлена различными школьными учреждениями. Сложившаяся к настоящему времени ситуация имеет глубокие корни в истории развития национальной школы в Калмыкии.

На состоявшемся в марте 1921 г. X съезде РКП(б) была намечена программа мероприятий в области национальной политики. Особое внимание уделялось роли родного языка в просвещении народных масс, ликвидации безграмотности населения, расширению сети начальных школ. Острым был вопрос о подготовке учителей. В 1920 г. были организованы двухгодичные педагогические курсы в г. Астрахани, которые в 1921 г. были преобразованы в Калмыцкий педагогический техникум. С 1922/23 учебного года в Калмыцкой области уже наблюдался рост количества школ и учащихся. Но обучение в калмыцких начальных школах проводилось на русском языке. Приобретение навыков чтения и письма в основном на русском языке объяснялось и техническими причинами – нехваткой учебных пособий и трудностями, связанными с усвоением старинной национальной графики.

Зая-пандитская письменность находилась в употреблении до 1924 года. Основными этапами развития калмыцкой письменности стали: зая-пандитская (1648 – 1924), русская графика с введением дополнительных знаков (1924 – 1930), латинский алфавит с дополнительными знаками (1930 – 1938) и вновь принятие русского алфавита (1938). Перипетии с алфавитом осложнили решение и без того непростых задач по преодолению неграмотности в Калмыкии.

В 1923 г. Калмыцкий областной отдел народного образования впервые начал работу по составлению учебников для начальных школ на калмыцком языке.

Успехи школьной политики 1920-х годов сказались в том, что уже с 1924/25 учебного года Калмоно приступил к постепенному переводу школ 1 степени на родной язык преподавания. Это стало возможным благодаря подготовке учителей по калмыцкому языку. К важнейшим мероприятиям в области национализации школы относились: «проведение шестимесячных курсов по подготовке учителей-калмыков; перевод учебников на калмыцкий язык; разработка на калмыцком языке комплексных программ для первого и второго годов обучения». Благодаря этим мероприятиям 30 % школ Калмыцкой области или 34 школы в 1925/26 учебном году перешли на преподавание на родном языке учащимся первых и вторых классов начальных школ.

В 1927/28 учебном году работало более 50 национальных школ. В 1927 г. предполагалось распространить обучение на родном языке на третьи классы. Соответственно этому увеличивалось и издание учебников для национальных школ, велась широкая подготовка национальных учительских кадров.

В 1929 г. в РСФСР действовало 85 национальных педучилищ и 8 пединститутов. Кроме того, в 24 пединститутах функционировали национальные группы. Преподавание в начальных школах осуществлялось на 48 языках коренных национальностей России [6, с.1-3].

Однако, начиная со второй половины 1930-х годов ситуация начинает существенно меняться. Упраздняются национальные органы просвещения в структуре государственного управления, происходит частая смена графических основ письменности и, наконец, в 1938 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР вводится закон «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», открывший полувековой период ограничения сферы функционирования родного языка в образовании.

В 1957–1958 годах после восстановления автономии калмыцкого народа, возобновляются обучение на родном языке, подготовка учительских кадров для национальных школ.

Однако школьный закон, принятый в 1958 г., не отменяя формального принципа «школа на родном языке», повернул ситуацию для массового перевода большей части национальных школ РСФСР на русский язык обучения, но с дополнительным родным языком как учебным предметом [7].

В «советскую» эпоху, сохранив только один признак национальной принадлежности – преподавание родного языка, школа, несмотря на игнорирование ею национальных традиций, способствовала росту образовательного уровня народа, который что-то теряя, приобретал неизмеримо больше.

В 1993 году были открыты первые 24 национальных класса, через 10 лет их число составило уже 153. В этом же году на базе Ульдючинской средней школы Приютненского района была

создана первая национальная школа Калмыкии. В 1993 – 1995 гг. открылись первые национальные детские сады: в п. Кетченеры, г. Элиста, п. Оргакин Ики-Бурульского района. По линии Международного фонда образования и ЮНЕСКО выделено 6 пилотных школ, вошедших в проект «Развитие национальной школы», который был учрежден в 1994 г. девятнадцатью регионами России, в том числе и Республикой Калмыкией. С 1 сентября 2001 г. открыта первая в республике Калмыцкая национальная гимназия. Увеличилось число национальных начальных школ 1 степени.

В условиях социально-экономических и политических реформ 1990-х годов сложилась уникальная ситуация в образовании, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка в обучении [1]. Созданию такой ситуации способствовала активизация решения языковых проблем как в целом в Российской Федерации, так и в ее субъектах (принятие законов РФ «О языках народов РФ» и «Об образовании РФ»).

Положительное влияние на возрождение национальной системы образования (НСО) оказали указы Президента Республики Калмыкия «О мерах по дальнейшему возрождению и развитию калмыцкого языка» от 07.05.1998 г. и «О развитии национальной системы образования» от 04.07.2001 г.

Программно-целевой и системный подходы к деятельности по развитию НСО в республике позволили создать необходимую нормативно-правовую базу, увеличить и разнообразить сеть национальных образовательных учреждений.

В числе основных задач национальной системы образования – приобщение учащихся к истории и культуре родного края, стимулирование интереса к изучению родного языка, поддержка одаренных детей. В этих целях в республике ежегодно проводится республиканская олимпиада по предметам региональной компетенции. Для того чтобы калмыцкий язык полноценно функционировал и был востребован в сфере образования, в 2000 году был введен обязательный экзамен по калмыцкому языку и калмыцкой литературе на итоговой аттестации учащихся 9 и 11 классов.

В рамках национальной системы образования проведено более 30 научно-практических конференций и семинаров по проблемам национального образования. В том числе: международный семинар под эгидой ЮНЕСКО «Языки народов России: перспективы развития» (1999 г.), международный семинар «Сохранение национальной самобытности народов Северного Кавказа и предотвращение конфликтов: подготовка программы действий» (1999 г.), международный семинар «Двуязычие и билингвизм» (2003 г.) и др.

В Республике Калмыкия (также, как и в национальных республиках Северного Кавказа и Дагес-

тана) в последнее десятилетие XX века реализовывалась программа регионализации образования, концепция внедрения национального компонента в учебно-воспитательный процесс. В учебные планы школ были введены разнообразные курсы и программы: «Традиционное воспитание калмыков», «История и культура родного края», «Основы буддизма», «Основы народных ремесел», «Экология Калмыкии», а основной акцент в национально-региональном компоненте делался на такие предметы, как «родной язык» и «родная литература». Но в школах республики обучаются дети представителей разных национальностей. Одна из проблем учебных заведений со смешанным национальным составом – достижение гармонии национально- и интернационального в личностных качествах учащихся. Э. Гарунов считает, что «нормативным является такое развитие национального, когда человек овладевает национальным языком того народа, к которому принадлежит, понимает и ценит его культуру. Под интернациональным мы понимаем готовность и умение с искренним уважением относиться к языку, культуре, добрым традициям тех народов, которые проживают в данной местности и вокруг» [8, с. 61].

Для удовлетворения этнических потребностей народов, проживающих в республике, в содержание образования вводятся факультативы, спецкурсы, создаются кружки по изучению языков народов Калмыкии. Например, организовано обучение «казахскому языку в школах Юстинского и Лаганского районов, даргинскому языку – в школах Ики-Бурульского района, аварскому – в Черноземельском, чеченскому – в Целинном районах» [9, с. 3].

При определении национально-региональной системы образования очень важно разграничивать понятия типа «калмыцкая национальная школа» и «национальная школа Калмыкии». Эти понятия пересекаются, но не совпадают целиком. Первое из них направлено на изучение конкретного этноса, его языка, истории и культуры, традиций и т.д. Второе понятие – на территориальное образование, которое само по себе полиязычно, политэтнично и поликультурно. Поэтому, говоря о национально-региональной системе образования, правильным будет пользоваться термином «национальная школа Калмыкии», поскольку подразумеваем национальную школу не только конкретного этноса, но и других народов, проживающих на данной территории, удовлетворяющей интересы многонационального населения.

Инновационные методы народного образования внедряются все уверенней. Предпринимаются эксперименты, открываются национальные группы в детских садах, национальные классы в общеобразовательных школах, национальные мастерские.

Аналогичные процессы происходят в соседних с Калмыкией республиках. Например, в Кабардино-Балкарии выделяются следующие основные тен-

денции в образовании: «смена основной парадигмы образования: кризис его классической модели, разработка новых педагогических идей; демократизация школы, гуманизация, вариативность образования; восстановление и развитие положительных традиций национальной школы; отработка модели системы непрерывного образования» [10, с. 108].

Анализ сложившейся ситуации в системе образования Кабардино-Балкарской республики свидетельствует об изменении «содержания национально-регионального компонента и отработки модели системы непрерывного образования». Широкая реализация непрерывного образования в КБР возможна, по мнению Мизовой М. Х., «если будут разработаны преемственные образовательные программы, сквозные учебные планы, соответствующая учебная литература, направленная на воспитание личности как субъекта этноса» [10, с. 109].

В типовой модели национальной школы Северного Кавказа содержание комплекса учебных предметов идентично с общеобразовательной школой, и вместе с тем в него вводится специфика региона. «Так, при изучении естественно-научных предметов (биология, география, физика, химия) обращается внимание на местную флору и фауну, экономику и производственную деятельность населения, национальный состав и особенности традиций и обычаев этносов; термины и понятия, обозначающие физические и химические явления и процессы, их эквиваленты на родном языке» [11, с. 44].

Региональный и национально-этнический компоненты включают в себя родной язык и литературу, историю народа и его культуру, устное народное творчество. «Все предметы, – как отмечают Х.Х. Сукунов и А.П. Величук, – изучаются с опорой на самобытность, нравственную и эстетическую культуру народа, специфику среды обитания, окружающего мира, обычаи и традиции этноса. Формирование физической и трудовой культуры также осуществляется с привлечением национальных видов спорта, трудовых традиций» [11, там же].

Очевидны общие тенденции и закономерности. Так, ориентация на воспитание личности как субъекта этноса является приоритетной во всех республиках, в попытке выработать нормативно-ценностные системы заложены общие критерии. Речь сейчас идет, конечно, о выборе идентификационной модели системы национального образования, исходя из того, что «каждая из них как органическая часть общероссийской образовательной системы должна гарантировать достижение одного и того же уровня образования... при обеспечении учета национально-самобытных особенностей всех народов Российской Федерации» [11, с. 37]. Но, кроме общности проблем национального образования в полиэтническом регионе, существуют различные интересы народов (они в конкретных содержательных формах и моделях).

Калмыкия имеет тесные дружественные связи с соседними краями, областями и республиками Северного Кавказа, основными направлениями ее развития в духовной сфере являются: «государственная поддержка национальных языков и культур, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения, создания условий для развития национально-русского и русско-национального двуязычия; развитие национальных общеобразовательных учреждений» [12, с. 26-27].

Таким образом, национальные системы образования должны составить целостную общероссийскую структуру, полностью удовлетворяющую национально-образовательные потребности всех этносов, проживающих в Российской Федерации, с учетом разнообразных региональных особенностей (этно- и социокультурных, исторических, хозяйственно-экономических и др.). Необходимо, на наш взгляд, четко определить направления деятельности НСО, чтобы обеспечить ее развитие в перспективе. Эти направления связаны, прежде всего, с программно-методическим, кадровым, материально-техническим, финансовым и научно-информационным обеспечением. Поэтому самым оптимальным решением проблемы развития национальной системы образования является вариант, при котором государство изыскивает средства для превращения образовательной сферы в конкурентноспособный механизм удовлетворения национально-культурных потребностей населения, адекватный перспективам национального развития, принципам гуманизма и демократии. Результаты, которых достигла национальная система образования за 10 лет – это итог деятельности ученых, руководителей системы образования разных лет, педагогов на-

циональных классов, внесших значительный вклад в развитие НСО республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дякиева Р.Б. Развитие национально-регионального образования Республики Калмыкия (организационно-управленческие аспекты). Элиста: КГУ, 2006. 246 с.
2. Мукаева Л. Н. Калмыцкая национальная школа: истоки, становление, перспективы развития // Калмыцкая нация на рубеже столетий: современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 1995.
3. Мукаева О. Д. Этнопедагогика калмыков: история и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 256 с.
4. Панькин А. Б. Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград: Перемена, 2001. 446 с.
5. Сартикова Е. В. Образование Калмыкии: истоки и становление. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 160 с.
6. Национальная система образования: 10 лет – опыт и перспективы развития // Алтн товч. 2003. 16 мая.
7. Там же.
8. Гарунов Э. Школа со смешанным национальным составом // Народное образование. 1993. № 5.
9. Национальное образование: проблемы и перспективы // Известия Калмыкии. 2001. 25 янв.
10. Мизова М. Х. Модель системы непрерывного образования (национально-региональный аспект) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, 2000. № 1.
11. Сукунов Х.Х., Величук А.П. Разработка типовой модели национальной школы: (для школ Северного Кавказа) // Педагогика. 1997. № 4.
12. Максимов К.Н., Ванькаев Ю.К. Калмыкия и Северный Кавказ: перспективы сотрудничества // Народы Калмыкии: современные социо-культурные и этнические процессы: сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 1997.

ББК 67.400

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АВТОНОМИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ

Е.А. Гунаев

В статье рассмотрены проблемы учреждения и организации института национально-культурной автономии применительно к Республике Калмыкия.

Ключевые слова: Калмыкия, национальные меньшинства, культурно-национальная автономия, национально-культурная автономия, национальная политика.

This article is devoted to problems of establishment and organization of national-cultural autonomy institution in the Republic of Kalmykia.

Keywords: Kalmykia, national minorities, cultural-national autonomy, national-cultural autonomy, national policy.

Республика Калмыкия – многонациональный субъект Российской Федерации, в котором проживают представители более 90 национальностей. Основные по численности – калмыки и русские (53,3 % и 33,6 % соответственно). Третьей по численности представлена диаспора народов Северно-

го Кавказа (даргинцы, чеченцы, аварцы и др.). До начала 90-х гг. XX века в республике была представлена диаспора российских немцев. Однако в последующие годы значительная их часть переселилась на постоянное местожительство в Германию. С 1989 г. в западных районах республики

(Городовиковском и Яшалтинском) обосновалась диаспора турок-месхетинцев. В целом представители других народов (этносов) по численности составляют 13,1 % и представлены от нескольких тысяч (например, казахи, украинцы) до сотен и десятков человек [1]. С интенсификацией миграционных процессов в Республике Калмыкия стала увеличиваться численность представителей народов ближнего и дальнего зарубежья [2]. В этой связи обеспечение мирного и бесконфликтного существования представителей различных национальностей является одной из приоритетных задач органов государственной власти. От уровня учета правовой политикой традиций, обычаев этнических сообществ зависит достижение компромисса между интересами большинства и меньшинства, бесконфликтная интеграция каждого в единое правовое пространство [3].

Одним из институтов гармонизации межнациональных отношений, а также государственной поддержки развития национальных культур и языков является национально-культурная автономия. Попытка создания национально-культурной автономии в республике предпринималась немецкой диаспорой. Однако, она не получила развития, как представляется, в силу миграции значительной части немецкой диаспоры в Германию [4]. Необходимо отметить, что в Республике Калмыкия на сегодняшний день действует институт культурно-национальной автономии в рамках закона РФ от 9 октября 1992 г. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». В Разделе III данного закона «Права и свободы народов и иных этнических общностей в области культуры» содержится констатация того, что народы и иные этнические общности в Российской Федерации имеют право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания. Отдельно указывается, что «политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях» (ст. 20) [5]. В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» провозглашено право на культурно-национальную автономию. Она гарантируется всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности. Культурно-национальная автономия означает право указанных этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания на основании волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан национально-культур-

ных центров, национальных обществ и землячеств. Национальные культурные центры, национальные общества и землячества вправе:

- разрабатывать и представлять в соответствующие органы государственной власти и управления предложения о сохранении и развитии национальной культуры;
- проводить фестивали, выставки и другие аналогичные мероприятия;
- содействовать организации национального краеведения, охране национальных исторических и культурных памятников, созданию этнографических и иных музеев;
- создавать национальные клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению национального языка, общероссийские, региональные и иные ассоциации [6].

Начиная с 1990 г. в Республике Калмыкия были созданы национальные культурные центры немцев, казахов, корейцев, татар, чеченцев, азербайджанцев, армян, евреев, турок-месхетинцев [7]. Некоторые из них впоследствии по организационно-правовым причинам ликвидировались. Например, «Армянский культурный центр «Эребуни» [8]. Как отмечает М.Б. Марзаева, на спад активности национально-культурных центров повлияли как объективные, так и субъективные причины. «Главными трудностями в работе национально-культурных организаций их лидеры указывают в первую очередь отсутствие материальной базы и инертность основной массы землячества. Общими также являются следующие проблемы:

- остро стоит вопрос обучения национальным языкам;
- отсутствие государственного финансирования затрудняет реализацию всех задач национальных организаций;
- формы и методы взаимодействия национально-культурных обществ с органами государственной власти и местного самоуправления носят эпизодический характер» [9].

В этой связи, на наш взгляд, наиболее оптимальным вариантом для решения указанных проблем является институт национально-культурной автономии. Данная позиция уже приводилась автором в свете анализа национальных отношений в практике государственного строительства в Калмыкии [10]. Отметим также, что подобная позиция отражена и в докладе уполномоченного по правам человека в Республике Калмыкия в 2007 г. По мнению уполномоченного, в числе актуальных является принятие в том числе и Закона РК «О национально-культурной автономии в Республике Калмыкия» [11]. Несмотря на то, что принятие республиканского закона пока откладывается, считаем, что вполне допустимо использовать напрямую нормы Федерального закона от 17 июня 1996 г. «О национально-культур-

ной автономии» [12]. Согласно данному федеральному закону, национально-культурная автономия в Российской Федерации – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая объединение граждан РФ, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Национально-культурная автономия является видом общественного объединения. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация (ст.1). Следует также отметить, что право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение (ст.4). Таким образом, исходя из норм федерального закона, «субъектом национально-культурной автономии является не любой народ, а рассеянный этнос, состоящий из граждан, находящихся в ситуации национального меньшинства, когда определенные лица в силу своей этнической разрозненности не имеют таких же возможностей коллективно осуществлять национально-культурные права, как некоторые другие жители страны. Именно в таких обстоятельствах, – отмечает Т.Я. Хабриева, – возникает потребность в национально-культурной автономии как в определенного рода объединении представителей того или иного этноса» [13].

В Республике Калмыкия национально-культурная автономия не применима к двум этносам: калмыкам и русским, поскольку они составляют большинство в республике. В Республике Калмыкия сохранение и развитие калмыцкой национальной культуры, историко-культурного наследия гарантировано на конституционном уровне (ст.15 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия). Калмыцкий язык наряду с русским является государственным языком в Республике Калмыкия. Вместе с тем, как показывает опыт других республик-субъектов РФ, территориальная автономия или национальная государственность не требуют отказа от национально-культурной автономии. Необходимость данного института может возникнуть в местах компактного проживания калмыков в других регионах России.

Русские в Калмыкии являются второй по численности национальностью в республике. Следует отметить, что за период 1990 – 2005 гг. доля русских в национальном составе населения значительно уменьшилась. За указанный период число выезжающих из республики русских стабильно превышало их въезд [14]. Т. Я. Хабриева отмечает, что русские в отдельных субъектах РФ, в частности в республиках Южного федерального округа, не имеют численного превосходства, а в некоторых

из них вполне могут оказаться в ситуации национального меньшинства. Таким образом, может возникнуть ситуация, когда в отдельных регионах существование подобных автономий вполне может оказаться целесообразным. Вместе с тем преобладающим является мнение, что национально-культурная автономия не является эффективным способом обеспечения прав русских на национальную самоидентификацию. По крайней мере, в общедеревальном масштабе [15]. Это объясняется тем, что русский язык является государственным на всей территории страны, и в целом национально-культурное развитие русского народа гарантировано на государственном уровне (уровне Федерации).

В статье 14 Степного Уложения провозглашается: «Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, русского и других народов республики...». В статье 16 Степного Уложения закреплено: «Органы власти способствуют развитию культур русского и других народов, проживающих в Республике Калмыкия, на основе равноправного, межнационального, культурного взаимодействия». В Республике Калмыкия имеется опыт создания калмыцких и славянских национально-культурных центров на местном, муниципальном уровне [16].

Согласно федеральному закону «О национально-культурной автономии», в Российской Федерации предусматривается организация трех уровней деятельности национально-культурных автономий. Они могут быть местными (городскими, районными, поселковыми, сельскими), региональными (действуют на уровне субъектов РФ) и федеральными (ч.3 ст. 5). Необходимо отметить, что практика идет по пути признания возможности создания на каждом территориальном уровне лишь одной национально-культурной автономии определенной этнической общности. Это обеспечивает более эффективное взаимодействие национально-культурной автономии с органами государственной власти при решении вопросов сохранения культурной самобытности [17]. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 3 марта 2004 г. «По делу о проверке конституционности ч.3 ст.5 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» отмечается следующее: действующее правовое регулирование национально-культурной автономии в Российской Федерации призвано способствовать созданию условий взаимодействия государства и общества для защиты интересов граждан РФ в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития, включая меры государственной поддержки самостоятельного решения вопросов самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Этим обуславливается значение регис-

трации национально-культурной автономии в порядке, предусмотренном законодательством РФ, в результате которой соответствующая национально-культурная автономия приобретает не только права юридического лица, но и иные гарантированные федеральным законом «О национально-культурной автономии» публичные права, которым корреспондируют перечисленные в данном федеральном законе обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что система национально-культурной автономии, предполагающая возможность создания на территории субъекта РФ местными национально-культурными автономиями не более одной региональной национально-культурной автономии гражданами РФ, относящих себя к соответствующей этнической общности, имеет объективные основания и направлена не на ограничение, а на защиту прав национальных меньшинств, в том числе путем создания необходимых фактических и юридических предпосылок их самоорганизации и возложения соответствующих обязанностей на органы публичной власти. В этой связи положение Федерального закона «О национально-культурной автономии», предполагающее, что в пределах субъекта РФ может быть образовано не более одной региональной национально-культурной автономии, подлежащей государственной регистрации в установленном законодательством РФ порядке, было признано Конституционным Судом РФ не противоречащим Конституции РФ [18].

9 февраля 2009 г. в Федеральный закон «О национально-культурной автономии» внесены изменения в части финансирования и поддержки деятельности, связанной с реализацией прав национально-культурных автономий. Как и прежде, устанавливается, что финансирование деятельности национально-культурных автономий осуществляется за счет средств самих национально-культурных автономий, их учреждений, организаций и частных лиц. Новеллой является указание на «иные источники, не запрещенные законом». В результате принятия федерального закона № 122-ФЗ от 22 августа 2004 г. финансовая поддержка национально-культурных автономий со стороны государства была возложена на бюджеты субъектов РФ. Теперь же, с учетом изменений от 9 февраля 2009 г., указанная поддержка осуществляется как федеральными органами исполнительной власти, так и органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Однако здесь есть свои нюансы. Федеральные органы исполнительной власти, как записано в законе, «могут» (т.е. не обязаны) оказывать поддержку федеральным национально-культурным автономиям за счет средств федерального бюджета. Органы государственной власти субъектов РФ (т.е. не только исполнительные, но и законодательный

орган власти) в соответствии с законом субъекта РФ «оказывают» (т.е. обязаны) поддержку региональным и местным национально-культурным автономиям за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций, предоставляемых из федерального бюджета). В свою очередь, органы местного самоуправления «вправе» (опять же не обязаны) оказывать поддержку местным национально-культурным автономиям за счет средств местного бюджета (за исключением субвенций, предоставляемых из федерального бюджета и бюджета субъекта РФ) [19]. Таким образом, основное бремя оказания финансовой поддержки национально-культурным автономиям по-прежнему возложено на бюджеты субъектов РФ. Представляется, что именно трудности бюджетного финансирования откладывают принятие Закона РК «О национально-культурной автономии в Республике Калмыкия».

Другая причина, не менее важная, состоит в воле и способности самих национальных диаспор к самоорганизации в форме национально-культурных автономий. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «национально-культурная автономия имеет богатый потенциал разнообразных возможностей. Однако речь идет, прежде всего, о потенциальных возможностях. Для превращения их в действительность нужны многие слагаемые. Национально-культурная автономия позволит рассчитывать на позитивный результат там, где гражданами осознана принадлежность к одному из народов и национально-культурная автономия признается ими наиболее эффективной формой решения вопросов сохранения своей национальной идентичности» [20].

Также Т.Я. Хабриева полагает, что не только граждане РФ, но и иностранные граждане и лица без гражданства могут иметь право создавать национально-культурные автономии по месту жительства и участвовать в них. Это подтверждается международной практикой, которая в национальном законодательстве некоторых стран уже учтена. Однако в Российской Федерации этот вопрос остается вне законодательного регулирования [21].

В заключение отметим, что институт национально-культурной автономии необходим Республике Калмыкия. «Будучи экстерриториальным общественным формированием, национально-культурная автономия, не ущемляя конституционных прав субъектов РФ, расширяет возможности в осуществлении государственной национальной политики на региональном уровне» [22].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Калмыкия // Хальмг Унн. 2004. 20 июля.

2. Белоусов С.С. Основные тенденции миграционных процессов населения в Калмыкии в постсоветский период // Современное состояние и сценарии развития Юга России: материалы науч.-практич. семинара Объединенного отдела соц.-политич. и экономич. проблем южных регионов ЮНЦ РАН (7–8 декабря 2005 г.). Ростов – н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 119.
3. Кочетыгова Н.И. Многокультурность как характерная черта российской государственности // Государство и право. 2006. № 11. С. 86.
4. Болдуринова Е. Немецкая автономия – залог дружбы, сотрудничества и процветания народов // Известия Калмыкии. 1999. 28 июля.
5. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
6. Там же.
7. Марзаева М.Б. Национально-культурные центры Республики Калмыкия // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: материалы Всерос. науч. конф. (9–10 июня 2009 г., г. Ростов – н/Д) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов – н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 211.
8. Сообщение пресс-службы Управления Минюста РФ по Республике Калмыкия // Известия Калмыкии. 2008. 18 нояб.
9. Марзаева М.Б. Указ. соч.
10. Гунаев Е.А. Национальные отношения в практике государственного строительства Калмыкии (90-е гг. XX в. – нач. XXI в.) // Современные реалии социально-политических процессов в Республике Калмыкия: состояние и перспективы: материалы республиканской науч.-практич. конф. Часть I; II. Элиста: КТИ (филиал); ГОУ ВПО «ПГТУ», 2007. С. 338–350.
11. Парламентский вестник Калмыкии. 2008. 7 июня.
12. Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.
13. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в системе российского федерализма: правовой аспект // Государство и право. 2006. № 9. С. 7.
14. Белоусов С.С. Указ. соч. С. 19.
15. Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 7.
16. Шарманджиев Д.А. Деятельность учреждений культуры Республики Калмыкия по развитию этнокультурного взаимодействия народов Юга России // Вестник КИГИ РАН. Вып. 19. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 214–215.
17. Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 8.
18. Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 1033.
19. Российская газета. 2009. 11 февр.
20. Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 9–10.
21. Там же. С. 7.
22. Зорин В.Ю., Хабриева Т.Я. Государственная национальная политика Российской Федерации: проблемы реализации и совершенствования // Журнал российского права. 2003. № 8. С. 34.

ББК 63.4

КАМЕННЫЕ ЗООМОРФНЫЕ НАВЕРШИЯ – СКИПЕТРЫ

Э.А. Кекеев

Каменные зооморфные навершия (Архара и Джангар), найденные на территории Республики Калмыкия, не рассматривались на фоне истории открытия аналогичных предметов. В данной статье дается описание скипетров Архара и Джангар, рассматривается их сходство и различие с каменными навершиями из южной и юго-восточной Европы.

Ключевые слова: каменные зооморфные навершия, символ, лошадь, голова, классификация.

Stone zoomorphous scepters found on the territory of the Republic of Kalmykia had not been examined at a time when the other simile historically important things were discovered. In the present paper the description of the scepters of Arkhara and Dzhangar is given and their similarities and differences with stone scepters from the south and south-east Europe are considered.

Keywords: stone zoomorphic scepters, symbol, horse, head, classification.

Каменные зооморфные навершия – скипетры – предметы, заметно выделяющиеся среди многих археологических источников по энеолиту юга Восточной Европы. Прошло более ста лет с находки первого подобного предмета в конце XIX века в районе Кавказа. Навершия сразу же привлекли внимание многих ученых Европы и уже более 80 лет вызывают научные дискуссии.

На сегодняшний день насчитывается около 40 подобных объектов. Каменные навершия находили на Балканах, Карпато-Подунавье, Северном

Причерноморье, Подонье, Среднем и Нижнем Поволжье и Кавказе.

Среди ученых существуют разные точки зрения о каменных навершиях: о месте их происхождения, о пути распространения на столь большой территории и др. Но основными тремя проблемами в работах о скипетрах являются:

1. проблема начальных этапов социальной стратификации скотоводческих обществ Восточной Европы и возникновение вождеств (навершия – символ власти);

2. проблема места и времени одомашнивания лошади и ее использования для верховой езды (навершия – изображения взнузданной лошади);

3. проблема экспансии степных обществ на запад в среду древнеземледельческих цивилизаций Карпато-Придунавья и Балкан (распространение наверший – результат экспансии) [1, с. 69].

Из перечисленных проблем видно, что скипетры являются важным археологическим источником по изучению сложных культурно-исторических и социальных явлений энеолита. В данной работе рассматривается первая проблема, а именно навершия как символы власти.

На территории современной Республики Калмыкия было найдено два подобных каменных навершия: в кургане 27 Архаринского могильника в 1962 году [6, с. 93] и в кургане 1 могильника Улан-Толга в 1985 году [3, с. 166]. С находкой Архаринского скипетра Нижнее Поволжье вошло в обширный ареал распространения зооморфных наверший эпохи энеолита.

На территории нашей республики находка подобного масштаба была совершена не впервые. Первые археологические исследования на территории современной Республики Калмыкия начались с научных работ, проведенных летом 1929 года под руководством Павла Сергеевича Рыкова. Поиски позволили наметить места будущих раскопок и начать в том же году работы на могильнике Станция 5 Яшкульского района [5, с. 57]. В последующие 7 лет П.С. Рыковым были проведены археологические раскопки 16 могильных групп (Три Брата 1, 2, Улан-Эрге, Элиста 1, 2, Кегульта и др.). В процессе этих исследований в кургане 9 в могильнике Три Брата в 1939 году он обнаружил самые древние в Восточной Европе остатки колесного транспорта – хорошо сохранившиеся колеса от повозки [5, с. 34]. Это была первая находка на территории Калмыкии такого масштаба, ставшая известной мировой науке. Она сильно повлияла на точку зрения многих ученых в их мнении о происхождении и распространении колесного транспорта.

Так, предметы, найденные в процессе первых исследований на территории Волго-Манычских степей, доказывали связь нашего региона с территориями сопредельных областей – Кавказ, Предкавказье, Волжско-Уральское междуречье, Среднее Поволжье, Северное Причерноморье.

Прерванные Великой Отечественной войной, а затем депортацией калмыков полноценные археологические работы были возобновлены лишь в 1961 году У.Э. Эрдниевым и И.В. Синецким.

Под их руководством в 1962 году начались археологические работы на Архаринском курганном могильнике. Группа курганов находилась в 18 км к югу от города Элиста, в 1,5 км к северу-востоку от Лолинского курганного могильника и являлась как бы его продолжением. Курганы (свыше 70) располагались на возвышенности между балками Передняя (Эмне) Хара и Ар-Хара, непрерывной цепочкой тянулись с запада на восток на протяжении 3 км [6, с. 47].

Курган № 27, в котором было обнаружено каменное навершие, находился примерно в центре могильника. Диаметр насыпи составлял 15 м, высота – 0,65 м. В кургане обнаружено 3 погребения, сосредоточенные в центральной части.

Навершие находилось в погребении 1, с правой стороны черепа погребенного: каменный предмет плоской формы, округленный в нижней части и с конусовидным закруглением на другом конце; сбоку, на верхнем конце, своеобразный выступ конусовидной формы; ниже выступа обе стороны по краю орнаментированы опоясывающим валиком и двойным желобком, левую треть отделяет такой же валик и желобок, вертикально расположенные (рис.1). Погребенный был мужчиной, лежал на спине, головой на восток. Ноги согнуты так, что бедра и берцовые кости лежали плотно прижатыми к животу и груди, руки лежали на животе, под ногами, а кистями помещались на тазовых костях. С левой стороны, ближе к тазу, находилась передняя лопатка коровы. Кости скелета и дно могилы по всей площади густо засыпано красной краской – охрой. Над скелетом слой краски местами достигал 4-5 см.

Погребение 1 было впускным, и при его сооружении были нарушены погребения 2 и 3. В погребении 2 обнаружены кости взрослого человека, скелет почти полностью разрушен. Судя по расположению нетронутых стоп погребенного, он лежал головой на восток, в юго-восточном углу могилы находился глиняный сосуд яйцевидной формы. На костях разрушенного скелета отмечены следы красной краски – охры. Погребение 3 было основным в кургане, на дне могилы обнаружены два скелета – мужчина и женщина. Предметов в могиле не было [6, с. 94-95].

О навершии Архара У.Э. Эрдниева писал, что в целом предмет изображает голову лошади, возможно верхового коня (рис. 1), дикие предки которого обитали в степях Нижней Волги еще в эпоху среднего палеолита, 70-60 тыс. лет тому назад. Данная находка имеет большое значение и в области исследований социальной стратификации общества. Она может служить доказательством далеко зашедшего процесса имущественного и социального расслоения. Это был знак власти племенного или родового вождя [8, с. 80].

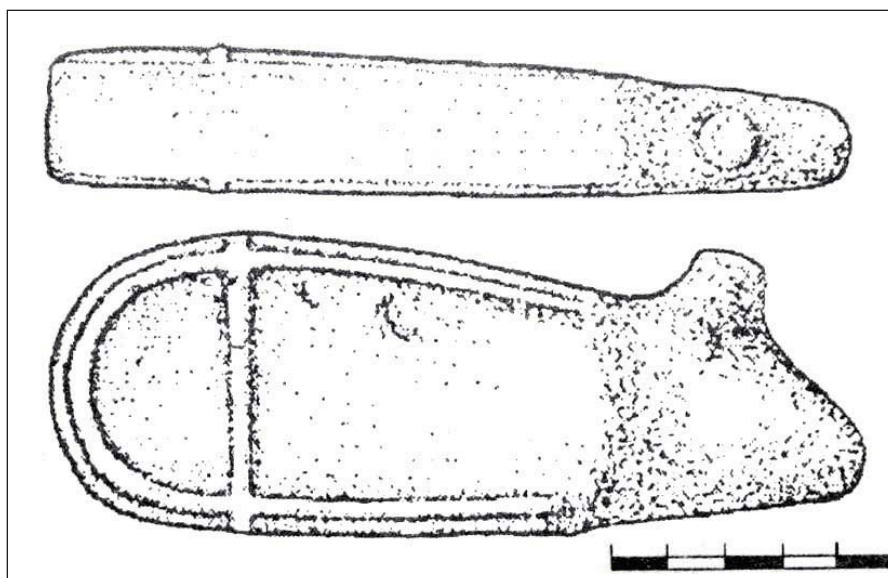

Рис. 1. Скипетр из кургана 27 Архаринского могильника

В основе древнеямной культурно-исторической общности, формировавшейся в степях Калмыкии, лежит местный пласт, возможно, общий для всех вариантов древнеямной степной культуры, связанный с неолитической традицией, для которой характерны глиняные остро-кругло-донные сосуды. Такие сосуды найдены на территории Калмыкии, в частности, в кургане 27 Архаринского могильника обнаружен сосуд с яйцевидным дном с невысокой шейкой и плавно отогнутым венчиком, орнаментированный по шейке и верхней части тулова вертикально прочерченными линиями и насечками, образующими треугольники вершиной вверх [9, с. 100].

Обнаруженное в Архаринском могильнике навершие на тот момент не имело прямых аналогий среди памятников Нижнего Поволжья.

Установлено, что подобные зооморфные скульптурки, служившие символом власти, отражают глубокие социально-экономические изменения в жизни энеолитического населения обширных районов Евразии. Это первое общественное разделение труда, разложение первобытнообщинного строя и складывание патриархальных отношений, усиление власти вождей над традиционными родоплеменными институтами. Следовательно, архаринский экземпляр указывает на то, что аналогичные процессы одновременно происходили и на территории Нижнего Поволжья [7, с.25].

Существует несколько классификаций наверший, основную из которых мы рассмотрим ниже, она предложена В.А. Дергачевым (доктор исторических наук, директор Института Культурного наследия Академии Наук Республики Молдова, преподаватель университета Высшая Антропологическая Школа (Кишинев), специалист в области нео-энеолита, эпохи бронзы и раннего железа Восточной и Юго-Восточной

Европы). По этой классификации архаринский скипетр относится к группе схематических наверший [2, с. 112-119].

Важным моментом является то, что скипетр Архара, по мнению авторов раскопок, изготовлен из местного, кавказского амфиболитового (роговообманкового) диорита. Не менее существенно и хронологическое определение данного комплекса: погребение с каменным навершием по ритуалу, стратиграфическим и другим данным вместе с погребениями из кургана № 27 Архаринского могильника относится к раннему этапу эпохи бронзы – второй половине III тыс. до н. э. Таким образом, данный комплекс может служить важным археологическим источником, свидетельствующим о культурных связях племен Кавказа, Северо-Западного Прикаспия с Придунавьем в конце III начале II тыс. до н. э. [6, с. 11].

До 1962 года было известно 9 каменных наверший (далее в скобках указана группа, к которой принадлежит скипетр по классификации, предложенной В.А. Дергачевым [2, с. 112-119]). На Северном Кавказе в разное время случайно найдены два навершия – «Оржоникидзе» (схематический) и Терекли-Мектеб (реалистичный); в районе Карпато-Подунавья найдено 4 навершия – Ариушд (реалистичный), Касимча (реалистичный), Феделешень (реалистичный) и Вэлень (схематичный); на Балканском полуострове открыты Сэлкуца, Суводол и Режево (все три реалистичные) [2, с. 70-78].

Видно, что только навершия, найденные в районе Дуная и Балкан, имели достоверные данные о точном месте находки, и судить о хронологическом отрезке, когда навершия использовались древним населением, можно было только по этим находкам.

Большинство скипетров найдено в жилищах и в ненарушенных слоях поселений земле-

дельческих культур балкано-дунайского круга [5, с. 166].

Можно представить, какую большую роль для научного мира сыграла находка Архаринского скипетра: каменное навершие обнаружено в районе Нижнего Поволжья впервые, все условия открытия были задокументированы. Навершие обнаружено в подкурганном погребении, со строгой стратификацией. Все это сделало данную находку уникальной, и она дала новую информацию ученым, изучающим культурно-исторические и социальные явления энеолита.

Ученые Европы вели дискуссии о месте происхождения каменных зооморфных наверший, их роли в жизни древних людей, о том, каких животных изображали навершия. Крупнейшими специалистами в этой области считались В. Думитреску (румынский археолог), А.А. Иессен (советский археолог, специалист по археологии и древней истории Кавказа бронзового века) и Д. Берчу (румынский археолог, профессор). Но, несмотря на активные дискуссии, в основном мнения ученых совпадали.

1. Все скипетры, независимо от их территориального происхождения, относительно одновременны и представляют единую «культурную традицию».

2. Появление и распространение скипетров как символов власти знаменует собой активизацию или усложнение социальных отношений на этапе миграций и взаимодействия носителей пришлых — степных и местных — земледельческих культур.

3. Происхождение скипетров, их изготовление и распространение связано со степными, восточными племенами, носителями курганных охровых погребений.

4. Все скипетры представляют собой стилизованное изображение головы лошади.

5. Наблюдаемые на скипетрах дополнительные «орнаментальные» мотивы отображают собой уздечный набор взнузданной лошади.

6. Все зооморфные изображения представляют собой навершия, закреплявшиеся на удлинённых рукоятках. Функционально облеченные в тотемические формы, они служили символами социальной власти — это скипетры, принадлежавшие родоплеменным вождям и предводителям.

7. Появление скипетров в Карпато-Подунавье является результатом первой миграции степных восточных племен в эту зону.

Следует отметить, что выработанная к середине 50-х гг. XX века концепция понимания и интерпретации наверший представляла собой не что иное, как приведение знаний об этой категории источников в соответствие с качественно изменившимися тогда представлениями о соот-

ношении археологических реалий касательно и энеолитических — земледельческих, и степных — скотоводческих культур, которые, в свою очередь, вырабатывались на совершенно иных категориях материалов. Этим, очевидно, можно объяснить совпадение сформулированных В. Думитреску и Д. Берчу выводов, которые вскоре были восприняты подавляющим большинством авторитетных специалистов, а в дальнейшем стали базовыми во всех последующих дискуссиях вплоть до настоящего времени [2, с. 77].

В начале 60-х гг. XX века, т. е. в период заметного увеличения объема археологических работ не только на территории СССР, но и в Европе, заметно возросло количество выявленного материала. Только в 1965–1985 гг. было обнаружено еще 17 каменных наверший.

В Нижнем Поволжье, на территории Калмыкии, в 1985 году, найден скипетр Джангар при раскопках курганной группы Улан Толга. Особенностью этой находки является то, что скипетр Джангар — единственное навершие, обнаруженное в Нижнем Поволжье в данный период, так же как выявленный в энеолитическом погребении скипетр Архара; все данные о раскопках закреплены в научном отчете.

Навершие было найдено в кургане 1 в группе курганов У-85, находившихся в 6 км к северу от п. Барун, в 12 км к востоку от п. Джангар. Раскопки проводила археологическая экспедиция КНИИ ИФЭ на землях совхоза «Джангар» Октябрьского района Калмыцкой АССР.

Курган № 1 был диаметром с севера на юг — 46 м, с запада на восток — 50 м. Главная особенность погребения № 3, в котором находилось каменное навершие, состояло в том, что оно было сооружено задолго до насыпки самого кургана, захоронение было совершено в естественном всхолмлении и не было связано с устройством кургана. Как пишут авторы раскопок, задержанность поверхности над погребением сигнализировала, что между сооружением древнейшего кургана и совершением погребения № 3 прошел достаточно большой хронологический промежуток, что сооружавшие курган об этом погребении не знали [3, с. 15].

На дне могилы лежал скелет мужчины средних лет, на спине, головой на восток. Ноги были подняты коленями вверх, упали направо на останец заполнения могилы, из чего следует вывод, что над могилой существовало перекрытие, которое совершенно не сохранилось. Правая рука вытянута, левая согнута под тупым углом, а кисть лежала на бедре. Кисть отсутствовала. Скелет и череп великолепной сохранности. Под левым крылом таза лежал каменный скипетр из камня серовато-зеленого цвета пятнистой структуры [3, с. 16].

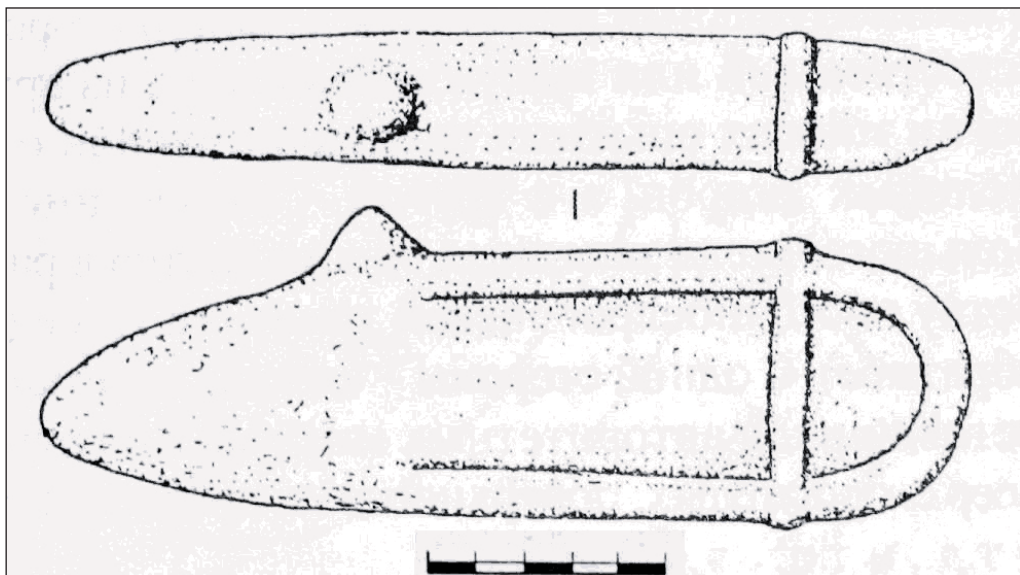

Рис. 2. Скипетр Джангар из кургана 1 могильника Улан-Толга

По сравнению с погребением 1 кургана 27 Архаринского могильника, где был найден скипетр Архара, погребение 3 кургана 1 могильника Улан-Толга было очень богато инвентарем: кремневый нож, кремневый клиновидный топор из коричневого кремня, три граненных столбика с «перевязью» (идолы), кремневый скребок, мягкий окатанный сланцевый камень, вокруг головы и к югу от скелета в заполнении отмечено много отщепов и микролитических орудий и ряд более мелких кремневых изделий. Инвентарь погребения состоял из 78 предметов: 11 крупных и 67 мелких.

Атрибуция погребения определяется по набору инвентаря, а также по стратиграфии с основным погребением кургана – 1/3, которое связывается с раннеямной культурой, как доямное, энеолитическое [3, с.16а].

Каменное навершие (рис. 2) авторами раскопок описывается как скипетр с изображением головы взнузданной лошади. Материал – серо-зеленый пятнистый камень (порфирит, диабаз?). Длина – 19,9 см, ширина – 6 см, толщина – 3,06 см, высота «уха» – 1,1 см, обратная сторона скипетра покрыта черной патиной. Около рукоятки с «лицевой» стороны поверхность окрашена охрой. Нервюра является стилизованным изображением узды [3, с.166].

Отметим, что в Сарпинской низменности был найден абсолютно идентичный архаринскому зооморфный скипетр. В настоящее время местонахождение навершия Джангар установить не удалось [5, с. 48].

По классификации В.А. Дергачева оба навершия, найденные на территории нашей республики, относятся к схематичным.

Как упоминалось выше, в период между находками скипетров Архара и Джангар было открыто еще 16 каменных наверший. В Карпа-

то-Придунавье: Фитионешть и Суворово (два реалистичных), Обыршень1, Обыршень 2, Березовская ГЭС, Жора де Сус, Могошешть и Бырлэшешть (шесть схематичных); на территории Болгарии – Драма (реалистичный); в низовьях Дона – Константиновка и «Ростов» (два схематичных); в Среднем Поволжье – Хлопково 1 (схематичный), Хлопково 2 (реалистичный), Куйбышев (схематичный) и Хвалынский (схематичный) [2, с. 78-87].

Навершия Драма, «Ростов», Куйбышев являются случайными находками, известно лишь примерное место их находки.

Среди перечисленных наверший следует отметить находку из Хвалынского могильника. Упрощенный внешний вид в сравнении с навершиями Архара и Джангар позволяет отнести его к более ранним формам схематичных скипетров.

Навершие, найденное в районе Куйбышева, выделяется сильным сходством в пропорциях и в технике исполнения со скипетрами, выявленными на территории Республики Калмыкия [4, с. 71].

Период в два десятилетия, прошедший между находками наверший Архара (1962 г.) и Джангар (1985 г.), дал большие результаты не только в обогащении полученных данных именно о навершиях, но и в осмыслении роли скипетров в проблеме изучения энеолита юга Восточной Европы.

В это время появилось много работ, посвященных как навершиям, так и касающихся их проблем. В.Н. Даниленко (украинский археолог, специалист в области палеолита, нео-энеолита Северного Причерноморья и прилегающих территорий) также изучал данную проблему и высказал несколько выводов о роли скипетров в изучении социально-политических процессов энеолита:

1. Скипетры восточного, точнее прикаспийско-кавказского, происхождения. Они символизируют определенный период в развитии энеолитической культуры, специфику которого,

прежде всего, составляет возникновение кочевого скотоводства. В то же время возникает и интенсивно развивается металлургия меди, появляются оружие, знаки власти и пр.

2. Каспийско-прикавказские энеолитические племена начали особенно интенсивно продвигаться в западном направлении не позднее середины IV тысячелетия до н. э. Это продвижение носило характер нескольких волн.

3. Лишь немного позднее в этом же направлении двинулись и племена формирующейся древнейшей области.

4. Движущей силой экспансии, с одной стороны, было относительное перенаселение ареала формирования прикаспийско-прикавказских пастушеских культур, а с другой – обезводнение этого ареала, обусловившее уменьшение пастбищ и ускорившее возникновение особой кочевой формы скотоводческого хозяйства, потребовавшей приручения коня и возникновения всадничества, включая и военное.

5. Имеется достаточно оснований полагать, что проникновение далее на запад (в направлении Адриатики) элементов культуры восточного происхождения отражает многоступенчатый, опосредованный процесс взаимоотношений населения ряда смежных ареалов [1, с. 104-106].

Бурное накопление новых источников и их осмысление в аспекте исследования зоны непосредственного соприкосновения древнеземледельческого и степного – скотоводческого ареалов, как и в других случаях, сопровождались непрерывной полемикой по вопросам времени, характера или механизма взаимодействия разнокультурных носителей этих ареалов [2, с. 79]. А то, что каменные зооморфные навершия являлись символами власти и были стилизованными изображениями коня, уже не оспаривалось.

После 1985 года науке стало известно еще 10 наверший. В Северном Предкавказье – Майкоп и Ясенева Поляна, на Карпато-Придунавье – Винцул де Жос и Кайраклия (два реалистичных), Ружиноаса (схематичный), «Аркаим», на Нижнем Поволжье – Кокберек (реалистичный), Шляховской (схематичный), на Среднем Поволжье – Хвалынский 2а (схематичный), Хвалынский 2б (заготовка схематичного) [2, с. 87-90].

Третий период в изучении скипетров приходится на последние 10–15 лет, которые характеризуются дальнейшим накоплением новых источников и неиссякаемым интересом специалистов к проблеме наверший в целом. Своеобразие периода вбирает в себя социально-политические изменения, связанные с распадом бывшего СССР, прямым образом отразившимся, в особенности, на археологии восточноевропейского пространства. Одним из последствий этих процессов стало резкое сокращение объема полевых исследований, а соответствен-

но, и самого прогрессирующего ритма накопления новых находок.

Так кратко выглядит история открытия скипетров и введение их в научный оборот. Особый интерес вызывает вопрос классификации наверший и месте в этих классификациях наверший, найденных в Калмыкии и в сопредельных регионах.

Существует несколько классификаций на основе визуального восприятия морфологических признаков. В соответствии с ними все скипетры делятся на две группы. На мой взгляд, более обоснована классификация, предложенная В.А. Дергачевым [2, с. 112]. По ней навершия делятся на две большие группы: схематичные и реалистичные. Реалистичными В.А. Дергачев называет навершия, в которых визуально угадывается изображение головы коня: глаз, отверстие ноздри, линия рта и пр., схематичные – стилизованные изображения головы коня, где выделены лишь контур головы, рельефно изображена уздечка и пр. Каждая группа, в свою очередь, делится на несколько вариантов и подвариантов.

О соотношении схематических и реалистических наверший автор классификации говорит, что по всем параметрам схематические и реалистические навершия обнаруживают больше сходства, нежели различий. Эта закономерность была видна на уровне первых четырех находок, известных к середине 30-х годов XX в. Прошло 70 лет, число каменных зооморфных наверший выросло от четырех до чуть менее сорока. Выяснилось:

1. за единичными исключениями («Ростов», Касимча), все и схематические, и реалистические скипетры изготовлены из близко сходных твердых пород – диорит, порфирит и пр.;

2. все они представляют фигурные изображения головной части животных в разной степени стилизации;

3. все они имеют двучастную структуру: лицевую, тщательно обработанную – собственно изображение, и заднюю, грубую – предназначенную для скрепления с рукояткой;

4. все они, при различиях в передней, изобразительной части, имеют абсолютно идентичную заднюю часть: конусовидную с коническим выступом на верхней плоскости;

5. все они представляют навершия, которые скреплялись в коленчатых рукоятках в горизонтальном положении и носились в приподнятом положении [2, с. 111].

Таким образом, видно, что отличие скипетров в оформлении не исключает их хронологическую близость и однофункциональность. Схематические и реалистические навершия могли использоваться одновременно.

Рассмотрим классификацию реалистичных наверший (рис. 3). Группировку реалистичных наверший по визуально наблюдаемым морфологическим

особенностям можно произвести по трем основным формам. В этом случае направленность морфологического и временного развития идет от формы I к форме III (от простого к сложному) [2, с. 116].

Форма I – предельно обобщенная форма: Хлопково, Ариушд. Форма II – промежуточные, переход-

Общее количество наверший, включенных в данную классификацию, равно 36, из которых 22 – схематичные и 14 – реалистичные. Не учтены по разным причинам шесть наверший (отсутствие полных данных о находке, отсутствие иллюстраций): «Аркаим», Майкоп, Ясе-

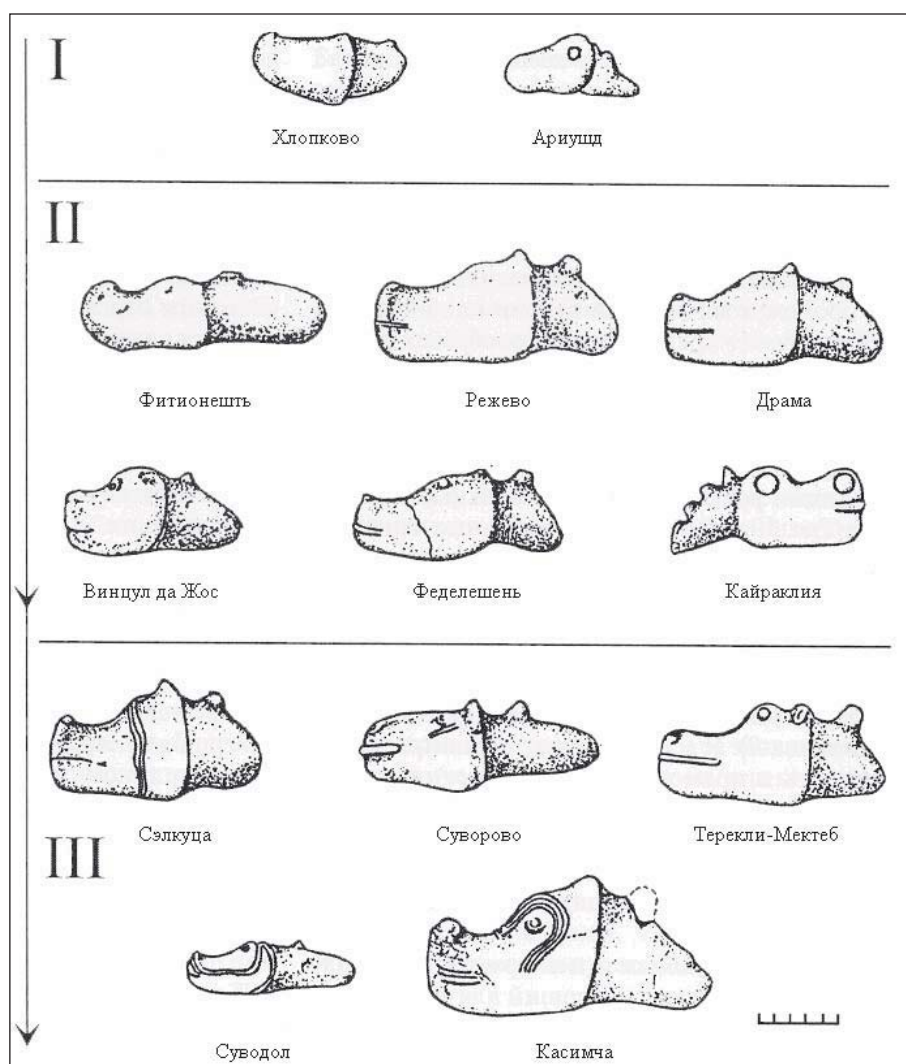

Рис. 3. Группировка реалистических наверший по визуально наблюдаемым морфологическим особенностям [2, рис. 20, с. 116]

ные формы – Фитионешть, Режево, Драма, Винцул де Жос, Феделешень, Кайраклия. Форма III – Сэлкуца, Суворово, Терекли-Мектеб, Суводол, Касимча.

Классификация схематичных наверший основана на том же принципе (рис. 4). Именно к этой группе относятся интересующие нас навершия. Форма I – предельно обобщенная – хвалынский вариант: Хвалынский 1, Хвалынский 2а, Хвалынский 2б. Форма II – переходная – условно каннелированные навершия с подвариантами А: Бырлэлешть, Обыршень 1; В – Константиновка, Березовская ГЭС, Жора де Сус; С – Вэлень, «Ростов», Ружионаса. Форма III – предельно усложненные формы – архаринский вариант: Обыршень, Хлопково 2, «Куйбышев», Шляховской, Архара, Могошешть, «Орджоникидзе», Джангар.

невая Поляна, Игрень, Кодачек и Кокберек. По данной классификации видно, что скипетры Архара и Джангар относятся к одной форме – схематические, предельно усложненной формы. Всего к данной форме относятся 8 наверший, из них только два найдены в Карпато-Подунавье – Обыршень и Могошешть. Остальные открыты в Среднем Поволжье (Хлопково 2 и «Куйбышев»), на Нижнем Поволжье (Шляховской, Архара и Джангар) и на Кавказе («Орджоникидзе»), то есть на территории Калмыкии и на соседних территориях.

Эти шесть наверший очень сходны, их сравнительные данные представлены в таблице 1. Схема снятия размерных данных наверший представлена графически на рисунке 5.

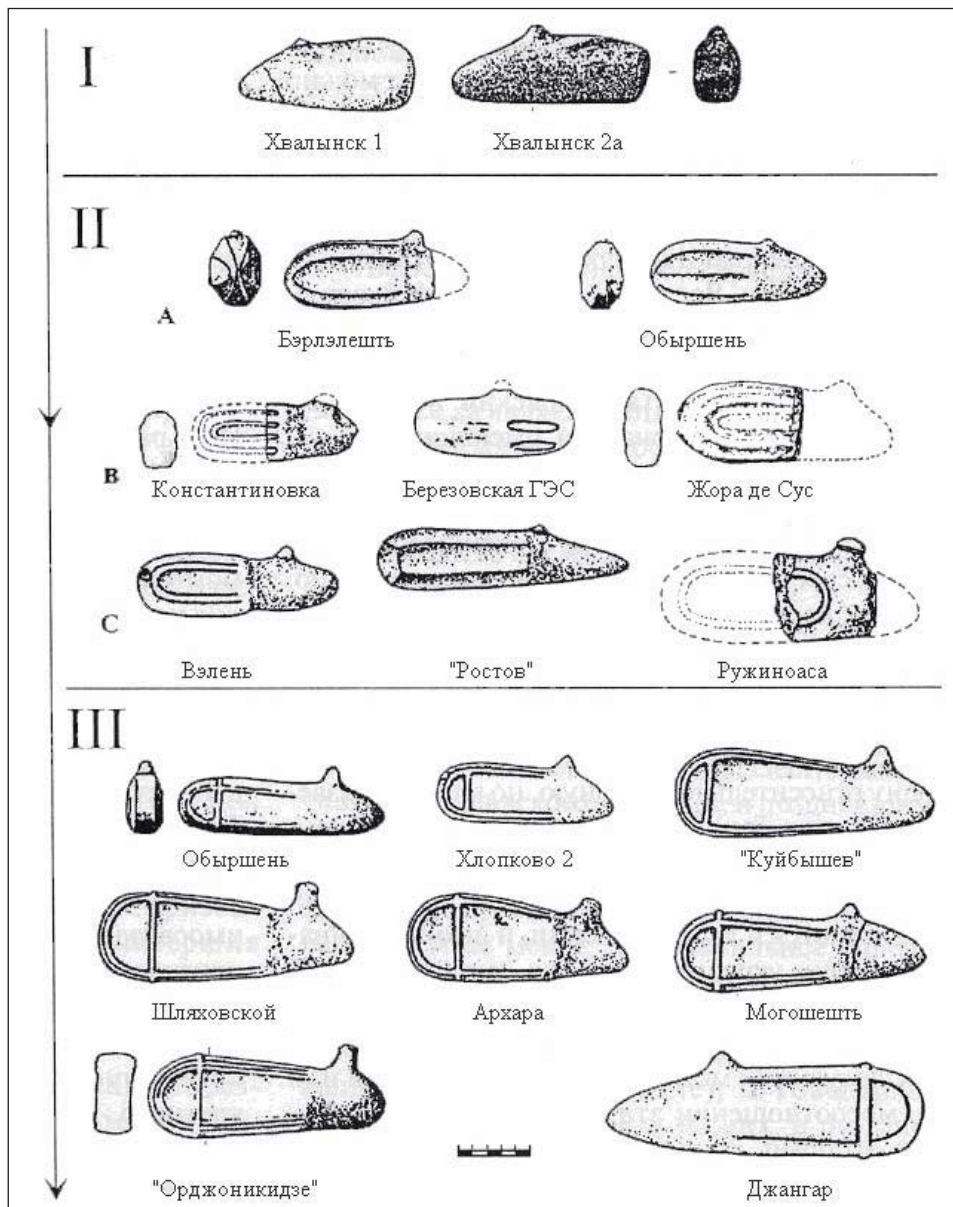

Рис. 4. Группировка схематичных наконечников по визуально наблюдаемым морфологическим особенностям [2, рис. 19, с. 113]

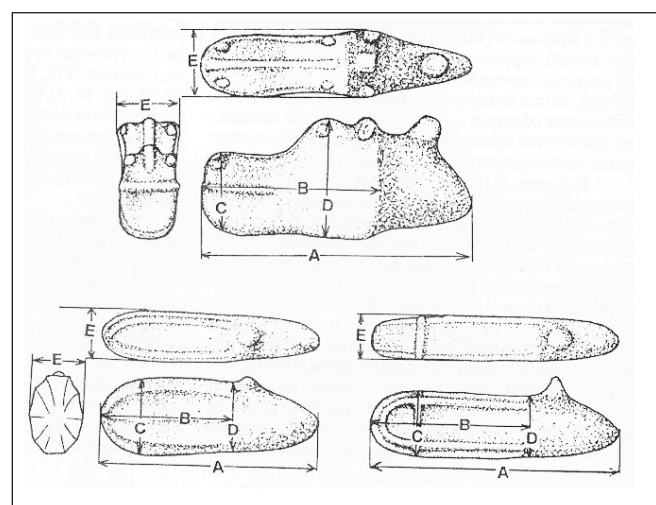

Рис. 5. Схема снятия размерных данных с разновариантных каменных наконечников: А – максимальная длина; В – длина лицевой части; С – высота носовой части, D – «головной» показатель, E – максимальная толщина [2, рис.17, стр.99].

Таблица 1. Материалы изготовления и размерные данные наверший, обнаруженных на территории Республики Калмыкия и соседних территориях [2, табл.3, стр.98].

№ п/п	Местонахождения	Материалы/ породы	Макс. длина, см	Длина лицевой части, см	Высота носовой части, см	Высота основания, см	Толщина, см	Вес, гр.
1	Хлопково 2	?	11,5	7,5	3,5	3,7	2,2	–
2	«Орджоникидзе»	диорит	14,5	9,9	5	4	2,6	365
3	Архара	амфиболит	14,5	10	5,5	4,3	2,6	367
4	«Куйбышев»	диорит	15,4	10	5,6	4,4	2,5	–
5	Шляховской	диорит	16,04	10,8	6	4,6	2,8	–
6	Джангар	?	20	11,5	6	5,6	3,2	–

Из таблицы видно, что навершия архаринского типа не только схожи по визуальным наблюдаемым особенностям, но и почти идентичны по материалу изготовления и по размерным данным.

Кроме взятых для анализа шести наверший на Среднем и Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе, нашли три реалистичных: Хлопково, Кокберек и Терекли-Мектеб, и семь схематичных: Константиновка, «Ростов», Хвалынский 1, 2а, 2б, Майкоп и Ясенева Поляна. Соотношение схематичных и реалистичных: 13:2, из тринадцати схематичных шесть принадлежит к архаринскому типу [2, карта 1, с.143].

Возможно, такое преобладание схематичных скипетров произошло отчасти из-за малой степени исследованности нашего региона в археологическом направлении, но на данный период можно сказать, что на территории Среднего и Нижнего Поволжья и Северного Кавказа среди каменных наверший преобладает архаринский тип наверший.

В эпоху энеолита на данных территориях существовало общество со сложными внутренними социальными взаимоотношениями, дифференциация этого общества достигла стадии разложения на отдельные социальные группы. Эти группы людей обладали разными правами и обязанностями, появился слой вождей – людей, обладающих властью над другими людьми. И каменные зооморфные навершия являлись символами этой власти. То, что скипетры практически идентичны, говорит о культурной близости представителей данных народностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.
2. Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.: Нестор-История, 2007.
3. Отчет «Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза «Джангар» Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 году» // Научный архив КИГИ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 34.
4. Лиджиева Т.Н., Цуцкин Е.В. «Скипетр» из Куйбышевского музея // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979.
5. Очир-Горяева М.А. Археологические памятники волго-манычских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.) / вступ. ст. А.С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: Герел, 2008.
6. Сеницын И.В., Эрдниев У.Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР: (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды КНИИЯЛИ и КРКМ Вып. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966.
7. Цуцкин Е.В. Архаринский «скипетр» как свидетельство разложения первобытного общинного строя на территории Нижнего Поволжья // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.
8. Эрдниев У.Э. Археологические памятники южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 80.
9. Эрдниев У.Э. Древнейшая история заселения территории Калмыкии // Научное наследие Урюбджура Эрдниева / под ред. Г.М. Борликова. Элиста: АПП «Джангар», 2005.

ЭТНОЛОГИЯ

ББК 85.103.(2) 1.Б28(Б288)

**АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ХУРУЛОВ СЯКЮСН СЮМЕ,
БУРХН БАГШИН АЛТН СЮМЕ. ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ИСКУССТВА БУДДИЗМА СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫКИИ****С.Г. Батырева**

Темой исследования является современное буддийское искусство Калмыкии, рассматриваемое в синтезе архитектуры и живописи. Культовое искусство калмыков сформировано в органичном взаимодействии буддийского изобразительного канона и калмыцких художественных традиций. Иконография буддизма в современной интерпретации несет этнические особенности формовыражения.

Ключевые слова: буддизм, иконография, канон, художественные традиции, реконструкция, искусство в системе культуры, этнос, этническая идентичность, проблема исследования.

The theme of article is Buddhist art of modern Kalmykia. Cult art of the Kalmyks was formed in the course of Buddhist fine art canon by the influence of traditional culture. Buddhist iconography in interpreting of nomads is syncretic. Buddhist fine art represents organic receivership of artistic traditions and wholeness of the traditional culture of folk. Art is a projection of the ethnic reflection of reality and traditional culture.

Keywords: Buddhism, iconography, canon, art traditions, reconstruction, fine art in the sistem of culture, ethnos, ethnic identity, the problem of study.

В прикаспийской низменности на перекрестке Европы и Азии находится буддийский храм Сякюсн Сюме, построенный в 1996 году. Это было событие, важность которого в истории калмыцкой культуры переоценить невозможно. С открытием хурула Геден Шеддуп Чойкорлинг в предместье Элисты начался новый этап в большом многотрудном пути народа к учению Будды в постсоветское время.

Начало его уходит в средневековые калмыцкой истории, в просторы Центральной Азии. Мигрируя на запад, ойраты, этнические предшественники калмыков, в конце XVI – начале XVII в. оседали на пересечении караванных путей Великого Шелкового Пути. Они строили храмы и субурганы, наносили на каменные плиты письма религиозного содержания. Это надписи-молитвы на тибетском языке, оставленные на территории Кыргызстана, и крепости-монастыри ойратов в Казахстане: Дархан-Дорджи-кит, Аблаин-кит, Кентский дворец, Калбасунская башня и другие культовые сооружения в Прииртышье [1, с.119-125]. Сюда приезжал великий буддийский просветитель, основоположник ойрато-калмыцкой письменности «тодо бичиг» Зая-пандита Намкайджамцо. Он освящал открытие монастырей, его деятельность была направлена на объединение ойратов Монголии и волжских калмыков.

Стены построек были расписаны образами буддийского пантеона, а интерьеры украшены произведениями живописи и скульптуры, резьбой на деревянных колоннах. Остатки культового декора, которым восхищались очевидцы, были вы-

везены и осели в архивах, музейных собраниях и частных коллекциях России.

В прикаспийских степях ойраты-калмыки продолжают строить буддийские храмы, в основе зодчества лежат древние строительные традиции Центральной Азии. Под воздействием новых природных условий и культурных влияний внешний облик храмов меняется, приобретая локальное своеобразие. Субурганообразное навершие сооружений придает им особый колорит, обусловленный адаптацией традиционной культуры монгольских кочевников к новому этнокультурному ландшафту. В культовом искусстве, принесенном с религией из Центральной Азии, формируется школа живописи и пластики в буддийской традиции храмов Калмыкии.

До революции на территории расселения калмыков насчитывалось более 100 больших и малых монастырей, действовал институт буддийской философии Цаннит-Чоря. При них существовали и развивались иконописные и скульптурные мастерские, готовившие профессиональных художников. Такими были багши Немгиров, иконописец из хурула Батлаевской станицы, и бурханных дел мастер Оргочко Джамбаев из Ульдючиновского хурула. А живописные образы четырех Белых Тар ламы-иконописца Дорджи в свое время были переданы в музей Российской Академии Художеств как замечательные образцы калмыцкого изобразительного искусства. Некоторые из них сейчас хранятся в Особой кладовой Российского Этнографического Музея в Санкт-Петербурге. Это позолоченная бронзовая скульптура и замечательно выполненная буддийская культовая утварь [2, с.85].

События 1917 года в России стали следующим переломным этапом в истории этноса. Замена религии идеологией социализма повлекла за собой массовое разрушение культовых сооружений Калмыкии, а вместе с ними всей конфессиональной художественной культуры. Насильственная депортация калмыков в Сибирь и упразднение автономной республики в 1943 году завершили картину уничтожения культурного наследия, в том числе и буддийского изобразительного искусства. С восстановлением в 1956 году автономии калмыков в составе Российской Федерации религия и художественная культура, несущая в образной символике содержание вероучения, продолжали находиться под негласным запретом социалистического государства.

В перестроечный период конца 80-х – начала 90-х годов XX века начинается постепенное возвращение народа к своему духовному наследию. Оно сохранялось, несмотря на годы политических репрессий против тех, кто был приобщен к нему, получив духовное образование в Монголии и Тибете. Одним из них был гавджи Тугмюд, в миру священнослужитель Очир Дорджиев. После семидесяти лет забвения в советском государстве было востребовано драгоценное культурное наследие буддизма. Наша история сделала очередной поворот в своем развитии. Возвращение народа к истокам духовности происходит на новом уровне развития самосознания общества, сначала отвергнувшего и затем вернувшегося к наработанным веками и тысячелетиями духовному наследию человечества. Исход и возвращение – очередной виток спирали развития постсоветского общества. Прошрое, настоящее и будущее в причинно-следственной связи бытия соединяет дорога к Храму...

С поднятием железного занавеса, отгораживавшего страну от остального мира, стали возможны приезды Его Святейшества Далай-ламы XIV в Россию. Это ускорило процесс реального воплощения идеи хурульного строительства. В 1992 году в фонд будущего монастыря Далай-лама пожертвовал 2000 долларов, а монастырской библиотеке преподнес полное собрание канонических текстов «Данджур». К тому же была достигнута договоренность о направлении калмыцких послушников на учебу в Дхарамсалу, которая и ныне не прерывается.

В соответствии с распоряжением Президента Республики Калмыкия К.Н. Илюмжинова от 29 июля 1994 года «О калмыцком хурульном комплексе» в том же году началось строительство храма за чертой города на повороте автотрассы Элиста – Ики-Бурул. Место строительства хурула, получившего название Геден Шеддуб Чойкорлинг, Далай-лама освятил в свой приезд в 1992 году.

В конкурсе на лучший проект хурульного комплекса, объявленном Обществом буддистов

Калмыкии, победителем стал архитектор Владимир Гиляндиков. Строительство началось с возведения храма Сякюсн Сюме, первого из сооружений хурульного комплекса. Храмное здание «сюме» представляет собой двухэтажное строение с надстройкой в виде двухъярусной пагоды с северной стороны. Размеры его: 24 м в длину, 19 м в ширину и 20 м в высоту.

В архитектурном решении автор В. Гиляндиков приходит в проекте к синтезу архитектурных традиций, отныне представляющих своеобразие храмовых сооружений Калмыкии. Нижняя часть Сякюсн Сюме строгой монументальностью форм напоминает древние тибетские монастыри, а верхняя часть решена в виде пагоды. Первый этаж храма состоит из вестибюля с тремя входными дверями и большого молельного зала со световым фонарем, пропускающим солнечные лучи. В глубине зала располагаются алтарь и большая статуя Будды Шакьямуни. На втором этаже размещаются библиотека, комнаты для занятий и медитации монахов, малый зал индивидуального приема, а также жилые помещения для высокопоставленных духовных лиц. Со второго этажа через лестницы можно попасть в двухъярусную пагоду весьма сложной конструкции, предназначенную для утренних ритуалов [3, с.9].

Строительство хурула в сложных экономических условиях перестроечного периода стало возможным благодаря инициативе Президента Республики Калмыкия К.Н. Илюмжинова и особому духовному настрою общества. Возведению хурула, ставшего символом возвращения к великому духовному наследию, способствовали многие организации и частные лица, оказавшие материальную помощь строительству. Открытие Сякюсн Сюме, произошедшее 5 октября 1996 года, поистине стало светлым праздником народа.

Современные калмыцкие архитекторы, планируя храмовые сооружения, все более стали обращаться к традициям калмыцкого зодчества, которое исходит от мобильных форм жилища кочевников. Войлочный дом «ишкя гер» и матерчатая палатка «майхан» явились конструктивной основой развития архитектуры монгольских народов, в том числе ее жилых, дворцовых и храмовых сооружений. Развитие шло от круга кибитки через производный многогранник переходного сооружения к четкому симметричному квадрату стационарного [4, с.36]. Вселенская концепция материально и объемно оформлена в предметной композиции алтаря, смыслового центра храмового пространства. Здесь при храмах существовали бурханные мастерские, где создавались произведения буддийского искусства.

До нашего времени сохранились лишь центральная башня и сюме Хошеутовского (Тюменевского) хурула, единственного в Европе

буддийского архитектурного памятника первой половины XIX столетия. В ходе культурной революции 20-30-х годов XX столетия, разрушившей памятники калмыцкого зодчества, погибли уникальные произведения живописи и скульптуры, монументальные и станковые. После всех социальных потрясений храмовое строительство в Калмыкии стало возрождаться лишь с 1990-х годов. В основу берутся каноничные архитектурно-художественные традиции северного буддизма, переосмысленные на современной основе последних достижений техники и градостроения. В процессе синтеза формируется этническое своеобразие храмовых сооружений, создаваемых в районных центрах, городах и селах Калмыкии.

Таков белокаменный в нижней цокольной части храм Сякюсн Сюме, переходящий в двухъярусное пагодное завершение из красного кирпича. Монументальная завершенность строгой архитектурной формы сопряжена с движением вверх. Найдена гармония строго пропорционального в тектонике объема, его лаконичная выразительность. Храм не теряется в огромном пространстве степи. Стоит, возвышаясь и воспаряя в небесную голубизну позолоченным ганжиром.

Идея «пути спасения» махаяны лежит в конструкции храма. Ступа (субурган) из символа нирваны превращается в символ ступеней на пути к ее достижению. Архаический центр мира, маркируемый жилым пространством кибитки кочевника, переосмысливается в образе мировой горы Сумеру, центра Вселенной, в пространстве буддийского храма. Ориентация по сторонам света с входом (выходом) на юг увязывает мировоззренческие представления калмыков, обобщенные космогонической концепцией буддизма. Таков итог тысячелетней эволюции архитектурной традиции кочевников от сборно-разборного мобильного жилища к буддийскому архитектоническому канону, воплощенному в современных условиях храмового строительства.

Художественным выражением его служит символика круглой скульптуры, украшающей фронтон фасадной части храма. Изображение Дхармачакры, Колеса Учения, символизирует одну из ступеней жизнедеятельности Будды Шакьямуни – начало его проповеднической деятельности близ г. Варанаси. Первыми слушателями его стали две лани, изображения которых заняли впоследствии свое место в символическом декоре буддийского храма. Изображения ланей и Колеса Учения, символизирующие Четыре благородные истины и Восемь ступеней благородного Среднего пути Просветления, мастерски выполнены в меди художником-прикладником Николаем Галушкиным.

Главным смысловым центром пластического декора храма является монументальная скульптура Будды Шакьямуни, основоположника буддийского вероучения. Автор ее – калмыцкий скульптор Владимир Васькин, заслуженный художник России. Ему принадлежит известное произведение – мраморная статуя Будды в ротонде, что находится недалеко от Дома Правительства в Элисте. Сложность работы для Сякюсн Сюме состояла в огромном объеме металлической статуи, отливаемой впервые в практике советского и постсоветского времени в Калмыкии. Сначала был сделан деревянный каркас статуи, обкладка глиной, чтобы снять гипсовую форму. Затем – железобетонные отливки, по которым выкованы медные детали, соединенные способом газосварки. Помощниками В. Васькина были художники Петр Усунцынов, Николай Галушкин и сварщик экстра-класса Николай Таран.

Статуя Будды находится на возвышении в главной – алтарной части храма. Она изображает сидящего в позе «падмасана» Шакьямуни, одетого в монашеский плащ и держащего у лона патру, чашу для подаяний. Поза сидящего: ноги сложены под себя ступнями наружу. Лицо Будды спокойно, губы сложены в умиротворенную полуулыбку. В его выражении много национального характера, а именно достоинства и сурового милосердия. Этническое своеобразие лица дополняется волосами, приподнятыми на темени в пучок ушниши, удлиненные мочки ушей и третий глаз «урна» в виде большого драгоценного камня создают особый внешний облик Просветленного. Черные волосы оттеняют матовую позолоту статного широкоплечего тела Шакьямуни, прикрытого оранжевым плащом, сшитым из кусочков ткани. Перед нами – Учитель, путь которого к Просветлению может служить образцом для подражания верующим.

Статуарная пластика храмового интерьера дополняется многими скульптурными изображениями Цзонхавы, основоположника желтошапочного направления в северном буддизме; разных форм божества Тара, милосердных помощниц бодхисаттвы Авалокитешвары; Манзушри, покровителя Знания и Искусства и других образов многочисленного буддийского пантеона. В его состав вошли мифологические персонажи тех народов, среди которых буддизм распространялся в разные периоды своего исторического существования.

Согласно предложенной нашим соотечественником, исследователем культуры буддийского Востока Юрием Рерихом классификации изображений, в пантеоне выделено несколько групп образов в иерархическом порядке. Это просветленные (будды, бодхисаттвы и учителя веры), идамы-покровители, дхармапалы – грозные охранители учения, мандалы – схемы мироздания, иллюстрации к учению буддизма, и так называе-

мые местные (локальные) персонажи, пришедшие из добуддийских верований народов, принявших буддизм. Последняя – очень интересная группа образов, иллюстрирующих исторический процесс взаимодействия буддийских и собственных добуддийских художественных традиций в культуре народа.

Таким в калмыцком пантеоне является Цаган Аав (Белый Старец) – Хозяин местности и покровитель скота и плодородия, дарующий здоровье и благосостояние. В иконографии персонажей, генетически связанных с анимизмом, тотемизмом и шаманизмом – добуддийскими верованиями народа наблюдается локальная конкретизация канона в «своём» составе буддийского пантеона, позднем варианте центрально-азиатского. Интересно наблюдать это в иконографии данного образа. Введенные элементы пейзажа региона, этнические особенности внешнего облика образа и атрибутов, заимствованных из реального окружения, фиксируются в композиционной структуре произведения. Стоящий Белый Старец, соединяющий собой Небо и Землю, образует вертикальную ось «мирового дерева».

Группа «локальные персонажи» представляет особый интерес в выявлении этнической специфики иконографии буддизма. Стихия художественного мышления этноса деформирует условности воспринятой буддийской изобразительной традиции, выражаясь в появлении «второстепенных» персонажей в той области, где рамки канона ослаблены. Лубочный характер фольклорного влияния нередко выражен в отходе от пропорционального и композиционного канона буддизма, яркой красочности локального колорита и подчеркнутым линейным контуром письма, запечатлевающим конкретные детали реальной действительности.

Образы эти тесно связаны с добуддийской мифологией, они отвечают потребностям мирян, далеких в мировосприятии от высокой философии буддизма и нуждающихся в «прямой защите», а именно покровительстве от негативных факторов земного существования. Обобщение материала в историко-культурной реконструкции художественного наследия ориентировано на выявление его этнических особенностей. Самобытную интерпретацию изобразительной традиции буддизма можно видеть в декоративно-прикладном искусстве калмыков, в создании аппликативных и вышитых икон, знамён, выполненных традиционными приемами художественной обработки ткани [2, с.102-103].

Живописное оформление храма осуществлялось поэтапно. Началом этих работ, проводившихся с 1996 года, можно считать росписи фасада храмового экстерьера. Это были изображения четырех махарадж, покровителей сторон света: юга и севера, запада и востока. Каноничные стен-

ные росписи созданы группой профессиональных иконописцев под руководством Эрдни Нимгирова, получившего художественное образование в Дхарамсале у тибетских мастеров живописи. Его учителем был Ген-Санги Еше, научивший его рисовать в стиле школы «менри», для которой характерны тонкое изящество контурного рисунка и тональная разработка цвета в колорите произведения.

В буддизме рисование уподобляется ритуалу, в котором все предписано делать согласно иконографическому канону, своду правил изображения. Его составляющими являются композиция полотна, асана (поза) и мудра (положение рук) образов, пропорциональные соотношения в построении фигуры образа, соответствующие его канонизованному положению в пантеоне, символика цвета и линии, символика атрибутов того или иного персонажа, выражающие его функциональное предназначение – учителя, охранителя, милосердного помощника или грозного защитника.

Казалось бы, требования канона запрограммированы и лишают художника возможности творить. Он становится выразителем основных положений, пронизанных символикой образа, а сам акт творения – магией создания объектов почитания для верующих, будь это икона или статуарная пластика, изображающая того или иного персонажа буддийского пантеона. Но есть в канонизованном изображении сфера, где художник волен выражать свое отношение к образу иконографии. Это колорит произведения, выстраиваемый сообразно художественному чувству, собственной эстетике восприятия мира. Это этнический тип образа и детали изображения одежды, предметного окружения и конкретного ландшафта, трактуемые без ущерба символическому смыслу иконы или скульптуры. Декоративные приемы изображения придают произведениям своеобразный характер, выражающий творческую индивидуальность калмыцкого художника.

Таково большое живописное панно, украшающее перекрытие потолка молельной части храма. Это фреска с изображением Цзонхавы с двумя учениками Кхайдубом и Жалсапом, освященная церемонией открытия 1 марта 2000 года. Исполнители ее – танкописцы Эрдни Нимгиров, Алдар и Ринчен Цыдыповы, Калсанг Тамгиял. За полгода напряженной работы они создали монументальное живописное произведение высокого художественного уровня. Чувство умиротворения рождает эта ярусная многофигурная композиция, изображающая ламу-желтошапочника, тибетского религиозного реформатора. Благостно выражение лица Цзонхавы, одетого в желтые одеяния священнослужителя и коническую шапку с длинными ушками, спадающими на плечи. В руках у него цветы лотоса, на которых лежат атрибуты Ман-

зушри, бодхисаттвы Знания и Искусства. Наверху персонажи, покровительствующие Цзонхаве, внизу фигура донатора у столика с приношениями. Справа и слева – плывущие в облаках небожители с опахалами и другими атрибутами веры. Фигуры соединены между собой бело-розовыми и голубыми облаками и струйками эманации, связывающими их согласно иерархической структуре пантеона. Это придает светозарной композиции необыкновенную легкость, воздушность изображения. В грациозной пластике тел выявлен неспешный гармоничный ритм сцены презентации Цзонхавы, являющегося земным воплощением бодхисаттвы Манзушри. На это указывают его атрибуты, канонизированные в иконографии просветленного образа.

Изображение четырех махарадж на фасаде храма исполнили Мигмар Церинг, Карма Янгпаль, Алдар Цыдыпов и Эрдни Нимгиров, сотворившие росписи к открытию в 1996 году Сякюсн Сюме. В живописных работах помогали Кермен Цебикова, Герля Нутова, Елена Манжеева и Дельгр Васькина. Насыщенный колорит живописи звучит монументально и торжественно. Позолота деталей придает пышный декоративный характер красочной композиции. Другое впечатление производят фрески в интерьере храма – в боковых частях алтарного пространства. Слева красный Амитаюс, сидящий с сосудом, наполненным аршаном, напитком бессмертия и белый четырехрукий Авалокитешвара, бодхисаттва милосердия. Большие в высоту стен фигурные изображения соразмерны статуе Будды. Амитаюс – даритель бесконечной жизни и долголетия, Авалокитешвара – персонаж пантеона, земным воплощением которого является Его Преосвященство Далай-лама XIV. Есть в этих образах статика замкнутого пространства, очерченного четким контурным рисунком композиции. Авторами являются иконописец Эрдни Нимгиров, расписавший алтарную часть в целом, и художник Александр Поваев [5, с.20-25; 6].

Живописный декор покрывает стенные плоскости молельной части храма, разделенной колоннами на три нефа: центральный и боковые – правый и левый. Колонны, как и перекрытия, несут орнаментальные композиции из геометрических фигур, цветов и драконов, обвивающих стволы колонн. Много тканых панно, икон, занавесей и других культовых атрибутов, создающих особую атмосферу приподнятой торжественности ритуала. Живописная полихромия росписей и икон, блеск и переливы драгоценной парчи и атласа, сочная рельефная выразительность алтарной утвари в пространстве храма создают незабываемое впечатление от синтеза искусств, гармонично соединяемых в калмыцких храмах.

Высокой духовностью наполнены храмовые росписи, несущие Просветление, смысл буддий-

ского Знания. Здесь в душах людей происходит таинство приобщения к нравственно-этическим нормам Бытия, которые преподает великий Будда. Срединный путь духовного самосовершенствования прочерчен жизнью исторической личности царевича Сидхартхи Гаутамы, ставшего Шакьямуни, аскетом из племени Шакья, и, наконец, просветленным – Буддой Шакьямуни. Каноничными сюжетами его 12 деяний расписаны правая и левая стены молельной части храмового пространства. Это огромная работа, кропотливый труд, исполненный высокого профессионализма и творческого горения. Стены грунтовали, добавляя клей, затем наносили контурный рисунок по подготовленным соответственно канону трафаретам и только затем расписывали, закрашивая сначала большие плоскости, потом меньшие и детали, вызолачивая и оконтуривая изображение. Работая с цветом в процессе написания, важно было найти и выбрать нужные тональные соотношения цвета в светозарном колорите фресок. Все вместе это составило своеобразный стиль изображения, свидетельство появления новой живописной школы в синтезе традиций. Она родилась в стенах храма Сякюсн Сюме, первого храма в хурульном комплексе Элисты, художественно оформленного под руководством талантливого калмыцкого танкописца Эрдни Нимгирова.

Элистинский хурульный комплекс Бурхн Багшин Алтн Сюзэ (Золотая обитель Будды Шакьямуни) является сегодня главным религиозно-культурным центром региона, возведенным по инициативе и под руководством Главы Республики Калмыкия К.Н. Илюмжинова. Место под его строительство было освящено Далай-ламой XIV во время его визита в Калмыкию в декабре 2004 года. Авторами архитектурного проекта, реализованного в течение года, являются С.Е. Курнеев, Л.Д. Амнинов, В.Б. Гиляндиков. Торжественное открытие грандиозного хурульного комплекса состоялось 25 декабря 2005 года.

Культовая архитектура калмыков синкретична, поскольку соединяет традиции собственно кочевнические и буддийские. Взаимосвязь и совпадение микро- и макрокосмоса в круговой планировке поселения и сферическом пространстве жилища кочевника трансформируются и включаются в мировоззренческую систему буддизма, оформленную в квадрате плана и кубическом пространстве храма. В плоскостной проекции диаграмма круга и квадрата выражает многозначную картину мира – «мандалу». Вселенская концепция материально и объемно оформлена в структуре субургана и предметной композиции алтаря – смыслового центра храмового пространства многих калмыцких хурулов. Среди них Аршан-Зельменский Ики-хурул, Бага-Чоносовский и Ики-Чоносовский, Лаганский и Цаган-Аманский хурулы и

ступы, сооруженные на рубеже тысячелетий. Отметим, традиционное для калмыцкой культовой архитектуры субурганообразное навершие храма более характерно, нежели субурган как самостоятельное сооружение. Таким образом, «калмыцкой модели» храма свойственно ярусное сооружение с криволинейным абрисом крыши, характерное для буддийского зодчества, а этнической особенностью архитектурного образа выделяем своеобразный венец, несущий несколько ажурных субурганообразных наверший, увенчанных ганчжиром.

Главный храм Гол Сюме возведен на насыпном кургане, образующем верхнюю круглую площадь со 108 малыми ритуальными барабанами «кюрд». От нее идут парадные лестницы, ориентированные по четырем сторонам света с фонтанами и спускающиеся к центральным, восточным, западным и южным воротам. Вокруг возвышения располагается пешеходная «Белая дорога вечности» со скульптурами 17 пандитов Наланды – великих учителей буддизма в ротондах. Создание пластических образов осуществлялось творческой бригадой скульпторов и мастеров: В.С. Васькиным, Н. Галушкиным, Н. Эледжиевым, С. Коробейниковым и другими. Это была грандиозная по цели и содержанию работа, потребовавшая обращения к традициям металлического литья бурханов, осуществлявшегося в мастерских ойратских храмов Прииртышья и калмыцких хурулов. Образы духовного просветления отмечены единством стиля пластического исполнения иконографии буддизма.

Согласно строгому иконографическому канону в скульптуре были воспроизведены внешний облик, характерные позы и атрибуты каждого из великих учителей: Нагарджуны, Арьядевы, Будхапалиты, Бхававивеки, Чандракирти, Шантидевы, Шантаракшиты, Камалашилы, Асанги, Васубандху, Дигнаги, Дхармакирти, Вимуктисены, Харибхадры, Гунапрабхи, Шакьяпрабхи, Атиши. По углам квадратного плана хурульного комплекса установлены большие молитвенные барабаны «кюрд» в пагодах. Уникальная архитектурно-скульптурная композиция являет сегодня особенности композиционного решения главного буддийского храма Калмыкии, реализованного по совету Его Святейшества Далай-ламы XIV [7; 8].

Прихожан на главной площади храма встречает статуя Цаган Аав (Белого Старца), покровителя калмыцкого народа, исполненная Н.Я. Эледжиевым, заслуженным художником России. Обрамляют хурульный комплекс 108 субурганов, образующих цепь ограждения территории. На первом уровне архитектурного сооружения расположены большой конференц-зал, музей, библиотека с читальным залом. На втором – вестибюль, главный зал «дуган» со статуей Буддой Шакьямуни высотой 11, 2 метра в центре алтаря. Согласно канону

в статуе Будды, ступы и молитвенные барабаны «кюрде» вложены свитки со священными текстами, статуэтки божеств, золото и серебро, а также земля и вода из всех районов республики, Индии, Тибета и Монголии [8, с.84-86].

В алтарной части центрального зала храма установлен трон Его Святейшества Далай-ламы XIV, декорированный резьбой и росписью. Помещения III–V уровней включают в себя просторные холлы, выставочный зал, комнаты индивидуально-приема населения и резиденции Шаджин-ламы Калмыкии и Его Святейшества Далай-ламы XIV. На VI и VII уровнях – технические помещения и зал для ритритов с верхней обходной галереей. Помещения всех уровней хурульного комплекса составляют ансамбль, продуманный в логике пространственного решения. Венчают вертикаль 64-метрового 7-уровневого объема Алтн Сюме четыре субурганообразных навершия в дополнении пластических символов буддийского учения, расположенных вокруг одиннадцатиметрового шпиля Ганджур. Монументальный комплекс «Золотая обитель Будды Шакьямуни» выступает многозначным символом духовного возрождения калмыцкого народа.

В художественном оформлении храма Бурхн Багшин Алтн Сюме органично соединены архитектурные, живописные и скульптурные традиции буддизма. В мандалообразной композиции хурульного комплекса смысловым центром являются статуи Будды Шакьямуни и 17-ти великих учителей буддизма, созданные коллективом мастеров под руководством скульптора В.С.Васькина, заслуженного художника России. За создание высокохудожественных произведений хурульного комплекса он был удостоен звания «Почетный гражданин Республики Калмыкия», художник-прикладник Н.К.Галушкин – почетного звания «Заслуженный деятель искусств Республики Калмыкия».

Монументальная статуя сидящего в канонической позе Будды на лотосовом подножии объединяет собой грандиозный художественный ансамбль, представленный произведениями живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Создать прекрасный памятник буддийского изобразительного искусства помогли художники, приехавшие из Индии. Руководителем тибетских танкописцев был Тхуптен Гомпо, один из самых старших и опытных живописцев. Большой опыт оформления индийских храмов имели художники Джампа Таши, Темпа Чодер, монах Миням (Джигме Лодой), Таши Гьямцо, монах Лобсанг Цунду, Цемпель, Дордже Ванчук, Тензин Тинлей, исполнившие живописный декор хурула. Вместе с ними работала Кермен Цебекова, принимавшая до этого участие в расписывании Сякюсн Сюме под началом иконописца Эрдни Нимгирова.

Росписи храмовых стен, покрытых гипсокар-

тоном, произведены современными акриловыми красками. Поражает масштабность монументальной живописи, располагающейся на разных уровнях храмового пространства. Основной стиль исполнения «менинг» отмечен светлым колоритом и тонким контурным рисунком, классической выразительностью композиции и гармонией пропорционального соотношения объемов канонических сюжетов. Художественное оформление главного зала составляют живописные циклы «Цокшин, древо собрания Цзонхавы», «Будда и шестнадцать архатов», «Троица бодхисаттв», «Цзонхава», «Зелёная Тара», «Четырнадцать Далай-лам» и «Божества долгой жизни». Распределение живописи в храмовом пространстве осуществлено шаджин-ламой Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче. Пояснения к ним даны в трактовке Г.В. Нуровой, художника хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» [9].

В главном зале хурула «дуган» проходят молебны, торжественные празднования, дарования Учения, получение благословений, посвящения. Это самое посещаемое место в хуруле. Сердцем буддийского храма является алтарь с монументальной статуей Будды, по сравнению с которым все остальные объекты кажутся несколько второстепенными. По периметру зала нижний край стен окрашен контрастным колером, по границе которого написаны мантры «Ом мани падме хум» на санскрите, ойрато-калмыцкой письменности «тодо бичиг» и тибетском языке. Молитвенные формулы призваны напомнить о древнейших истоках буддизма и традиции Махаяны калмыков. Изображение мантр перемежается растительными узорами. Орнаментальный декор на круглых рельефных выступах верхнего уровня дополняет редко встречающееся в Калмыкии изображение Авалокитешвары в облике юноши с темными распущенными волосами. Первоначальный розовый цвет колонн заменен на бордовый, характерный для буддийского интерьера и оттеняющий полосные декоративные изображения.

По совету Его Святейшества Далай-ламы XIV по обе стороны от большого алтарного Будды помещена красочная роспись «Будда и шестнадцать великих архатов». Распространённый сюжет в танкописи повествует о времени жизни Будды Шакьямуни, когда его ученики, обладая великими заслугами, духовной силой и талантами, смогли достичь святости за одну человеческую жизнь. Центром композиции является алмазнопрестольный Будда, у подножия трона изображения двух его любимых учеников – архатов Шарипутры и Маудгальяны. В росписях хурула обильно применено сусальное золото и серебро, что в определенной степени характерно для современной традиции танкописи Калмыкии.

Изображение композиции «Три бодхисаттвы» популярно в искусстве северного буддизма.

Их знает, пожалуй, каждый верующий, выделяя в обширном пантеоне буддийских божеств. Это бодхисаттвы Манзушри, Авалокитешвара и Ваджрапани в характерных канонических позах, одеяниях и с атрибутами. Другой иконописный сюжет «Божества долгой жизни» занимают достаточно большую площадь в центральных росписях храма. Это группа божеств, связанных с представлениями верующих о долгой жизни: бодхисаттвы Амитаюс, Белая Тара и Ушнишавиджайя. Верхняя фигура – красный Амитаюс, держащий в руках золотистый сосуд с нектаром, дарующим исцеление. Фоном образа служит пышное окружение из облаков и цветов. В подобном колорите выполнено изображение Ушнишавиджайи, относящееся к генезису Будды Амитабхи, о чём свидетельствует его скульптурное изображение в правой руке богини.

Ушнишавиджайя, белого цвета и строгого вида, дарует долгую жизнь и исцеление от болезней. Очень популярно изображение Белой Тары – богини, рожденной из слезы Авалокитешвары. Ее семь глаз, видящих страдания живых существ, расположены во лбу, на ладонях и ступнях. Бодхисаттва ответственна за устранение препятствий для жизни, к ней за помощью обращаются верующие в трудные моменты земного бытия.

Образу бодхисаттвы «Зеленая Тара» посвящены росписи над дверями в центральный зал «дуган». Это изображение восьми прекрасных богинь, спасительниц от несчастий. Мантру «Ом таре тутаре туре сваха» верующие начитывают в больших количествах, если возникает необходимость для устранения препятствий в различных сферах деятельности, для укрепления собственной решимости в достижении успеха. Почитание ее связано с материнским аспектом образа Будды.

Изображение ламы Цзонхавы канонично для пантеона буддизма тибетцев и монгольских народов. Калмыки исторически придерживаются традиции «гелуг», которую основал в XV веке Цзонхава, известный ойратам и калмыкам под именем Зунквы-гегяна, монаха и святого. Образ генетически связан с воплощением бодхисаттвы мудрости Манзушри, поэтому его атрибутами являются меч, рассекающий тьму Незнания и книга мудрости Праджняпарамита.

В дугане, главном зале Алтн Сюме, Зунква-гегян изображен в своих четырёх проявлениях – как йогин, как монах, восседающий на слоне, как золотистый Мандзушри на льве, как белый Манзушри на тигре. Животные, на которых восседает Зунква-гегян – «ваханы», ездовые животные Манзушри. Особенность этой росписи в композиционном решении состоит в том, что различные ипостаси бодхисаттвы Манзушри собраны воедино, в одной сюжетной композиции. «Дхарма», учение Будды, воздействует на индивидуума, преподаван-

ное выразительными средствами искусства. Действительно, образ великого Учителя в иконописном исполнении несет огромный энергетический заряд духовности зрителям и верующим.

Большой интерес представляет иконографический сюжет «Четырнадцать Далай-лам». Уникальное своеобразие росписи состоит в соединении на плоскости многофигурной картины-танки всех образов института Далай-лам. Это исторические личности, воплощения бодхисаттвы Авалоки-тешвары. Написанные в плоскостной живописной манере образы отличаются от центральной части росписи, где стилистически выделен портрет Его Святейшества Далай ламы XIV-го Тензина Гьяцо. Его лицо писано в реалистичной манере и узнаваемо в отличие от предшественников, портреты которых решены в классической традиционной стилистике тибетской танки. Каждому образу Далай-ламы присуща особая мудра, сакральное положение рук, держащих Колесо Учения. Примечательно то, что изображения верховных иерархов северного буддизма дополнены подписями имен, обозначенных соответствующей цифрой.

Возле центрального трона Далай-ламы XIV с двух сторон изображены фигуры дарителей, приносящих подношения. В их написание художники привнесли некоторые элементы монгольского костюма, халаты, богато отороченные мехом, головные уборы с красными кистями «улан зала» напрямую указывают на ойрато-калмыцкое происхождение дарителей, подчеркнутое в росписи. Интересующиеся историей калмыцкого народа, его давними духовными связями с Тибетом обратят внимание на портрет IV Далай-ламы Ёнтэна Гьямцо (1589-1616), родившегося в монгольской семье в царском роду Джингир и прибывшего в Лхасу 15-летним юношей.

Особая историческая связь прослеживается между ойратами и Тибетом во времена Его Святейшества Великого Далай-ламы V Нгаван Лосан Гьямцо (1617-1682). Именно ему было поднесено звание «Далай», на монгольском языке означающее «великий», «высший» или «океан». Признание его Учителем было закреплено присягой на верность ойратского Гуши-хана и монгольского Алтан-хана.

Примечательна иконография композиции «Цокшин, древо собрания Цзонхавы», расположенная на западной стене третьего уровня. Это пантеон школы Гелугпа, представляющий собой торжественно величавую, репрезентативную роспись. Изображение, являясь достойным украшением хурула, преподносит один из ключевых сюжетов для адептов «гелуг». В традициях тибетского буддизма существуют сложившиеся канонические «собрания», в каждом изображены свои Учителя и идамы, наиболее характерные для той или иной школы. Общие для северного буддизма

образы будд и бодхисаттв также входят в каждое из Собраний Учителей. Центральной вертикалью изображения является прекрасное древо, драгоценный ствол которого растёт из океана, на ветвях расположены лотосы с лунными и солнечными дисками, несущими просветлённые существа.

В центре живописной композиции изображение ламы Цзонхавы, к нему сходятся линии преемственности в передаче Учения будд Майтрейи и Манзушри. Трудно переоценить важность этого изображения, ясно и чётко воспринимаемого великолепного собрания Учителей. В медитации и молитве пожинаются духовные плоды в виде их благословений. Иконографический сюжет «Цокшин» написан на стене, но оригинальное обрамление иконописного сюжета создаёт иллюзию настоящего полотна танки с парчовым узорным паспарту. Выразительное художественное решение свидетельствует о творческих поисках новых форм в традиционном искусстве буддизма Калмыкии.

Интересным в исполнении изображением является «Шаматха», классический сюжет, по сути, своеобразное руководство к медитации. Живопись во всю стену по краям дополнена текстовым обрамлением, поясняющим и раскрывающим символику танки. В истории танкописи встречаются разные форматы стенных росписей, в храмовом пространстве «Золотой обители Будды Шакьямуни» размеры отличаются особой монументальностью. Человек в красных одеждах, вступающий на светлую, но извилистую дорогу, ведущую вверх – монах. Плоскость живописного панно разворачивается ярусами снизу вверх. Черный слон является аллегорией омрачённого сознания, которое по мере продвижения адепта в медитативной практике постепенно очищается, становясь белым, как и его спутники. В верхнем поле танки, как кульминация духовной победы индивидуума над омраченным сознанием, является изображение белого слона, возлежащего у ног хозяина. Это символический образ результата практики медитации – символ полного подчинения человеком своего сознания. Парящие в небе монахи, звезды и цветы, фигура монаха на белом слоне, пустившемся в путь по небу, – прекрасные образы необыкновенного духовного посыла к Просветлению. Волшебной магией мифа одухотворена идея нравственно-этического Учения буддизма. Ею проникнуты многие изображения храма, различающиеся в манере живописного исполнения.

Монументальный архитектурно-художественный ансамбль Алтн Сюме – выдающееся творение, созданное в гармоничной совокупности пространственных видов искусства. Памятник живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и зодчества XXI столетия свидетельствует о новом этапе истории буддийской цивилизации, имеющей

продолжение в современной Калмыкии. В перспективе развития древней духовной традиции – обретение драгоценного культурного наследия в полноте буддийского вероучения. В Элистинском хуруле Бурхн Багшин Алтн Сюме будет функционировать Институт мирового буддизма. Его факультеты, призванные дать классическое образование в совокупности буддийской философии, истории буддизма, медицины и астрологии, традиционных видов искусства и художественных ремесел, превратят «Золотую обитель Будды Шакьямуни» в крупнейший центр буддийской культуры в Европе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Ученые зап. КНИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. 221 с.
2. Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII–начала XX в.: опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005. 141 с.: ил.
3. Санджиев А. Сякюсн-Сюме: рождение... Элиста: Элис-Трейд, 1996. 36 с.
4. Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 183 с.
5. Батырева С.Г. Хурул в степи // Восточная коллекция. 2005. № 4 (23). С. 20–25.
6. Буддийский хурул Геден Шеддуб Чойкорлинг. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2001. 16 с.: ил.
7. Тензин Гьяцо, Его Святейшество Далай-лама XIV. Светоч трех вер / пер. с тиб. и транслит. Б.Л. Митруев. Элиста: Центральный Хурул, 2006. 112 с.: ил.
8. Джанжиев В.Д.-Г., Санджиев А.Б. Хурулы Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 128 с.: ил.
9. Нурова Г.В. О росписях хурула «Алтн Сюме». Рукопись, 2009. 5 с.

ББК 60.7 (2 Рос=Калм)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОЛИМОРФИЗМА СУБЪЕДИНИЦЫ В 13 ФАКТОРА КООГУЛЯЦИИ (FXIIIВ) В ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АЛЛЕЛЕЙ F13В В ТРЕХ КАЛМЫЦКИХ ПОПУЛЯЦИЯХ

Н.В. Балинова

Работа выполнена при поддержке подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе» программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика».

В данной статье оценена этноантропологическая значимость генетического разнообразия FXIIIВ и проанализирован полиморфизм В 13-го фактора коагуляции в калмыцких популяциях.

Ключевые слова: популяционная генетика, генетический полиморфизм, расовая специфичность.

In this article investigated the ethno-anthropological importance of genetic variety FXIIIВ and estimated polymorphism of B13 factor of coagulation in Kalmyk populations.

Keywords: population genetics, genetic polymorphism, racial specificity.

Субъединица В 13-го фактора коагуляции присутствует в крови человека в качестве фермента фибринолизина, которая стабилизирует фибрин [1]. Роль этого фактора заключается в стабилизации мономеров фибрина с образованием сети γ-глутамил-ε-лизина в присутствии тромбина и ионов кальция [2] FXIII представляет собой гликопротеин, идентифицируемый в плазме, тромбоцитах, плаценте и тканях матки. В плазме FXIII обнаруживается в виде двух неравнозначных полипептидных субъединиц – А и В с молекулярной массой 75 кДа и 88 кДа соответственно [3].

Полиморфизм обеих субъединиц FXIIIА и FXIIIВ определяется независимым генетическим контролем, а гены, контролирующие их, локализо-

ваны на 6 и 1 хромосомах соответственно [1]. Обе системы 13-го фактора коагуляции оказываются полиморфными в популяциях человека. Тем не менее, генетическая изменчивость субъединицы В 13-го фактора коагуляции представляется наиболее перспективной для исследования проблем в области этнической антропологии [4].

Генетическая изменчивость субъединицы В XIII фактора коагуляции была впервые установлена в работе Board в 1980 году посредством электрофореза в агарозном геле с последующей иммунофиксацией [5]. В дальнейшем лучшие результаты для детерминации фенотипов FXIIIВ были получены посредством применения техники изоэлектрофокусирования в полиакриламидном

или агарозном гелях. На основании этих исследований было установлено, что шесть обычно наблюдаемых фенотипов субъединицы В 13-го фактора коагуляции определяются тремя аллелями FXIIIВ*1, FXIIIВ*2 и FXIIIВ*3. Оказалось, что аллель FXIIIВ*1 в европеоидных популяциях встречается с подавляющей частотой 70 – 75%. Напротив, в монголоидных группах населения с наибольшей пропорцией наблюдается аллело-

(STR). STR локусы содержат элементы коротких повторяющихся последовательностей протяженностью от 3 до 7 пар оснований. Такие элементы широко представлены в геноме человека и являются богатым источником высоко полиморфных маркеров, которые обычно идентифицируются посредством полимеразной цепной реакции (ПЦР). Аллели этих локусов отличаются числом копий в пределах амплифицированного района. Последовательность

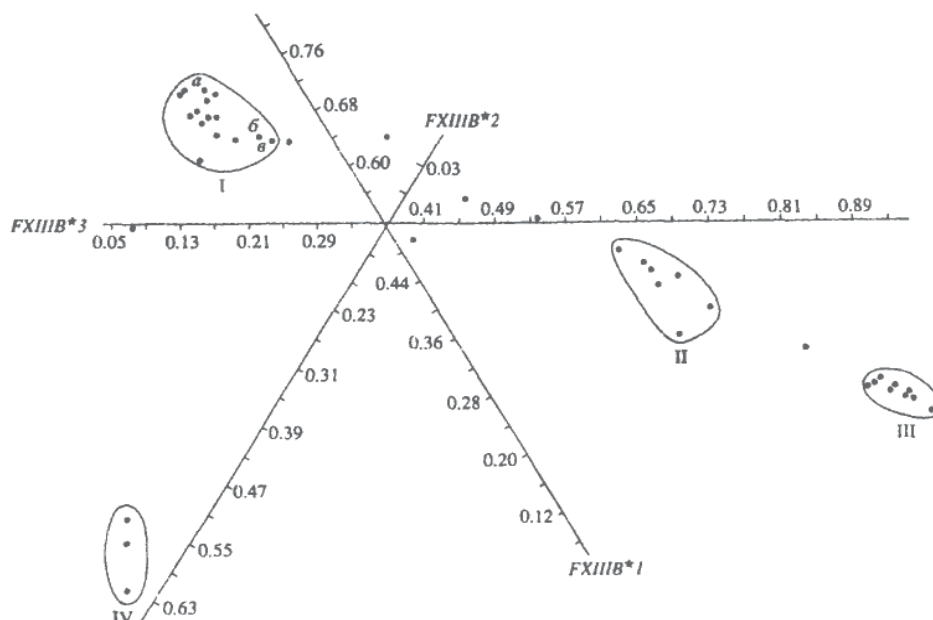

Рис. 1. Ориентация популяций человека в пространстве генных частот системы FXIIIВ (цит. по: Спицын с соавт., 1994)

Примечание: За центр координат приняты величины частот ЕХІІІВ* 1, ЕХІІІВ*2 и ЕХІІІВ*3, соответствующие среднемировым. I — европеоиды: а — немцы (г. Магдебург), б — русские (г. Екатеринбург), в — русские (г. Асбест); II — монголоиды; III — индейцы Америки; IV — негроиды.

морф FXIIIВ*3 (63 - 95%). Африканские популяции к югу от Сахары также отличаются особенностью в распространении аллелей 13-го фактора коагуляции, где преобладает аллеломорф FXIIIВ*2 с плотностью распределения 53 - 63%. Таким образом, существует резко выраженная популяционная специфичность в распространении аллелей этой генетической системы без видимой трансгрессии аллелей между крупными антропологическими общностями.

Эффективность полиморфизма системы субъединицы В 13-го фактора коагуляции в отношении этнической антропологии на уровне генной экспрессии демонстрируется на рисунке 1 [6].

Успехи в области молекулярной генетики позволили расширить наши представления о возможностях использования гена FXIIIВ в популяционно-генетических исследованиях. К настоящему времени микросателлитные локусы весьма часто используются в таких исследованиях. Среди таких маркеров широко используются локусы коротких tandemных повторов

АААТ, содержащая от 169 до 193 оснований в STR локусе FXIIIВ, может быть представлена в среднем 6-7 повторами (аллелями 6,7,8,9,10,11,12).

аллели	*6	*7	*8	*9	*10	*11	*12
число повторов	169	173	177	181	185	189	193

Для идентификации аллелей тетрауклеотидного повтора в F13В локусе использовались следующие праймеры: F13В-1А 5' -TGAGGTGGTGTACTACCATA-3' (TTTA цепь) и F13-1В 5' -GATCATGCCATTGCACTCTA-3' (TAAA цепь) [7].

Нами произведена попытка оценить этноантропологическую значимость генетического разнообразия FXIIIВ. Специфичность аллелей для этноантропологических общностей представлена в таблице 1.

На основании сводок распределения аллелей FXIIIВ среди мирового народонаселения можно видеть этноантропологическую специфичность в концентрации определенных аллелей [8; 9; 10; 11; 12]. Так аллель *8 в наибольшей концентрации представлен в европеоидных популяциях. Для аф-

риканских племен к югу от Сахары характерны аллеломорфы *6 и *7. Монголоиды, в целом отличаются преимущественной концентрацией аллеля *10. Американским индейцам и австралийским аборигенам в большей мере присущ фактор *9; последние также обладают достаточно высокой пропорцией аллеля *10. На основании мировых сводок распространения факторов FXIIIВ можно

видеть: 1) общность аллеля *9 для мирового населения в целом и 2) возрастание его пропорции среди аборигенных групп, локализованных по периферии ойкумены, что может свидетельствовать о его древности.

Распределение генотипов и аллелей FXIIIВ в трех основных субэтнических группах калмыков представлено в следующих таблицах (табл. 2, 3, 4).

Таблица 1. Преимущественные частоты аллелей FXIIIВ в основных антропологических сообществах

	*6	*7	*8	*9	*10
Европеоиды			+++++++		
Негроиды	+++++++	+++++++			
Монголоиды					+++++++
Индейцы Америки				+++++++	
Аборигены Австралии				+++++++	+++++++

Примечание: Знаком + обозначено преимущественное распространение аллеля в определенных антропологических сообществах.

Таблица 2. Распределение генотипов и аллелей FXIIIВ в выборке торговцев

Генотипы	Набл. числ.	Ожид. числ.	Частоты аллелей
10/10	44	42,81	*10 = 0,6296 ± 0,0329
8/10	30	27,07	*8 = 0,1991 ± 0,0272
9/10	13	20,15	*9 = 0,1481 ± 0,0242
8/9	9	6,37	*6 = 0,0139 ± 0,0080
9/9	5	2,37	*11 = 0,0046 ± 0,0046
6/10	3	1,89	*12 = 0,0046 ± 0,0046
10/12	1	0,63	$\chi^2_{\text{HW}} = 10,9857$; d.f. = 15
10/11	1	0,63	P > 0,05
7/8	0	0	Ho = 0,5278
6/9	0	0	He = 0,5418
8/8	2	4,28	

Таблица 3. Распределение генотипов и аллелей FXIIIВ в выборке дербетов

Генотипы	Набл. числ.	Ожид. числ.	Частоты аллелей
10/10	38	39,49	*10 = 0,7115 ± 0,0363
8/10	12	9,96	*8 = 0,0887 ± 0,0229
9/10	20	19,92	*9 = 0,1795 ± 0,0307
8/9	2	2,51	*6 = 0,0128 ± 0,0090
9/9	3	2,51	*12 = 0,0064 ± 0,0064
6/10	2	1,42	$\chi^2_{\text{HW}} = 2,4884$; d.f. = 10
10/12	1	0,71	P > 0,05
10/11	0	0	Ho = 0,4744
7/8	0		He = 0,4532
6/9	1		
8/8	3		

Таблица 4. Распределение генотипов и аллелей FXIIIВ в выборке бузавов

Генотипы	Набл. числ.	Ожид. числ.	Частоты аллелей
10/10	14	18,89	*10 = $0,5476 \pm 0,0443$
8/10	20	14,79	*8 = $0,2143 \pm 0,0366$
9/10	15	12,60	*9 = $0,1825 \pm 0,0344$
8/9	4	4,93	*6 = $0,0476 \pm 0,0190$
9/9	2	2,10	*7 = $0,0079 \pm 0,0079$
6/10	6	3,29	$\chi^2_{\text{HW}} = 13,4121$; d.f. = 10
10/12	0	0	P > 0,05
10/11	0	0	Ho = 0,7302
7/8	1	0,21	He = 0,6185
6/9	0	0	
8/8	1	2,89	

Анализ распределения генотипов и аллелей FXIIIВ в трех субэтнических группах калмыков свидетельствует о значительной неоднородности в отношении вклада различных антропологических составляющих в их историческом формировании. Так, калмыки-дербеты отличаются ярко выраженными центрально-азиатскими антропологическими особенностями и по своим генетическим характеристикам не отличаются от монголоидных групп Центральной Азии. К противоположной группе следует отнести калмыков-бузавов, генофонд которых включает существенную долю европеоидных факторов: в данном случае высокую пропорцию аллеля *8. Субэтническая группа торгутов в антропологическом отношении, по соотношению частот

аллеломорфов FXIIIВ, занимает промежуточное положение.

Проведен компонентный анализ частот аллелей в локусе четырехнуклеотидных повторов гена FXIIIВ и составлены дендрограммы, иллюстрирующие расположение субэтнических групп и калмыков в целом среди мировых популяций (табл. 6, рис. 2, 3).

Все изученные субэтнические группы калмыков оказались близки к популяциям Восточной и Центральной Азии и вошли с ними в один кластер на первом, втором уровне кластеризации. Торгууды и бузавы оказались более схожими и образовали один кластер, а более монголоидные дербеты вошли в кластер с японцами и корейцами (рис. 2).

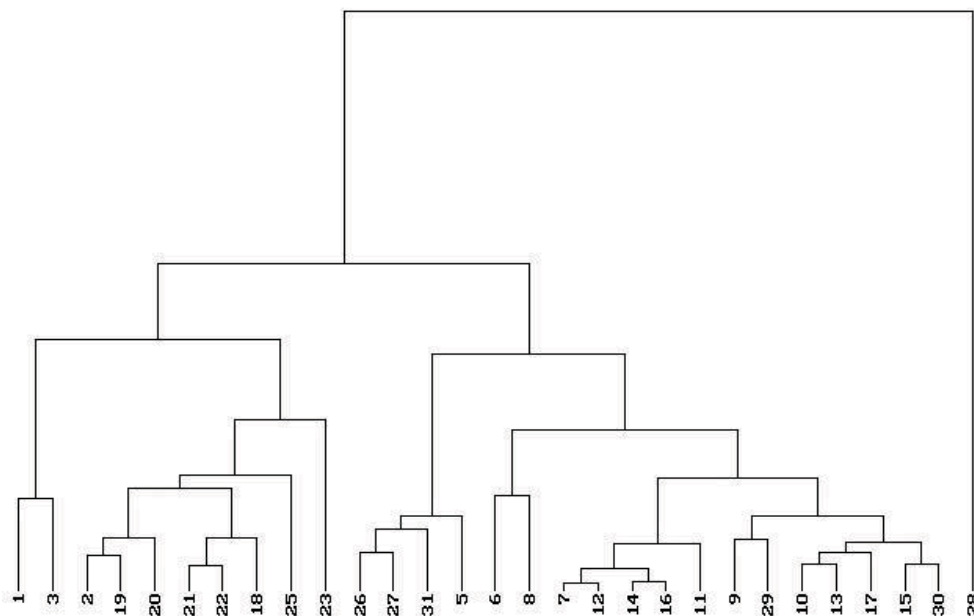

Рис. 2. Дендрограмма, иллюстрирующая взаимоотношения этнотерриториальных групп калмыков среди мировых популяций по данным о полиморфизме гена FXIIIВ

Примечание: 1–торгууды, 2–дербеты, 3–бузава, 5–угандийцы, 6–мароканцы, 7–курды, 8–турки, 9–австрийцы, 10–баски, 11–бельгийцы, 12–хорваты, 13–немцы, 14–венгры, 15–поляки, 16–швейцарцы, 17–тамилы, 18–хань, 19–японцы, 20–корейцы, 21–мяо, 22–тайцы, 23–австралийские аборигены, 25–папуа Новой Гвинеи, 26–костариканцы, 27–кубинцы, 28–америнды, 29–аргентинцы, 30–бразильцы, 31–колумбийцы.

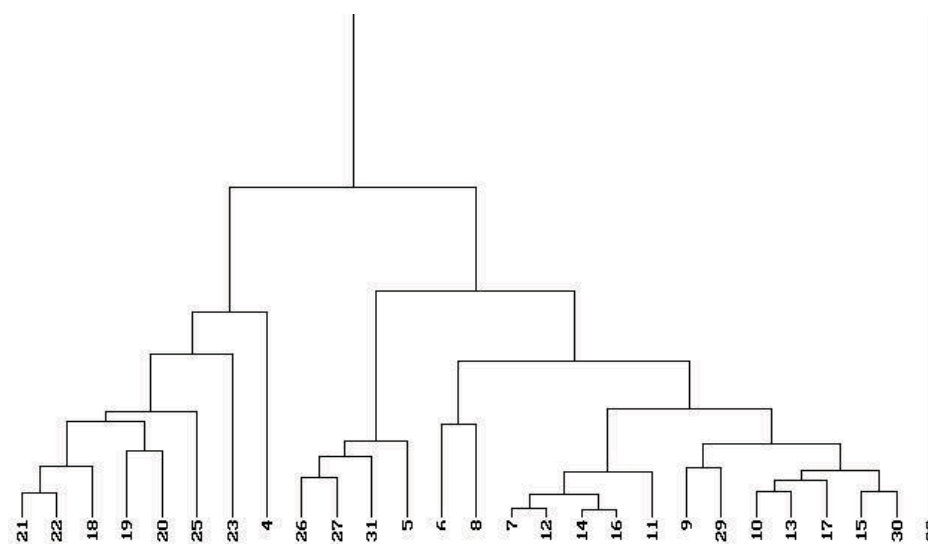

Рис. 3. Дендрограмма, иллюстрирующая положение калмыков среди мировых популяций по данным о полиморфизме гена FXIIIВ

Примечание: 4–калмыки (суммарно), 5–угандийцы, 6–мароканцы, 7–курды, 8–турки, 9–австрийцы, 10–баски, 11–бельгийцы, 12–хорваты, 13–немцы, 14–венгры, 15–поляки, 16–швейцарцы, 17–тамилы, 18–хань, 19–японцы, 20–корейцы, 21–мяо, 22–тайцы, 23–австралийские аборигены, 25–папуа Новой Гвинеи, 26–костариканцы, 27–кубинцы, 28–американцы, 29–аргентинцы, 30–бразильцы, 31–колумбийцы.

На дендрограмме, где калмыки представлены суммарно, они стоят несколько обособленно, но входят в один кластер с популяциями Центральной и Восточной Азии (рис. 3). Четкое разделение ветвей восточноазиатской (монголоидной) с центрально- и восточноевропейской говорит о значимости данного маркера для этно-антропологической специфичности.

Так же для оценки взаимосвязей калмыков с

другими народами был применен метод главных компонент (рис. 4, 5). Основные две компоненты объясняют 92 % вариальности аллельных частот исследуемых данных. На долю первой компоненты (PC1) приходится 52 % вариальности, на PC2 – 40 %. Положение калмыков в пространстве двух главных компонент сближает их с азиатскими популяциями, наиболее близки к ним дербеты, дальше всего отстоят бузавы.

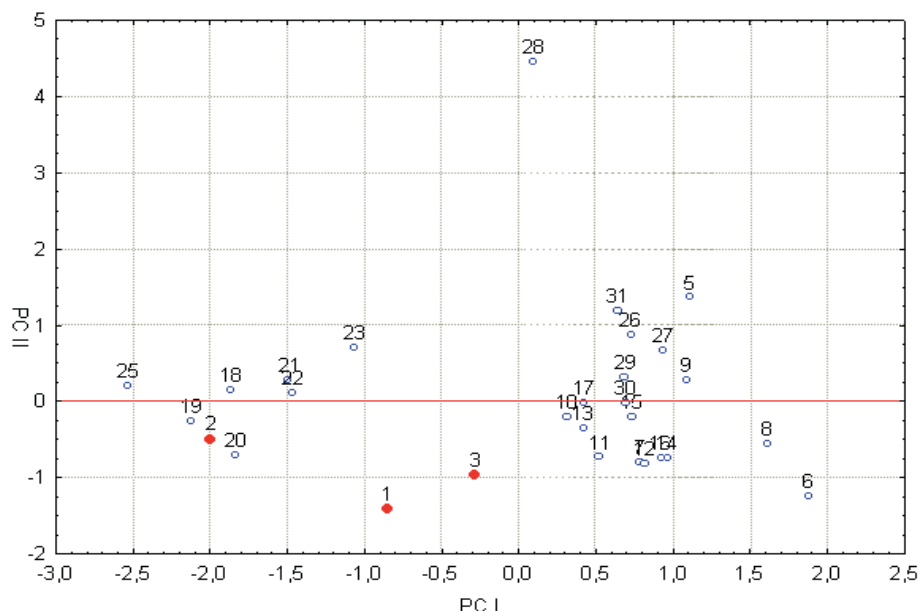

Рис. 4. Положение этнотерриториальных групп калмыков в пространстве двух главных компонент среди мировых популяций по данным о полиморфизме гена FXIIIВ

Примечание: 1–торгуды, 2–дербеты, 3–бузава, 5–угандийцы, 6–мароканцы, 7–курды, 8–турки, 9–австрийцы, 10–баски, 11–бельгийцы, 12–хорваты, 13–немцы, 14–венгры, 15–поляки, 16–швейцарцы, 17–тамилы, 18–хань, 19–японцы, 20–корейцы, 21–мяо, 22–тайцы, 23–австралийские аборигены, 25–папуа Новой Гвинеи, 26–костариканцы, 27–кубинцы, 28–американцы, 29–аргентинцы, 30–бразильцы, 31–колумбийцы.

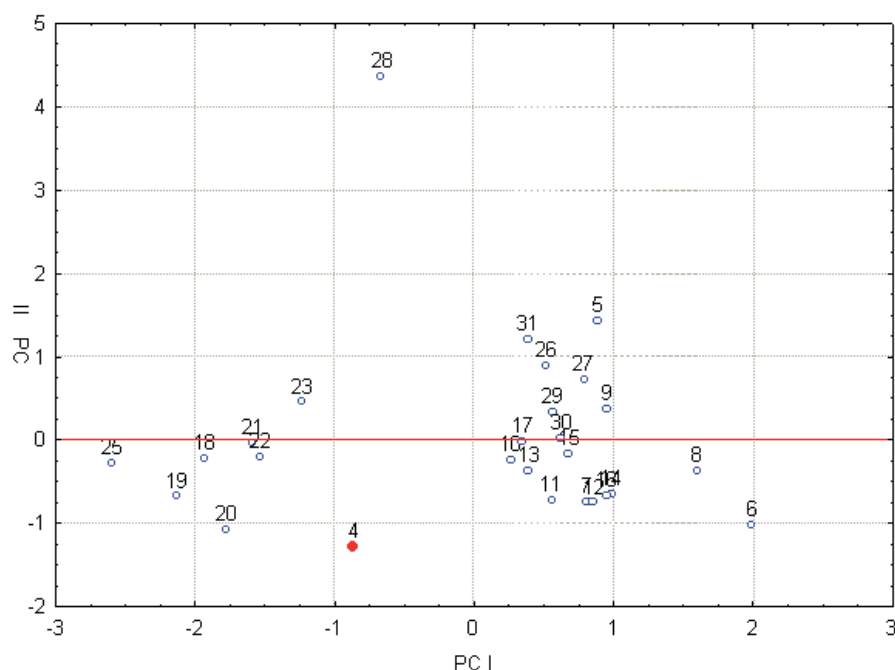

Рис. 5. Положение калмыков в пространстве двух главных компонент среди мировых популяций по данным о полиморфизме гена FXIII B

Примечание: 4–калмыки (суммарно), 5–угандийцы, 6–мароканцы, 7–курды, 8–турки, 9–австрийцы, 10–баски, 11–бельгийцы, 12–хорваты, 13–немцы, 14–венгры, 15–поляки, 16–швейцарцы, 17–тамилы, 18–хань, 19–японцы, 20–корейцы, 21–мяо, 22–тайцы, 23–австралийские аборигены, 25–папуа Новой Гвинеи, 26–костариканцы, 27–кубинцы, 28–америнды, 29–аргентинцы, 30–бразильцы, 31–колумбийцы.

В пространстве двух главных компонент популяции распределились таким образом, что можно выделить два четких кластера (рис. 5). В первый вошли китайцы (хань, мяо), японцы, корейцы, тайцы, австралийские аборигены, папуа Новой Гвинеи. Во второй все остальные популяции, за исключением америндов, которые стоят обособленно от всех. Калмыки вошли в первый кластер, хотя и отстоят в небольшом отдалении, потому как имеют несколько большую европеоидную примесь.

Таким образом, на примере исследования полиморфизма системы В субъединицы 13-го фактора коагуляции можно сформулировать заключение о ее высокой эффективности в разработках по этнической антропологии калмыков. Распределение частот аллелей FXIII B позволяет определить положение исследуемой популяции в системе мирового населения, оценить вклад различных этно-антропологических компонент в составе рассматриваемой этнической группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Saha N., Tay J.S.Y., Low P.S. and Basair B. Population genetics of coagulation factor XIII B in the three ethnic groups of Singapore // *Annals of Human Biology*, 1992. V. 19, № 3, P. 277–283.
2. Graham J.B., Barrow E.S., Reisner H.M. and Edgell C.S. The genetics of blood coagulation. *Advances in human genetics*, 1983. Vol. 132. P. 1–81.
3. Schwartz M.L., Pizzo S.V., Hill R.L. and MacKee P.A. The subunit structure of human plasma and platelet factor XIII (fibrin stabilizing factor XIII) // *Journal of Biological Chemistry*, 1971. V. 246. P. 5851–5854.
4. Kamboh M.I. Heterogeneity of factor XIII B: a new method for the determination of factor XIII B phenotypes in isoelectric focusing in 6M urea // *Electrophoresis*, 1985. Vol. 6. P. 185–186. Board, 1980.
5. Изучение генетических маркеров у русских и немцев в рамках совместного российско-германского исследовательского проекта / Спицын В.А., Афанасьева И.С., Агапова Р.К. и др. // *Генетика*. 1994. Т. 30. № 5. С. 702–708.
6. Nishimura D.Y. and Murray J.C. A tetranucleotide repeat for the F13B locus // *Nucleic Acids Research*, 1992. Vol. 20. № 5. P. 1167.
7. Promega Corporations. Technical manual. Part №TMD004, 1994–1999. 52 p.
8. Turret M.N., Catanesi C.I., Vidal-Rioja L. Variability of the F13B locus in South American populations // *Human Biology*, 2000. V. 72. № 4. P. 707–714.
9. Brinkmann B., Junge A., Meyer E. Population genetic diversity in relation to microsatellite heterogeneity // *Human Mutat.*, 1998. Vol. 11. P. 135–144.
10. Meyer E., Weigand P., Brinkmann B. Phenotype differences of STRs in 7 human populations // *Int. J. Legal Med.*, 1995. Vol. 107. P. 314–322.
11. Gill P., Evett Y. Population genetics of short tandem repeat (STR) loci // *Genetica*, 1995. Vol. 96. P. 69–87.

РАСТИТЕЛЬНАЯ ПИЩА В РАЦИОНЕ КАЛМЫКОВ В XIX в.

В.В. Батыров

Исследование подготовлено при поддержке подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе» программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг. «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика».

В статье рассматриваются вопросы места и роли растительной пищи у калмыков в XIX в.

Ключевые слова: история Калмыкии, материальная культура, растительная пища.

In this article considered questions of a place and a role of vegetable food of the Kalmyks in the XIXth century.

Keywords: history of Kalmykia, material culture, vegetable food.

Хозяйственно-культурный тип калмыцкого народа связан с кочевым образом жизни и это, в свою очередь, наложило глубокий отпечаток на всю его культуру, исторически обусловив преобладание в питании калмыков мясо-молочной пищи и в меньшей степени – использование растительной пищи.

Так, в XIII в. при описании монгольских племен, Д. Плано Карпини отмечал, что «хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса» [1]. В XVII в. путешественники И.-Г. Корб, И. Шницер, Д. Белл и др. отмечали эпизодическое употребление пищи из растений у калмыков [2]. Во второй половине XVIII в. ученые И.И. Лепехин [3], П.С. Паллас [4] и И.Г. Георги [5] оставили сведения о некоторых особенностях растительной пищи калмыков. В XIX в. этнографы и историки Н.И. Страхов [6], Н.А. Нефедьев [7], Ф.А. Бюллер [8], П.И. Небольсин [9], И.А. Житецкий [10] подробно рассматривали питание калмыцкого народа в XIX в., в том числе и роль растительной пищи. Тем не менее, представленные ими материалы из-за своей фрагментарности и характера источников (часто из вторых рук) не дают достаточно точных сведений о питании калмыков. Только во второй половине XX в. профессор У.Э. Эрдниев в своих работах начал систематизировать и анализировать такое явление, как традиционная пища калмыков [11, 12].

Цель статьи – рассмотреть роль и значение растительной пищи в рационе калмыков в XIX в.

В XIX в. для калмыков блюда из муки не являлись новинкой. Тем не менее, в течение всего века они были редкостью в калмыцком рационе. В подтверждение этого факта можно привести наблюдение пристава Н. Ваценко, который писал в 1815 г., что «на зиму покупают они в близких селениях малое количество муки пшеничной и ржаной и, согрев воды в котле, сыплют пригоршню муки, а потом кладут немного масла или сала,

что сие вскипятив, пьют в небольших деревянных чашках» [13, л.16-17].

До середины XIX в. мучные изделия употреблялись довольно редко. В отчете АПГИ за 1848 г. указывалось, что «хлеб, добываемый частью от собственных ничтожных посевов, и более покупаемый у русских, употребляется весьма (редко), да и то только зимою, в прочее время года едят по большей части вареное скотское мясо и пьют довольно много чаю...» [14, л. 58 об.].

Даже в конце XIX в. жители степных улусов потребляли мучные изделия в небольшом количестве. Попечитель Малодербетовского улуса В. Хлебников замечал, что «из предметов ... калмыки употребляют в пищу почти незначительно только муку, из которой варят суп на воде или молоке (будан) калмыцкий». Также он добавлял, что «из муки приготавливают пресные лепешки, которые пекутся в золе и употребляются в пищу с кирпичным чаем в очень небольшом количестве так, чтобы небольшая лепешка ... для всей семьи». И только во время праздников калмыки «из муки пекут на бараньем сале особое кушанье *борцуки*» [15, л.12]. Между тем даже в условиях ограниченного потребления муки у калмыков имелся ряд рецептов мучных блюд. Однако по мере обеднения калмыцких семей к концу XIX в. стали массово появляться так называемые «бесскотные» (т.е. не имеющие скота) калмыки, и мука стала занимать все больше места в рационе бедняков. Не имеющие скота жители могли заменить молоко и мясо на своем столе только мукой. Однако традиционный образ жизни наложил свой отпечаток на приготовление блюд из муки. Это отмечали многие исследователи калмыцкого быта. Так, П. Небольсин писал, что калмыки «муку, которою они несколько запасаются на зиму, они употребляют совершенно иначе ... не в том виде, как ее приготавливают русские» [9, с.68]. Во-первых, скудное количество кухонной утвари налагало большие ограничения на изготовление сложных блюд, по-

этому калмыки отдавали предпочтение только простым в приготовлении блюдам. Во-вторых, недостаток воды диктовал необходимость по большей части, избегать приготовления различных супов.

К концу XIX в. у калмыков выработался целый комплекс адаптированных для Калмыцкой степи мучных блюд. Наиболее популярной, особенно у беднейших слоев калмыцкого общества, была мучная болтушка – *будан*. По мнению авторов каталога Петровского музея, рецепт этого блюда пришел к калмыкам от донских казаков, у которых уже имелось подобное блюдо под названием *саламаха* [16, с.26]. Приготовление этого блюда очень несложно: в котел с кипящей водой засыпали пшеничную или ржаную муку, помешивая до загустения, после чего бросали соль. Иногда в *будан* добавляли молоко и масло. Молоко иногда заменяется *шюрмыком* (гущей, получающейся после курения *арьки*). Другим, не менее популярным блюдом был *булмг*, который являлся вариантом *будана*. Готовился он так же просто: в котле с водой кипятили одну-две чашки масла или сала, затем бросали туда четыре чашки муки и немного соли и после помешивания вновь его кипятили и употребляли в пищу горячим. Жители приморских улусов при изготовлении блюда *булмг* использовали даже тюлений жир [17].

Большое место в калмыцкой кухне занимали различные печеные кулинарные изделия. Среди них надо отметить, прежде всего, пресные лепешки *гуыр*. При их изготовлении использовался минимум кухонных принадлежностей. В большой чашке пресному ржаному тесту придавалась круглая сплюснутая форма, сверху крошили курдючное сало, затем тесто клали на сковородку, сверху накрывали другой и зарывали в очаг. Большинство бедных калмыков, которые не имели сковородки, *гуыр* пекли прямо в золе. Более богатые могли позволить себе готовить блюдо из пшеничной муки. Символом калмыцкой кухни стали лепешки, которые получили название *борцог*, *борцог-цельвг*, *хамбат-борцог* – по их форме и способу приготовления. Тесто для них замешивалось с бараньим салом или маслом, *борцог* жарили в раскаленном жиру на сковороде или в котле. Если тесто зажаривалось отдельными кусочками, то это были *борцог*, если лепешки были в форме блина, то они назывались *борцог-цельвг*. При добавлении в тесто молока получались *хамбат-борцог*, которые также готовили в бараньем жиру. Мука использовалась чаще пшеничная или ржаная, но в начале XX в. *борцог* делали и из кукурузной муки [18].

Из пшеничного теста калмыки готовили и сладости. Например, жарили «хворост» *мошкмр* в виде макарон на бараньем жиру. Еще готовили *хамхт-борцог* – оладьи, для которых тесто раз-

водили на молоке и которые жарили на бараньем жире, и *бурум* – особые медовые леденцы, состоящие из смеси пшеничной муки с медом.

В середине XIX в. в результате обеднения калмыки все чаще находили заработок за пределами Калмыцкой степи – в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и, особенно, на рыбных и соляных промыслах. Калмыки к этому времени считались лучшими специалистами на неводных работах. Их нанимали на астраханские промыслы, на промыслы в устье Терека и даже юго-западного берега Каспийского моря, в Сальянах и Ленкорани, оплачивая проезд и подражая калмыков на длительный срок – до одного года. Учитывая длительный срок контракта, калмыки выезжали вместе с семьями [19, с.131]. Одним из условий контракта являлось питание рабочих и их семей на промысле, однако в силу невозможности предоставить калмыкам привычный рацион и в целях экономии рыбопромышленники часто выдавали в качестве продовольствия различные крупы, а чаще всего пшено [10, с.167]. После окончания контракта калмыки возвращались в свои степи уже с опытом приготовления пшеничных каш. Также по мере увеличения количества русско-украинских переселенческих сел вокруг и внутри Калмыцкой степи калмыки переняли у их жителей искусство приготовления рисовой, манной, гречневой каш [11, с.177].

Надо отметить, что основной причиной употребления мучных и крупяных блюд в рационе калмыков стали процессы разорения скотоводов, развитие отходнических промыслов и русско-украинское переселенческое движение. При этом калмыки творчески видоизменили эти блюда, привнося в них новые ингредиенты и способы приготовления.

Калмыки также употребляли в пищу овощи и фрукты. Однако, несмотря на то, что они со времени прихода на Волгу сумели приспособиться к природным условиям и в достаточной мере обрели знания о полезной степной флоре, долгое время значение продуктов собирательства в калмыцкой кухне было невелико. Как и у всех народов Южной Сибири и Центральной Азии, собирательство было чисто женским занятием. Но уход за скотом и переработка продуктов животноводства не позволяли калмычкам отрываться на занятие собирательством.

Даже в конце XIX в. жители степных улусов очень редко употребляли овощи и фрукты. Многим исследователям казалось, что в Калмыкии вообще не используют в питании такие продукты. Так, В. Хлебников писал, что «овощи же эти народы совсем не употребляют в пищу». В этом он видел причину многих болезней: «недостаток в.... овощах, по-видимому, создает у калмыков, склонность к заболеванию, цингой... калмыцкие дети очень нервные» [15, л.14].

Тем не менее, калмыки старались по возможности использовать в своем питании овощи и фрукты. Особенно для того, чтобы обогатить свое меню в зимнее время. Например, в качестве заменителя кирпичного чая использовался корень конского щавеля *хургун-чикин* и ветки дикой ежевики *бёльджинергё*, которые собирали летом и после сушки нарезали кусочками, их варили вместо чая зимой. Дикий лук *джагамыл* использовался как приправа к мясным блюдам. Луковицы растения *буулук* запекали в золе и добавляли в *будан* [9, с.51].

По берегам болот, прудов, озер собирали осотник, свежие корневища которого пекли в золе и ели их с салом [20, с.117]. В степи женщины собирали дикое просо *суркул*. Просо собирали в кожаный мешок и выколачивали зерно палками и нагайками. Полученное зерно слегка поджаривали в котле, и употребляли в пищу, смешав с коровьим маслом, бараньим жиром, или клали с *шюрмюком* в *будан*. Часто выкапывали в степи и жевали корень *мокун*, который очищали от коры и употребляли как сладость. Из ягод *зергенё* калмыки готовили искусственный мед бал. Их собирали, затем складывали в котел и кипятили, где растапливали кусок бараньего сала. Когда смесь застывала, то получалось варенье, которое хранили до зимы.

С середины XIX в. большое количество обедневших калмыцких семей стало проживать в Мочагах, где в поисках пропитания жители занимались собирательством. Отсутствие в хозяйстве большого количества скота позволяло женщинам надолго отрываться от своих обязанностей по переработке продуктов скотоводства и заниматься собирательством. По приморским топям калмыки добывали водяной орех *чили́м* с черной скорлупой и с белым ядром. В августе–сентябре на высохших займищах женщины выкапывали корни осоки *алцонхо*. Корни пекли в горячей золе, растирали и толкли в деревянной ступе, после чего, смешав с кирпичным чаем, готовили тесто. Это блюдо считалось у калмыков лакомством. Часто использовали в пищу дикий или свиной орех *бодмонцук*, который также выкапывали на высохших займищах [9, с.136].

В конце XIX в. земледелие стало получать все большее распространение в калмыцких улусах. Особенно в Большедербетовском улусе, где после 1873 г. земля была разделена между калмыцкими родами, что сделало невозможным продолжение кочевого образа жизни. Но и там, где калмыки стали заниматься земледелием, культивировались в основном зерновые (рожь, пшеница и др.), овощеводство долгое время вообще отсутствовало.

Таким образом, надо отметить, что в условиях кочевого хозяйства блюда из овощей и фруктов не играли особой роли в рационе калмыков. Однако с середины XIX в. кризис скотоводства и последовавший за ним переход части обнищавших семей в приморские мочаги привели к повышению

роли овощей и фруктов в пище калмыков. При этом калмыки творчески видоизменили эти блюда, привнося в них новые ингредиенты, и способы их приготовления. Так, в эти блюда добавлялись творог, скисшее молоко и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плано Карпини Д. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1957. 246 с.
2. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936. 350 с.
3. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 г. и 1769 г. СПб., 1771. 544 с.
4. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. III. 657 с.
5. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. IV. 387 с.
6. Страхов И.А. Нынешнее состояние калмыцкого народа с привоскуплением калмыцких законов. СПб., 1810. 56 с.
7. Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб., 1834. 286 с.
8. Бюллер Ф.А. Инородцы Астраханской губернии // Отечественные записки. 1846. Отд. 2. Т. 47. С. 45–87; Т. 48. С. 67–109; Т. 49. С. 87–134.
9. Небольсин П.И. Очерки быта Хошеутовского улуса. СПб., 1852. 192 с.
10. Житецкий И.А. Астраханские калмыки. Приложения: сб. тр. чл. Петровского о-ва исследователей Астрах. края. Астрахань, 1892. С. 158–162.
11. Эрдниев У.Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 308 с.
12. Эрдниев У.Э. Пища и напитки калмыков // Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста: 1962. Вып. 2. С. 215–244.
13. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 161.
14. Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12.
15. Хлебников В.А. Калмыки // Национальный музей Республики Калмыкия им Н.Н. Пальмова. Фонд В.А. Хлебникова. К.П. 6795/252.
16. Ежегодник Астраханского Петровского музея. Каталог музея. Калмыцкий отдел. Астрахань: Паровая новая русская типография, 1908.
17. Полевые материалы автора (ПМА). Информант А.Б. Очир-Гаряев. 1945 г.р., г. Лагань.
18. Полевые материалы автора (ПМА). Информант Б.Д. Тюрбеев. 1929 г.р., г. Лагань.
19. Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. М., 1967.
20. Позднеев А.П. Калмыки // Словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1987. Т. 15. С.117.

ФИЛОЛОГИЯ

ББК 81.2. - 2

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПОСЛЕЛОГОВ
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА XVIII в. (на материале исторических писем)***Е.В. Бембеев, Н.Д. Асирова**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-36760е/Ю*

Статья посвящена системному описанию и структурно-семантическому анализу пространственных послелогов, выявленных на материале языка писем калмыцких ханов XVIII в.

Ключевые слова: грамматика, служебные слова, калмыцкий язык, послелогов, локативы, старописьменный калмыцкий язык XVIII века.

The article is dedicated to the system description and structural-semantic analysis of the spatial postpositions revealed on material of the Kalmyk khans' letters language of the XVIIIth century.

Keywords: grammar, syntactic words, the Kalmyk language, postposition, lokatives, the old written Kalmyk language of the XVIIIth century.

Изучение служебных слов калмыцкого языка – одна из актуальных задач современного калмыцкого языкознания, имеющая и общемонгольское значение. В описательном, сравнительном и сопоставительном планах вопросы служебной лексики в калмыцком языке изучены недостаточно. Более того, необходим всесторонний охват материала, в том числе и данных по письменным памятникам калмыцкого языка, что позволит достаточно адекватно отобразить особенности калмыцких служебных слов. Настоящая статья посвящена системному описанию и структурно-семантическому анализу пространственных послелогов, выявленных на материале языка писем калмыцких ханов XVIII века. Объектом настоящего исследования является морфологическая структура калмыцкого языка XVIII века, предметом исследования – пространственные послелогов калмыцкого языка XVIII века.

Для монгольских языков, в том числе и для старописьменного калмыцкого, характерна высокая частотность употребления данных релятивных слов, поэтому эти языки можно назвать «послеложными» [1, с. 15; 2 с. 90]. Как отмечают многие исследователи, данная часть речи до сих пор недостаточно глубоко изучена в языкознании и находится, как и другие служебные слова, в состоянии «научно-исследовательской неопределенности». Первые сведения о послелогов мы находим уже в ранних монгольских грамматиках и грамматических пособиях практического характера. Одни исследователи называли их «послеречиями» [3; 4; 5], другие относили этот класс слов к частицам и наречиям [6; 7]. В последующих грамматиках послелог выделяют в отдельную часть речи [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15 и др.]. Исследованию семантики послеложных конструкций и падежных форм в современных монгольских языках посвящены монографическая работа С.М. Трофимовой [16],

специальные статьи [2, с. 90-111; 16, с. 221-273; 17 с. 133-147]. Изучению послелогов калмыцкого языка в историко-сопоставительном аспекте посвящены работы А.Л. Лиджиевой [18; 19].

Послелогов – одно из основных средств характеристики движения объекта и его местоположения в пространстве и времени, выражения значений цели и причины, отношений следствия, образа действия, сравнения, совместности и других более обобщенных грамматических значений. Известно, что выражение пространственных отношений между объектами реальной действительности – важнейшая функция послелогов. Из локальных представлений постепенно развивается представление о времени, т. е. абстрактное понятие пространства, что находит отражение в языке. Это связано, вероятно, с тем, что пространственные и временные представления – это явления самой древней формации в языке. Но развитие и совершенствование языка есть процесс постоянный и бесконечный, поэтому состав послелогов, число грамматических значений – падежных и разнообразных семантических отношений, выражаемых в языке послеложными конструкциями, значительно пополняется. В связи с этим специальное исследование системы пространственных послелогов на материале старописьменного калмыцкого языка вызвано необходимостью уточнить их состав и классификацию, структурно-семантические и функциональные признаки, что окажется плодотворным для дальнейшего изучения этого разряда служебных слов в историко-сопоставительном аспекте.

Данный разряд служебных слов, управляя падежными формами имен и субстантивированных слов от других частей речи, дополняет и уточняет их значения, образует послеложные конструкции, выражающие самые разнообразные отношения между двумя объектами, между объектом и при-

знаком, между объектом и действием в составе именных, адъективных и глагольных словосочетаний. Если падежи являются грамматической категорией, то семантико-функциональное содержание послелогов (> послеложных конструкций) дает основание считать их объектом не только синтаксиса, но и лексики, и морфологии. Поэтому исследование послелогов калмыцкого языка в диахронии имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как изучение данного разряда слов как «межуровневой единицы» тесно связано с задачей создания общего курса морфологии калмыцкого языка, а также исторической грамматики калмыцкого языка.

Материалом для исследования послужили письма калмыцких ханов XVIII века и их современников, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК) и «представляющие собой особую культурную ценность» [20, с. 8]. При исследовании способом сплошной выборки были выявлены послелог и послеложные конструкции, зафиксированные в текстах 107 писем калмыцких ханов XVIII века, которые хранятся в фонде № 36 Национального архива Республики Калмыкия, а также опубликованы в книгах Д.А. Сусеевой и Д.Б. Гедеевой [20; 21].

В языке писем калмыцких ханов XVIII века система пространственных отношений, выраженная в виде послеложных конструкций, представлена широко и разнообразно. Послелогам выражаются обстоятельственные отношения места пребывания предмета, лица или осуществления действия. Ориентир мыслится как объект, организующий вокруг себя некоторое пространство; в свою очередь это пространство делится на целый ряд групп или классов, которые и составляют частные значения локализации. Пространственные отношения калмыцкого языка XVIII века можно разделить на два основных класса: ориентирующие и двигательные. Среди ориентирующих выделяются послелог с значением внутреннего и внешнего расположения, верха и низа, вертикальности, наклонности, передней, задней стороны, близости, дальности и др. Среди двигательных – послелог с значением направленности и ненаправленности, ограниченности и неограниченности движения.

1. Ориентирующие значения послелогов

Локативная семантика послелогов, зафиксированных нами в языке писем XVIII века, выражается посредством реализаций следующих смыслов:

1.1. Внутреннее и внешнее расположение

1) Положение или совершение действия предмета или лица во внутреннем пространстве выражается следующими послелогам: **Дотор** «в, внутри, среди». Например: ...*Болбочиги нигэ аңги мини тагта доторо...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1.

Д. 52) – «Несмотря на это, одна часть моих людей (находится) в местности Тагта». Послелог **дотор** является весьма распространенным послелогом в монгольских языках. Проследивая историю употребления этого послелога в значении «в, внутри, среди», следует отметить, что он широко представлен в классическом монгольском языке в форме **dotur-a**, что говорит о его древнем происхождении [19, с. 24]. Он управляет основной имен и – реже – родительным падежом. Традиционно семантика данного послелога описывается как «местонахождение или совершение действия внутри ориентира».

Дотороки «в, внутри, среди». В отличие от послелога **дотор**, послелог **дотороки** «в, внутри, среди» в сочетании с управляемым словом в именительном падеже выполняет атрибутивную функцию. Сравнить: *Тагта дотороки улусий мани элчи бичиг илгэжи наара ьатульажи мана шидар байихуна...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Если отправите с сопроводительным письмом наших людей из местности Тагта и переправите их сюда, поближе к нам...».

Хазаа «вне, снаружи, за». В калмыцком языке XVIII века для обозначения внешнего расположения ориентира употребляется послелог **хазаа** «вне, снаружи, за»: *Хулахайичи халимаг базарасаа хазаа* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Калмык-грабитель – за базаром». В монгольском языке данному послелог соответствует **гадаа** или форма **гадна**, в бурятском – **газаа**. Как отмечает в своем исследовании Л. Лиджиева, «исторически этот послелог, в классическом языке выступал в форме **γadana**, где, помимо своего значения «кроме», в сочетании с родительным падежом употреблялся в значении «вне». В современных монгольских языках он управляет родительным и исходным падежами, обозначая местонахождение за, вне ориентира» [19, с. 26-27].

Захаду «к краю, на краю». В исследовании «Семантика пространственных послелогов калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении» автор отмечает, что «послелог **захаду** (зазд – в современном калм. яз.) образовался от существительного **заха** «край» сравнительно недавно» [19, с. 26-27]. Между тем необходимо отметить, что данная послеложная конструкция имела место в старокалмыцком письменном языке XVIII века: *«Цэриг мани түрүүни нутугийин захаду ирэжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5) – «Войско прибыло к переднему краю нашего владения»; *Нутугийин захаду цэриг ьарба биде* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Мы выставили войско на границе кочевья». Так же, как и в современном калмыцком языке, данный послелог, обозначая внешнее расположение ориентира, указывает на его более удаленное расположение. Кроме того, он требует управления родительным падежом.

1.2. Значения верха и низа

1) Значение расположения ориентира на поверхности в языке писем XVIII века передается послелогом *дээрэ* и *дээркэ*.

Дээрэ «на, по, в». Послелог *дээрэ* является одним из самых распространенных и продуктивных служебных слов, зафиксированных нами в исследуемых текстах, что, собственно, еще раз подтверждает мнение исследователей о том, что данный послелог – один из самых распространенных в монгольских языках. Необходимо также отметить широкий круг значений данного послелога, основными из которых являются обозначение нахождения или совершения действия на поверхности. *Нада улуши чима дээрэ цуглуулуи чимай би итэгэбэби* (НА РК. Ф. 36. Д. 22) – «Наших людей соберем у тебя, тебе доверяю»; *Зархутай күүги хош дээрэ мини буулайита* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 22) – «Виновного человека доставьте в мой стан».

Дээрэки «находящийся на». В монгольских языках от послелога *дээр* образуется локально-атрибутивный послелог *дээрэки*. Большая группа контекстов с данным послелогом также используется для выражения нахождения или действия на поверхности. Этот послелог имел употребление и в языке письменных памятников XVIII века. В современных монгольских языках, выступая в сочетании с основой имени, данный послелог получил широкое распространение [19, с. 29]. *Үгэни хуу дээрэки бүргээдэрийин ойирони* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «По словам, находится возле бригадира, (расположившегося) в верховьях оврага».

2) Расположение или действие под чем-либо выражается следующими послелогом: *доро* «под».

Основное функциональное значение данного послелога – это обозначение расположения или осуществления действия в нижней поверхности пространства: субстанции (земля, вода), предметы (стол, кровать), части лица (нос, глаза), сооружения (шатер, крыша), географические объекты (холм, гора, откос) и др. Употребление послелога *дороо* в этом значении зафиксировано в самых ранних памятниках старомонгольской письменности. В письменных памятниках калмыцкого языка XVIII века этот послелог также имел широкое употребление: *Зүүн хошоуд хойор Эжилийин доро бэлчиртү йабу гэгсэн цоохор дөрбөд хойор Эжилийин дээгүр мана тохой ноир*. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41) – «Зунам (зюнгарам – авт.) и хошудам были предоставлены места кочевий по склонам в низовьях Волги, а цохорам и дербетам – в верховьях Волги, по излуцинам реки»; *Нигэ зарим мини Дондуг Даши доро*. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Некоторые мои люди кочуют ниже (владений) Дондуг Даши».

Дороо/дороой «под». Послелог *дороо* также обозначает нахождение ориентира под чем-либо.

В языке XVIII века этот послелог также имел употребление: *Такийин дороой хатулху айастай йабунай гэнэй* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49) – «Говорят, что они едут с намерением переправиться под Такием»; *Цагаан Аман дороо хорин табун күү...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Под Цаган-Аманом двадцать пять человек...».

Дороки «находящийся под, внизу». Данный послелог, конкретизируя местонахождение или место совершения действия, обозначает строго нижнюю область локализации предмета или действия. *Манай күүнэй зурхаан морин балхасуни дороки заһасучинар хатулжси* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Шесть лошадей нашего человека переправили с помощью рыбаков, находящихся ниже города».

1.3. Значения передней и задней стороны

1) Обозначение передней стороны в языке писем передается послелогом *омонө* «перед». Например: *Мини номоор бурхани омонө андаһаар кэгчи учирни...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «По моей вере причина клятвы перед бурханами». В данном примере послелог *омонө*, выступая в сочетании с родительным падежом, передает значение местонахождения или действия объекта/предмета перед ориентиром.

Цаа, ца «сзади, за». Послелог *цаа* указывает на местонахождение или действие предмета позади чего-либо. Управляя родительным падежом, данный послелог находит свое употребление в текстах писем. *Зүүгэр йэкэ цэригийин цаа хойор зоун табин дуунай һазар байидагжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 442) – «Они стоят за большой армией на расстоянии двухсот пятидесяти километров». На основе послелога *цаа* образуется локально-атрибутивный послелог *цаару*, указывающий на местонахождение или действие предмета позади чего-либо: *Дайин урид зангги абаад Эжил цаару амин хатулжси дуусчи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 327) – «Получив известие до сражения, они успели переправить всех людей за Волгу».

1.4. Значения близости и дальности

Для обозначения близости расположения или осуществления действия в языке писем нашли отражения следующие послеложные конструкции:

Алдаду «около, вблизи, у». Пространственным значением данной локализации является местонахождение или совершение действия около ориентира: *Тэрэ алдаду халмаг күүн арбан найман мори нигэ күү абчи гэжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5) – «Говорят, что один калмык около тех мест захватил одного человека и угнал восемнадцать лошадей».

Алдадуни «около, вблизи, у». Например: *Тэрэ алдадуни ураала оло хулуһай кэгсэн олоорту хулуһайчи гэгсэн нэрэтэй Сазан Семүүн гэдэг орос бийчиги санжси энэ болоод тэрэ алдайн оросуудту али хатоуһар зарлажси* (НАРК. Ф. 36.

Оп. 1. Д. 351) – «Но поблизости того места находится русский человек, именуемый Семен Сазан, который наперед сего во многих воровствах приличенный, да и многими людьми, что он вор, сведом».

Ойиро «около, рядом, у, возле». К группе послелогов, указывающей на местонахождение около ориентира, относится и послелог **ойиро**. Он, управляя родительным падежом, выражает близкое к чему-либо расстояние. В письмах калмыцких ханов этот послелог имеет широкое распространение: *Тани ойиро эмэ үрэнэй бий* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3) – «У вас находятся их жены с детьми»; *Дайини ойиро түйимэр үзэжи ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 130) – «Говорят, что возле сражений видели пожары».

Тус «у, напротив». Послелог **тус**, управляя именительным и родительным падежом, также указывает на расположение или совершение действия предмета или лица, напротив, у ориентира: *Шара Хамиш тус тэрэ тала байина гэнэй* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Говорят, что все они находятся на той стороне, напротив Камышина»; *Эжилийн көбөө шидар хабан атуугийн дороду үзүүр тус байнжи бэлэй би* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35) – «Я находился вблизи берегов Волги прямо напротив нижних склонов Хабан Атуга».

Шидар «около, вблизи, при». Пространственное значение послелога **шидар** выражает нахождение или совершение действия около, возле ориентира. Он может употребляться, управляя именительным и родительным падежами. *Айху занги үгэй болхуна чимала шидар байиху болбо* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Если нет тревожных вестей, решил находиться недалеко от тебя».

Эргэндү «около, вокруг, возле, в окрестности». Данный послелог обозначает месторасположение или совершение действия вокруг, около ориентира и управляет родительным падежом: *Өбөчи өгүссэн күмүн олон төлөө тэдэни назарни эргэндү бузар болжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Так как заболевших было много, места вокруг их проживания считались зараженными».

Уруу «ниже». Пространственное значение этого послелога выражает нахождение ориентира в некоторой отдаленности от места или предмета по направлению вниз. В тексте памятников он употребляется, управляя исходным падежом. Например: *Усуни хатулхаан бури цэриг Ахашааса уруу өгүйтэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6) – «Ниже Царицына дайте караулы для каждой переправы»; *Хазаг манааса абугсани табин хурбан өрөкө Чийирээсэ уруу бузугийн бэлцээр күртэлэ...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Пятьдесят три семьи, захваченных казаками, у нас находятся ниже Чийира до склонов Бузуга».

Особенность употребления и наличие послелога **уруу** в письмах XVIII особо интересно тем, что в современном калмыцком языке он «утратил первоначальную фонетическую структуру (*уруу > уру > ур*) и стал употребляться в грамматическом значении, показывающем направленность действия на предмет; в современных монгольском и калмыцком языках, он стал показателем направительного падежа» [19, с. 20]. Это еще раз свидетельствует о том, что процесс семантико-грамматического симбиоза послелога и падежной формы имени длится уже много лет. В ходе исторического совместного функционирования с падежами послелог испытывал воздействие со стороны наиболее семантически сильных грамматических категорий имени, к которым относится категория падежа. По отношению к падежам послелогов представляют как бы резерв, выполняющий дополнительные категориальные функции (функции отношения слова к слову). В процессе исторического становления падежной парадигматики находит свое проявление такой факт, как семантическая диссимилиация [22; 19, с. 20].

Өөдөн «выше». Пространственное значение послелога **өөдөн** выражает нахождение ориентира в некоторой отдаленности от места или предмета по направлению вверх. *Бичигийн учир тагтаа сан уруй кэрэмэнээс өөдөн Тэнг гийн көбө гийн өбөсү* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35) – «Ниже нашего моста, выше Черкесска трава по побережью Дона...».

Хоораан «вверх, к северу, в сторону». Послелог выражает нахождение ориентира в некоторой отдаленности от места или предмета по направлению вверх, к северу. *Үүнээс хоораан нойон Доржзийни нутуг байнай* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «К северу отсюда находится кочевье нойона Дорджи»; *Одоо Тэнг хатулжи нүүл гэкүдү тогтойо гэжи Йаман ду кэлөөлээд тагтааса хоораан харалай бида* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 115) – «На предложение сейчас переправиться через Дон, мы передали Яману, что остановимся, а сами удалились от моста».

1.5. Значения пространства в середине, в центре, между ориентирами

Дунда «среди, между, в центре, в середине». Данный послелог употребляется в сочетании с именительным и родительным падежами для выражения значения местонахождения или осуществления действия в центре или в середине чего-либо. Например: *Йэру Доржзийн манай хойор дунда кэрэгтэй күүн тасураху үгэй биши* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «В общем, между нами и Дорджи связь через нужных людей не прервется, не так ли?».

Забсарту «между». Основное значение послелога заключается в том, чтобы выразить поло-

жение объекта между какими-либо объектами или территориями. Этот послелог управляет родительным падежом. Например: *Тэңг Эжилийн забсарту үбэлзэнэн би* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Я буду зимовать в местности между Доном и Волгой».

Забсараар «между чем-л.». Данный послелог употребляется в сочетании с родительным падежом для выражения значения местонахождения или осуществления действия в середине чего-либо. К примеру: *Шара тоу Шара Хамис хойоулайин забсараар натулаһанайибида* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35) – «Мы переправляем между Саратовым и Камышиным».

2. Двигательные значения послелогов

Данный вид послелогов служит для обозначения того, куда, откуда и как осуществляется движение объекта, относительно ориентира. Можно выделить следующие двигательные значения послелогов:

2.1. Направленность действия в сторону ориентира и со стороны ориентира

1) Направленность движения в сторону ориентира передается следующими послелогом: **дээрэ «по направлению, к»**. Полисемичный послелог **дээрэ** может обозначать направленность действия к ориентиру. В этом случае он управляет именительным и родительными падежами. Примеры с данным значением довольно часто встречаются в письмах XVIII века: *Энэ бичигүүдийин мини дээрэ күргээд хариугини абаад бичиуд нааран илгэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 42) – «Доставив эти письма ко мне, получив на них ответы, отписал сюда». *Манай дээрэ ирээжи зарһу хаһалдаг бэлэй* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 42) – «Прибыв к нам, рассматривали тяжбы».

Тала «к, по направлению, в сторону». Данный послелог, сочетаясь с основой имени, выражает направленность в сторону ориентира. *Данжын Доржи Эргэни тала нарчи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3) – «Данжин Дорджи направился в сторону Ергеней».

Дээрээс «с, из». Основное значение данного послелого – движение с поверхности ориентира. Послелог в языке писем весьма распространен. *Балһасун дээрээс онгоцо усун үзэгдэл үгэй аашин гэнэй төүни занггини йоун би төүни манду кэлүүл* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. д. 2) – «Говорят, что из города незаметно движется судно по воде, что это за новость, расскажи нам об этом».

Дотороосо «из, изнутри». Послелог показывает движение изнутри пространства наружу, из ориентира. Данный послелог употребляется в сочетании с именительным падежом: *Хаани баригдагсан элчи эжилийн көбөөгөөсө цэриг дотороосо орһожжи ирибэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «Посланник хана, ранее захваченный в плен, бежал из лагеря противника, (который находится) на берегу Волги, и прибыл к нам».

Ойироосо «от». Послелог в форме исходного падежа показывает движение от какого-либо объекта, от ориентира. Например: *Дондук Дашийн ойироосо нүүжси нада ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 22) – «Перекачивал ко мне от Дондука Даши».

Таласа «с, со стороны, от, из». Данный послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. *Одоо чиги Айидархан таласа йэкэ баһа зангги болхуна бичижси илгэгтүн* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «И сейчас, если имеются большие, малые вести из Астрахани, то напишите».

Зүгээс «со стороны, от, из». Послелог в форме исходного падежа показывает движение от какого-либо объекта, от ориентира. Может управлять родительным падежом. Восходит к существительному **зүг** (направление, сторона) в форме направительного падежа. *Сэркэшийн зүгээс Моздогийин балһасун айху зангги байхунай төлөө...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 389) – «Пишите Вы, что я для могущих быть опасных известий со стороны кабардинцов...».

Цайиһааса «со стороны, от, из». Послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. *Доржени көбөөд Лобза Бай хойор долоон мингһан цэригтэй Эжил цайиһааса ирээжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4) – «Два сына нойона Дорджи Лобза и Бай с семитысячным войском прибыл из-за Волги».

Захаса «с края, со стороны». Послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. *Йэрү Хобони мангһуд эбдэрээжи йэкэ үгэй һагца болугсан ду цэриг мордожси нутугийн захаса мордожси Хобонду күрэби* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 317) – «Кубанские татары не понесли большого ущерба, но, находясь в одиночестве, я со своим войском выступил от границ нутука и добрался до Кубани».

Дээгүр «над, поверх, по». Послелог **дээгүр**, употребляясь в сочетании с основой имени, характерен для всех монгольских языков. Примеры функционирования данного послелого мы находим и в старописьменном калмыцком языке XVIII века. *Манжси доутугий мингһан табун зоун холир усун дээгүр абачи ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Манджи привез по воде недостающие 1500 кг муки».

Өйигүүр «вблизи, рядом, мимо». Значение данного послелого состоит в указании на движение вблизи, мимо ориентира. *Балһасуни өйигүүр тэдэни дайилажси абугсан адоу үзэжси ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Рядом с городом видел табун лошадей, угнанный ими».

Цаару «за». В отличие от атрибутивного **цаару**, обозначающего положение предмета за ориентиром, значение послелого **цаару**, управляющего исходным падежом, состоит в указании на

движение за ориентиром. *Нутук бидан өөдөлөжү Айишин Читэрээсэ цаару нөүбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Нутук наш стал подниматься выше по реке и откочевал за пределы владений Айшева Читера».

Һазааһааса «из-за, из вне». Послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. Например: *Мана нутугийин һазааһааса ирэгчи дайигийини дайилажү...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «Воевали с противниками, пришедшими со стороны...».

Ойироосо «от». Послелог обозначает направление движения от ориентира. Например: *Хабур Сасагийн ойироосо миний нигэ зайсанг кэсэг өрөкүтэй Соломийн ойиро очи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 316) – «Весной один мой зайсанг с большим количеством семей откочевал от Сасага к Солому».

2.2. Ограниченность и неограниченность движения в пространстве

Күртэлэ «до». Пространственное значение послелога **күртэлэ** выражает ограниченность движения, т.е. показывает определенное расстояние объекта, до которого распространяется действие. В старописьменных языках этот послелог встречается в сочетании с дательном-местным падежом. Например: *Эжилийн ороши йангхала күртэлэ харуулан сайиур хаарулжү манду зангги кэрмэни чимаду* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «Вплоть до Черного Яра расставить как следует дозор, постоянно присылать нам вести».

Һазараан «за». Послелог обозначает неограниченность движения от ориентира. Например: *Кэрбэ һатулба гэм балһасу һазараан одуху бишү* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 46) – «Если переправляться, то болезнь распространится за пределы города, не так ли?».

Итак, анализ материала более 100 писем калмыцких ханов показывает, что для калмыцкого языка того периода характерно наличие богатой системы пространственных отношений, выраженных посредством послеложных конструкций. В тексте писем нами были зафиксированы 39 послелогов:

- Алдадуни «около, вблизи, у»
- Алдаду «около, вблизи, у»
- Һазаа «вне, снаружү, за»
- Һазараан «за»
- Һазааһааса «из-за, из вне»
- Дээрэ «на, по, в»
- Дээрэ «по направлению, к»
- Дээгүр «над, поверх, по»
- Дээрээсэ «с, из»
- Доро «под»
- Дороо «под»
- Дороки «находящийся под, внизу»
- Дунда «среди, между, в центре, в середине»
- Дотор «в, внутри, среди»
- Дотороки «в, внутри, среди»

- Дотороосо «из, изнутри»
- Забсараар «между чем-либо»
- Забсарту «между»
- Захаду «к краю, на краю»
- Захаса «с края, со стороны»
- Зүгээсэ «со стороны, от, из»
- Күртэлэ «до»
- Ойироосо «от»
- Ойиро «около, рядом, у, возле»
- Өйигүүр «вблизи, рядом, мимо»
- Өмөнө «перед чем-либо»
- Өөдөн «выше»
- Тала «к, по направлению, в сторону»
- Таласа «с, со стороны, от, из»
- Тус «у, напротив»
- Уруу «ниже»
- Хоораан «вверх, к северу, в сторону»
- Цаа, ца «сзади, за»
- Цаару «за»
- Цайиһааса «со стороны, от, из»
- Шидар «около, вблизи, при»
- Эргэндү «около, вокруг, возле, в окрестности».

В частотном плане наиболее употребительными послелогами являются формы **ойиро** (63), **дээрэ** (26), **тала** (16), **шидар** (10), **дороо** (7), которые в текстах проанализированных писем встречаются более 7 раз. В языке писем существуют формы, отражающие специфичные формы выражения того или иного пространственного значения и не встречающиеся в современном калмыцком языке. Например, послелог **зүгээсэ** «со стороны, от, из», который восходит к существительному **зүг** (направление, сторона) в форме направительного падежа. В современном калмыцком языке в результате метатезы слово получило новое фонетическое оформление – **үзг** (сторона, направление). *Сэркэшийин зүгээсэ Моздогийин балһасун айиху зангги байихунай төлөө...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 389) – «Пишете Вы, что я для могущих быть опасных известей со стороны кабардинцев...».

Анализ смысловых пространственных отношений, выражаемых послелогами в языке писем, позволяет наблюдать реализацию смысла в различных ситуациях, показывает, насколько разнообразны эти отношения, насколько непредсказуемы возможности самих послелогов с точки зрения прагматики. Их система задает представление о «структуре пространства», о разных направлениях его измерений.

На исследуемом материале есть возможность наблюдать процесс соотношения значений послелогов и падежных показателей. Например, послелог **уруу** имел широкое распространение в языке XVIII века, но в процессе семантической диссимилиации превратился в современном калмыцком языке в показатель падежной парадигматики.

Анализ послеложных конструкций в языке писем XVIII века позволит внести дополнительные сведения для дальнейшего углубленного изучения данной части речи в калмыцком языке в историко-сопоставительном освещении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 186 с.
2. Бадмаев Б.В. Проблема служебных частей речи в современном калмыцком языке: послелог // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка: сб. науч. ст. М.; Элиста, 2000. С. 90–112.
3. Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832. 133 с.
4. Ковалевский О. Краткая грамматика монгольского языка. СПб., 1835. 202 с.
5. Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. 390 с.
6. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 403 с.
7. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Прага, 1929. 418 с.
8. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.; Л., 1940. 158 с.
9. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: в 2 т. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.
10. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951. 196 с.
11. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962. 340 с.
12. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966. 116 с.
13. Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
14. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983. 336 с.
15. Трофимова С.М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. Новосибирск: Наука, 1989. 95 с.
16. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.
17. Тодаева Б.Х. Послелог в калмыцком языке // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 133–147.
18. Лиджиева Л.А. Послелог калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении: автореф. дис... канд. фил. наук Элиста, 2004.
19. Лиджиева Л.А. Семантика пространственных послелогов калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении: учеб. пособие. Элиста, 2008. 62 с.
20. Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века: опыт лингвистического описания. Т. I. Элиста, 2002. 456 с.
21. Гедеева Д.Б. Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста, 2004.
22. Орловская М.Н. О грамматикализации некоторых лексических единиц в монгольских языках // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 25–33.

ББК 81.2(2Росс=Калм)

К ИЗУЧЕНИЮ СИНОНИМИИ И АНТОНИМИИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале «Калмыцко-русского словаря» 1977 г.)

Н.М. Мулаева

В статье рассматриваются синонимия и антонимия в калмыцком языке на материале «Калмыцко-русского словаря» под ред. Б.Д. Муниева (М: Русский язык, 1977). Калмыцкий язык очень богат синонимами и антонимами, которые не в полной мере охвачены в словарных статьях данного словаря. Изучению синонимии посвящено немало исследований, но еще нет специальных работ, посвященных рассмотрению антонимии в калмыцкой лексикографии.

Ключевые слова: синонимы, антонимы, словарь, калмыцкий язык.

This article is devoted to synonymy and antonymy in the Kalmyk language on a material of «Kalmyk-Russian dictionary» under edition of B.D. Muniev. The Kalmyk language is very rich with synonyms and antonyms, which are to the full captured in entries of the given dictionary. Many researches are devoted to the synonymy studying, but still there are no special works devoted to consideration of antonymy in Kalmyk lexicography.

Keywords: synonyms, antonyms, dictionary, the Kalmyk language.

Цель данной статьи – рассмотреть синонимию и антонимию в калмыцком языке на материале «Калмыцко-русского словаря» под ред. Б.Д. Муниева [1].

Вопросы синонимии калмыцкого языка рассматривались в работах Р.А. Джамбино-

вой [2], Г.Ц. Пюрбеева [3], Э.Ч. Бардаева [4], А.Л. Каляева [5], П.Б. Федоровой [6], М.У. Монраева [7], также имеется «Словарь синонимов калмыцкого языка», составителем которого является М.У. Монраев [8]. Это первая лексикографическая работа, в которой автор пытается наиболее

полно отразить синонимические ряды, реально существующие в языке. В данном словаре имеется достаточное количество устаревших, диалектных, просторечных лексических единиц.

Синонимия (от греч. *synonymia* – одноименность) – тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений. Синонимия свойственна лексическим, фразеологическим, грамматическим, словообразовательным системам языка. Это характерное явление разных типов.

В функциональном плане синонимия выступает как способность языковых единиц благодаря тождеству или сходству их значений замещать друг друга во всех или определенных контекстах, не меняя содержания высказывания. Эквивалентные содержания синонимов находятся в отношении взаимной замены (двусторонней импlications): *Тер келнэ номт болв* «Он стал языковедом» ↔ *Тер кел шинжлэч болв* «Он стал лингвистом»; *Тер өндр көвүн билэ* «Это был высокий юноша» ↔ *Тер нурһта көвүн билэ* «Это был рослый юноша». Степень синонимичности слов тем выше, чем больше у них общих позиций, в которых могут устойчиво нейтрализоваться несовпадающие семы их значений.

Важнейшими семантическими функциями синонимов являются замещение и уточнение. Замещение наблюдается чаще всего в следующих друг за другом частях текста и состоит во взаимной замене семантически адекватных единиц, что позволяет избежать однообразного повторения одних и тех же слов: *Балакан Алексей билгтэ хальмг бичэч билэ* «Алексей Балакаев был талантливым калмыцким писателем». *Умшачир ода чигн энүнэ үүдэврмүд дурлжэ умшина* «Его произведения до сих пор популярны среди читателей». Уточнение состоит в раскрытии свойств и различных характерных признаков обозначаемых предметов и явлений действительности. Эта функция реализуется обычно в пределах одного предложения при близком, контактном расположении уточняющих друг друга частично эквивалентных слов. Необходимость уточнения вызвана тем, что обозначаемое в силу своей многосторонности не «покрывается» одним словом. Поэтому возникает потребность одновременного употребления нескольких синонимов, несовпадающие семы которых вскрывают в обозначаемом предмете новые стороны. Уточняются могут степень проявления признака, качества, свойства, действия и т.п.

Синонимы (от греч. *synonymos* – одноименный) – слова одной и той же части речи (а также, в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксической конструкции), имеющие полностью или частично совпадающие значения. В качестве единицы смыслового сопоставления лексических синонимов выступает элементарное значение слова,

его лексико-семантический вариант. Поэтому многозначное слово может входить сразу в несколько синонимических рядов (или парадигм). [9, с. 446-447].

Синонимы – это знаки, максимально приближенные друг к другу вследствие сходства связанных с ними понятий и общности именуемых вещей. Абсолютных синонимов почти нет. Если, даже, казалось бы, совпадают и предметы, и понятия, нередко обнаруживаются расхождения в сочетаемости, в производных или вторичных синонимах. Так, при достаточно близкой синонимии слов *правда* и *истина* их производные не параллельны: *правдивый* значит «говорящий правду», «искренний», а *истинный* – «настоящий, действительный, подлинный». Эти вторичные синонимы не параллельны друг другу [10, с. 49].

Синонимы, объединенные тем, что означают одно и то же понятие, составляют синонимический ряд.

В калмыцком языке выделяют четыре основных типа лексических синонимов [4, с. 56]:

1) абсолютные: синонимическая пара абсолютная или тождественная, т. е. такая, в которой значения слов совпадают полностью или близки к этому, такие слова встречаются среди различных частей речи: *авъяс* – *заңшал* «традиция, обычай», *чаңһ* – *бат* «крепкий», *унх* – *киисх* «падать, сваливаться, отваливаться».

2) семантические (смысловые), которые, обозначая одно и то же явление действительности, различаются оттенками лексических значений, их также называют идеографическими или понятийными синонимами: *үр* – *иньг* «друг» (*үр* «товарищ», *иньг* «возлюбленный», *шав* – *шарх* рана (*шав* «рана», *шарх* «болячка») *көк* – *цеңкр* «синий» (*көк* «синий», *цеңкр* – «голубой»).

3) стилистические, дающие различную оценочную характеристику обозначаемого объекта, они характеризуются эмоционально-экспрессивной окрашенностью. К ним относятся:

а) просторечные слова и их литературные варианты: *баавһа* прост. «баба» – *гергн* «женщина»; *теңгн* прост. «деньги» – *мөңгн*.

б) диалектизмы и их литературные соответствия: *аарц* «творог» – *аадмг*; *жәңжәл* «скандал, ссора» – *керүл*, *цүүгән*.

в) архаизмы и заменившие их слова: *һавр* «борец» – *бөк*, *һаң* «сталь» – *болд*.

4) семантико-стилистические, они совмещают в себе обе эти функции: *бичкн* «маленький» – *үчүкн* «маленький (указывает на то, что данный предмет меньше меньшего)», *шулун* «быстрый» – *тургн* «быстрый, мгновенный».

Антонимия – тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения (антонимов). Будучи категорией лексико-семантической системы языка, антонимия представляет собой одну из универсалий

языковых: она свойственна всем языкам, а ее единицы обнаруживают принципиально общую структуру противоположных значений и большое сходство в структурной и семантической классификации антонимов.

Антонимами (от греч. *anti* – против и *онума* – имя) называют слова одной части речи, с противоположными значениями, т. е. соотнесенными с понятиями, имеющими противоположные качества: *дееркнь* «верх» – *доракнь* «низ», *эклиц* «начало» – *чилгч* «конец», *киитин* «холодный» – *халун* «горячий»; *ухата* «умный» – *муңхг* «глупый»; *төрлһн* «рождение» – *үкл* «смерть», *иньглит* «дружба» – *вишэр-клт* «вражда» [10, с. 35-36].

Антонимы в калмыцком языке рассматривались в монографии Э.Ч. Бардаева [4], в статье Д.Л. Шагдаровой [11] и др.

В зависимости от выражаемого типа противоположности антонимы разделяются на соответствующие классы, основные из которых:

1) Антонимы, выражающие качественную противоположность. Они реализуют контрарную противоположность. Контрарная противоположность выражается видовыми понятиями, между которыми есть средний, промежуточный член: *бах наста* «молодой» – *көгин биш* «нестарый», *дунд наста* «средних лет», *медэтэ* «пожилой», *бах наста биш* «немолодой»... – *көгин* «старый». Ср. *байн* «богатый» – *угатя* «бедный», *күнд* «трудный» – *гишгн* «легкий» и т.п. Противопоставления типа *өндр* «высокий» – *өндр биш* «невысокий» (ср. *маитг* «низкий») с частицей отрицания *биш* антонимы не образуют, так как они не определяют диаметрально противоположные исключаящие друг друга понятия. Иногда в исследовательской литературе их называют неполными антонимами, или «квазиантонимами», а антонимами в данном случае следует считать антонимическую пару: *өндр* «высокий» – *маитг* «низкий». Сюда можно условно отнести обозначения основных временных и пространственных координат, обнаруживающие ступенчатые оппозиции: *уржс өдр* «позавчера», *өцкдүр* «вчера», *эндр* «сегодня», *маңһдүр* «завтра», *нөкэдүр* «послезавтра»; ср. *дорак* «нижний», (*дундк* «средний»), *деерк* «верхний» (об этаже дома).

2) Антонимы, выражающие дополнительную (комплиментарность). Шкала противопоставления представлена двумя противоположными членами, дополняющими друг друга до целого, так что отрицание одного дает значение другого: «не+истинный» = «ложный»; ср. *сохр* «слепой» – *нүдтэ* «зрячий», *чиигтэ* «влажный» – *хагсу* «сухой», *күцэх* «соблюдать» – *эвдх* «нарушать», *хамдан* «вместе» – *салудан* «врозь» и т. п.

3) Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств. Эта противоположность в языке основана на логически противоположных понятиях:

цуглах «собирать» – *цуцх* «разбирать», *шатах* «зажигать» – *унтрах* «гасить», *орх* «выезжать» – *һарад йовх* «выезжать», *революционн* «революционный» – *контрреволюционн* «контрреволюционный», *олн-амтнэ* «народный» – *олн-амтнэ өмнэс сөргч* «антинародный».

По своей структуре антонимы делятся на однокоренные, которые образуются внутри каждой части речи при помощи различных суффиксов и отрицательных частиц *уга* (-го) *биш*, *эс* со значениями «не, нет»: *йовх* «пойдет» – *йовиго* «не пойдет», *орх* «войдет» – *эс орх* «не войдет», *арһул* «осторожно» – *арһул биш* «неосторожно», и разнокоренные (*сэн* «хороший» – *му* «плохой», *шу-луһар* «быстро» – *уданар* «медленно», *ут* «длинный» – *ахрхн* «короткий»).

Не все слова калмыцкого языка имеют антонимическую пару. Нет антонимов у существительных с конкретным или прямым значением, у прилагательных, обозначающих названия цветов кроме слова *цаһан* «белый», *хар* «черный», у количественных и порядковых числительных у местоимений, за исключением пары *эврэ* «свой» – *күүнэ* «чужой», собственных имен людей и географических названий: *Бадм* «лотос», *Эрднь* «драгоценность», *Эргин шишмүд* «Эргенинские высоты», *Цаһан нур* «Белое озеро» [4, с. 62-65].

Антонимы содержатся в пословицах, поговорках и загадках, которые были использованы при составлении словарных статей «Калмыцко-русского словаря»: *Хар мис цаһан болдо*, *хуучн иньг өшэтн болдо* (посл.) «Черная кошка не делается белой, старый враг не делается другом»; *Баһар өгснднь үдлдг, икэр өгснднь хондг* (погов.) «Где дают мало, там полдничают, а где дают много – ночуют»; *Өндр шар күүкн өрүн асхн уга мөргэж загадка* «Высокая белолицая девушка кланялась утром и вечером» (*худгин заңһ* – колодезный журавль).

Калмыцкий язык очень богат синонимами и антонимами, которые в полной мере охвачены в словарных статьях анализируемого «Калмыцко-русского словаря» под редакцией Б.Д. Муниева. Изучению синонимии посвящено немало исследований, но еще нет специальных работ, посвященных рассмотрению антонимии в монголоведении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
2. Джамбинова Р.А. К вопросу синонимии в современном калмыцком языке // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. XI. Сер. филологическая. Элиста, 1973. С. 101–109.
3. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология (лексико-семантические процессы и деривация). М.: Наука, 1984. 120 с.

4. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.
5. Каляев О.Л. О стилистических ресурсах синонимии: (на материале калмыц. яз.) // VII Междунар. конгр. монголоведов (Улан-Батор, август 1997). Доклады российской делегации. Улан-Батор, 1997. С. 123–125.
6. Федорова П.Б. Вопросы лексической синонимии: (на материале совр. калмыц. яз.) // VII Междунар. конгр. монголоведов (Улан-Батор, август 1997). Доклады российской делегации. Улан-Батор, 1997. С. 164–165.
7. Монраев М.У. Синонимы в калмыцком языке: из опыта составления словаря синонимов // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: материалы междунар. науч. конф. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 200–203.
8. Монраев М.У. Хальмг келнэ синонимсин толь. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. 4-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 248 с.
11. Шагдарова Д.Л. Антонимические парадигмы в калмыцком и бурятском языках // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. № 5. Спецвыпуск. С. 131–133.

ББК 81.2-3

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

С.Е. Бачаева

Земледельческая терминология изучена недостаточно и не была предметом специального исследования в монголоведении. В данной статье определен состав земледельческой терминологии и даны ее лексико-семантические группы.

Ключевые слова: *земледельческая терминология, зерно, сено, косить, мельница, сортировать, почва.*

Agricultural terminology is insufficiently learned and it wasn't the subject of special investigation in the Mongolian studies. In the given article we define the structure of the agricultural terminology and give its lexico-semantic groups.

Keywords: *agricultural terminology, corn, hay, to mow, mill, to assort, ground.*

В монгольском языкознании большое внимание уделяется терминологии, ее изучению посвящены работы: Т.А. Бертагаева «К исследованию лексики монгольских языков» [1]; Г.Ц. Пюрбеева «Современная монгольская терминология» [2]; Э.Ч. Бардаева «Современный калмыцкий язык. Лексикология» [3] и многих других ученых. Немало научных трудов, посвященных различным узкоспециальным, отраслевым терминологиям: Ц-Д. Номинханова [4], Ц.Б. Будаева [5], Д.Б. Гедеевой [6] и др. Земледельческая терминология редко становилась объектом изучения, нет отдельных исследований в монголистике. Имеются лишь отдельные работы, написанные на бурятском и монгольском материале. Это статьи Д.Г. Дамдинова «О земледельческой терминологии бурятского языка» [7], словарь В.Э. Очир-Горяева «Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (агрономия)» [8].

Иллюстративный материал почерпнут из различных словарей. Основными источниками явились «Калмыцко-русский словарь» под ред. Б.Д. Муниева (М., 1977); «Русско-калмыцкий словарь» под ред. И.К. Илишкина (М., 1964);

«Калмыцко-русский словарь» А.М. Позднеева (СПб., 1911); «Монгольско-русский словарь» К.Ф. Голстунского (СПб., 1893, 1894, 1895); «Большой академический монгольско-русский словарь» под ред. Г.Ц. Пюрбеева в 4 томах (М., 2001–2002), а также газета «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») за 1999–2008 гг.

Земледелие – один из важных видов деятельности человека. С развитием земледелия связано появление многих элементов материальной и духовной культуры.

Земледельческую терминологию можно разбить на следующие лексико-семантические группы: 1) названия зерновых, злаковых, сельскохозяйственных, технических, бобовых культур: **калм.** *буудя* «зерно»; *цаһан һуйрин буудя* «зерно пшеницы»; *тэрэнэ экн* «семенное зерно»; *эрдни-ишии* «кукуруза»; *хар тэрэн* «рожь, озимая рожь»; *зарм* «просо»; *нарн цецг* «подсолнечник»; *һарудын бурчг* «огородные бобы»; *көвң* «хлопок»; *арва, суль* «овес»; *ичмэ* «ячмень»; *тутрһ* «рис»; **монг.** *буудай* «пшеница»; *арвай буудай* «ячмень»; *зэрлэг буудай* «дикая пшеница»; *өвөлжих буудай* «озимая пшеница»; *хаваржих буудай* «яровая пшеница»; *тариан* «зерно, урожай»; *хөх та-*

риа «несозревший хлеб, рожь»; *буурцаг* «горох, бобы»; *хавтгай буурцаг* «чечевица»; *амуу(н)* «просо, пшено, крупа»; *тутарга* «рис»;

2) названия орудий обработки почвы и уборки хлебов: **калм.** *хурвн аагта ценг* «трехрожковые вилы»; *буудя цеврлдг аарх* «веялка»; *буудя хагсадг машин* «зерносушилка»; *булур* «поршень»; *булурин кишлур* «поршевой насос»; *теерм, хуйрин теерм* «мукомольня, мельница»; *хар теерм* «ручная мельница»; *салькн теерм* «ветряная мельница»; *усн теерм* «водяная мельница»; *зер-зев* «орудие, инструмент, инвентарь»; *үүлдврн зер-зев* «орудия производства»; *маажур* «грабли»; *күрз* «лопата»; *мөрн маажур* «конные грабли»; *хар маажур* «ручные грабли»; *хадур* «серб»; *тәрмүр* «сеялка»; *тракторин тәрмүр* «тракторная сеялка»; *чавчур* «тяпка, мотыга»; *шалх* «коса»; **монг.** *тариалангийн багаж* «земледельческий инвентарь»; *тариалангийн зэвсэг* «сельскохозяйственные орудия»; *тариалангийн самнуур* «бороны»; *зэвтү* «мотыга»; *хадуур* «серб, коса»; *гар хадуур* «серб»; *өвсний хадуур* «коса»; *хадуур машин* «сенокосилка»; *тээрэм* «водяная мельница»; *гар тээрэм* «ручная мельница»;

3) названия процессов, связанных с земледелием, с обработкой почвы, севом, выращиванием урожая: **калм.** *ахуллн* «хранение, складирование»; *урһц ахуллн* «уборка урожая»; *ахулх* «убирать»; *буудя цеврлһн* «зерночистка»; *хуйр теермдх* «молотить зерно»; *дарлһн* «силосование»; *эрднн иш һазрт дарлһн* «силосование кукурузы»; *заг завср угаһар халһх* «пахать без огрехов»; *йилһгдх* «сортировать»; *буудя йилһлһн* «сортировка зерна»; *маажурдх* «грести, сгребать (сено)»; *маажх* «оправлять, очесывать (граблями)»; *овалх* «стоговать»; *өвс хадх* «косить сено»; *өвс хадлһн* «сенокосение»; *өвс белдлһн* «заготовка сена, сенозаготовка»; *өвс тәрлһн* «травосеяние»; *өвс оваллһн* «скирдование сена»; *өвс ковьһлх* «копнить сено»; *өвс хурах* «собирать сено»; *теермдх* «молотить, перемалывать»; *хадх* «жать, убирать, косить»; **монг.** *тариа авах* «получать урожай»; *тариа боозлох* «вязать снопы»; *зэвтүүдэх* «мотыжить, копать землю мотыгой»; *аагалах* «провеивать, веять, очищать зерно от шелухи»; *тариалах, тарих* «сеять, заниматься земледелием»; *бухалдах* «ставить копны, копнить»; *өвс бухалдах* «сгresti сено в копны»; *бухаллах* «копнить»; *булдах* «молотить, мять катком»; *хадах* «косить (сено), жать (хлеб)»; *тариа амуушуулах* «толочь зерно».

Появление некоторых земледельческих терминов относится, по-видимому, еще к тому далекому времени, когда нынешние тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки переживали период предполагаемого единства, или праязыкового состояния. Об этом свидетельствует наличие в этих языках общих

земледельческих терминов. К одному из таких общих слов относится слово *тари* «сеять, засеять», **тюрк.** *тары*. О том, что *тари* является древнейшим словом, свидетельствует наличие большого количества производных от этого слова. В бурятском языке: *тарьян* «хлеб, посев, урожай», *тарилга* «посевная компания», *улан тарьян* «пшеница», *хара тарьян* «ярица или яровая рожь», *тарьянай газар* «поле, пашня» [9, с. 53].

В калмыцком и монгольском языках от него образована целая группа слов при помощи аффиксального и лексико-семантического способов словообразования: **калм.** *тәрән* «хлеб, хлеба, зерно, посев»; *тәрэ цокх* «молотить хлеб»; *тәрэ хадх* «жать хлеб»; *тәрэ хуралһн* «уборка хлеба»; *тәрэнэ көдлмиш* «хлебопашество, полеводство»; *тәрэнэ* «посевной, полевой»; *тәрэ ахулһна гүргү* «хлебоуборочная компания»; *тәрэнэ ажлын бригад* «полеводческая бригада»; *тәрэнэ көдлмиш* «полевые работы»; *тәрлһн* «сев, посев»; *тәрэ тәрлһнэ орн-нутг* «аграрная страна»; *тәрмр өвсн* «засеваемая трава»; *тәрмр өвс бордлһн* «подкормка засеваемых трав»; *тәрэ тәрсн һазр* «засеянное поле»; *тәрх* «сеять, засеивать»; **монг.** *тариа булдах* «молотить хлеб каменным катком»; *тариа гарах* «всходить (о посевах)»; *тариа тарих* «сеять хлеб, заниматься земледелием»; *тариалал* «посев»; *тариалан* «земледелие»; *газар тариалангийн мэргэжил* «агрономия»; *тариалах газар* «плантация»;

4) названия работников-земледельцев: **калм.** *теермч* «мельник»; *хаһлач* «пахарь»; *хадач* «косарь»; *цуунгч* «свекловод»; *эрднһишч* «кукурузовод»; *өвс хадач* «косарь»; *тәрэч* «земледелец, хлебороб, сеяльщик»; **монг.** *тариа хадагч* «жнец, жница»; *тариа цохигч* «молотильщик»; *тариаланч, газар эдлэгч* «хлебороб, земледелец»; *хадуурч* «косарь, косец, жнец»;

5) названия растений и отходов хлебных злаков: **калм.** *буудян культурумд* «зерновые культуры»; *баал* «валки (сена)»; *боодг, боодһа* «сноп»; *буудян шаг* «зерновые отходы»; *дарц* «силос»; *ова* «куча»; *ова салом* «куча соломы»; *овалһата, овалгдсн өвсн* «застогованное сено»; *өвсн* «сено»; *тәрэнэ иш* «солома»; **монг.** *бухал* «копна, стог»; *аага* «отруби»; *тарианы болт* «сноп»; *тарианы гуурс* «солома»; *тарианы бухал* «копна из 10–15 снопов (крест)»;

6) наименования продуктов земледелия и национальных блюд: **калм.** *хуйр* «мука»; *бүдинэр теермдсн цаһан хуйр* «пшеничная мука грубого помола»; *боорцг* «борцаг (лепешка, изжаренная на масле)»; *урһмлын тосн* «растительное масло»; *теермдсн цаһан хуйрин буудя* «молотая пшеница»; *өдмг* «хлеб»; **монг.** *буудайн гурил* «пшеничная мука»; *буурцгийн шөл* «гороховый суп»; *агармаг* «черная гречневая

мука»; *бэрээсий* «рисовый пудинг», кутья»; *тарианы тос* «растительное масло»; *талх* «хлеб»;

7) названия огородных, бахчевых культур и пряных растений: **калм.** *зер-земли* «фрукты»; *мәңгсн* «лук»; *тарвс* «арбуз»; *хаяр* «огурец»; *бодниц* «картофель»; *буриш* «перец»; *хавг* «тыква»; *сәрмсг* «чеснок»; *луувң* «морковь»; *адамч* «помидор»; *һу* «дыня»; *альмн* «яблоко»; *кедмн* «груша»; *шар өрг* «абрикос»; **монг.** *жимсн* «плоды, фрукты, ягоды»; *алим* «яблоко»; *зэрлэг сонгино* «алтайский лук»; *халиар* «лук черемша»; *төмс* «картофель»; *сармисаг* «чеснок»; *хулу* «тыква»; *буриш*, *повари* «перец»; *гүйлс* «абрикос».

В языке монгольских народов сохранились названия съедобных растений, корней, плодов, ягод. Теперь многие из этих растений стали культурными. Дикий лук репчатый назывался *сонгино* // *һонгино*, а теперь так называется лук репчатый (культурное растение): **бур.** *һонгино*, **монг.** *сонгино*, **калм.** *songin*. Повсеместно распространенное слово *мангир* «дикий лук» (о многолетнем луке) обычно употребляется в значении лука вообще: **бур., монг.** *мангир* [9, с. 52];

8) названия типов почвы, обрабатываемых участков земли и помещений для хранения зерновых культур, сена: **калм.** *буудя хадһлдг һазр* «зернохранилище»; *һазр* «земля», грунт»; *улан шавр* «краснозем»; *хар һазр* «черные земли»; *шавр* «глина»; *дарцин нүкн* «силосная яма»; *һазрин көрсн* «почва, кора земли»; *дәвтнә* «пласт»; *һазрин дәвтнә* «пласт почвы» (при вспашке); *дулалц* «теплица»; *өвс хадһлдг һазр* «сеновал»; *өвс хадһлна һазр* «сенокосные угодья»; **монг.** *газар* «земля, почва, грунт»; *зээлүд газар* «пустошь»; *атл газар* «степь»; *үржил шимтэй газар* «плодородная земля, жирный чернозем»; *хар газар* «чернозем»; *шавартай газар* «суглинистая земля»; *лаг шавартай газар* «илистая почва»; *тариалангийн газар* «пашня, нива»; *хагалалт* «пашня, пахота»; *амуу тариана сан* «зернохранилище»;

9) названия сорняков и вредителей растений: **калм.** *курн* «хорек»; *дэрү* «пырей»; *буг өвсн* «сорняк»; *хорта урһмл* «ядовитые растения»; *сохр номн* «крот»; *гүр* «моль»; *царцаха* «саранча»; *ораңу* «повелика»; **монг.** *тариа хөөгч* «хлебная кобылка, серая саранча»; *тарианы хорхой* «хлебный жучок»; *үрэлж цох* «жук зерновка бобовая»; *хиаг* «пырей»; *хөг ургамал* «сорняк»; *царцаахай* «саранча»;

10) названия, связанные с анатомией растений: **калм.** *уңг* «корень»; *уңгин диглән* «корневая система»; *урһмлын сахл* «ость (у злаков)»; *иш* «стебель»; *хамтхасн* «лист»; *цеңг* «цветок»; *ишиә* «початок»; *урһмлын чачр* «зонтик»; *эһн* «семя»; *тәрәнә толһа* «колос злака»; **монг.** *тарианы түрүү* «колос»; *навч* «лист»; *цэцэг* «цветок»;

иш, *шилбэ* «стебель»; *үндэс* «корень»; *түрүү, залаа* «початок»;

11) Термины, связанные с удобрениями и ядохимикатами: **калм.** *азотн шимткәл* «азотные удобрения»; *амидн шимткәл* «амидные удобрения»; *бәәрн шимткәл* «местные удобрения»; *көвлдгсн шимткәл* «гранулированные удобрения»; *шимткәл* «удобрения»; *шү* «селитра»; *хорн* «яд»; *хорта химикат* «ядохимикаты»; *үмсн* «зола»; *өтг* «навоз»; **монг.** *хор* «яд, отравы»; *догшин шүү* «селитра»; *химийн хорт бүтээгдэхүүн* «ядохимикаты»; *бордох* «удобрения»; *минерал* (*эрдэс*) *бордо* «минеральные удобрения».

В результате быстрого развития сельскохозяйственной науки и техники калмыцкий и монгольский языки обогащаются новыми сельскохозяйственными словами, заимствованными из русского языка: *механизац, комбайн, комбайнер, элеватор, трактор, тракторист, агроном* и многими другими. В формировании сельскохозяйственной терминологии участвуют как внутренние, так и внешние источники. Классификация выявленной терминологии показывает, что в настоящее время калмыки и монголы занимаются полеводством, бахчеводством, огородничеством.

Предки калмыков и монголов были кочевниками и издревле занимались животноводством, поэтому в этих языках развитая, богатая животноводческая терминология, сельскохозяйственная терминология немного беднее и требует специального дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961. 159 с.
2. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. М.: Наука, 1984. 120 с.
3. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985. 153 с.
4. Номинханов Ц.-Д. Названия частей тела человека в тюрко-монгольских языках // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 193–204.
5. Будаев Ц.Б. О флористической терминологии: (на материале бурят., монгол. и калмыц. яз.) // Тр. БКНИИ. Сер. востоковедная. Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. С. 80–88.
6. Гедеева Д.Б. Правовая лексика в языке Джангар // Джангар и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990. С. 241–242.
7. Дамдинов Д.Г. О сельскохозяйственной терминологии бурятского языка // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, С. 100–108.
8. Очир-Горяев В.Э. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (агрономия). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990.
9. Дамдинов Д.Г. О сельскохозяйственных терминах в монгольских языках // Исследования по восточной филологии. М.: Гл. ред. вост. лит., 1974.

ББК 83.3(0)9

**СУТРА, ИМЕНУЕМАЯ «СПОСОБНАЯ УСМИРИТЬ И ПОДАВИТЬ ЗЕМЛЮ И ВОДУ»
(GAZAR USUNI NOMOGODXON DARÜÜLÜN ČIDAQČI KEMEKÜ SUDUR)
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н.Д. КИЧИКОВА (1901–1986)**

Д.Н. Музраева

Исследование проведено при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009–2011).

В статье представлены результаты исследования ойратской рукописи из коллекции известного буддийского священнослужителя Калмыкии Намки Долдушевича Кичикова. Сочинение *Gazar usuni nomogodxon darüülün čidaqči kemekü sudur* имеет отношение к древнему культу Белого старца (Цаган аав, Цаган авга), уходящему своими корнями в добуддийские верования калмыков.

Ключевые слова: *буддизм, ойратские рукописи и ксилографы, Белый старец, калмыки.*

The paper presents the Oyrat manuscript *Gazar usuni nomogodxon darüülün čidaqči kemekü sudur* from the collection of the well-known Buddhist monk of Kalmykia Nam-mkha' Kichikov (1901–1986). The text is devoted to the White Old Man cult.

Keywords: *Buddhism, Oyrat xylographs and manuscripts, the White Old Man, the Kalmyks.*

Калмыки на протяжении столетий исповедуют буддизм. Многочисленные образцы буддийской литературы на тибетском и ойратском языках имели хождение в среде священнослужителей и верующих мирян. В настоящее время эти тексты сосредоточены в разных коллекциях Калмыкии. Одна из них – это собрание тибетских и ойратских рукописей и ксилографов, принадлежавших калмыцкому гелюнду Намке Долдушевичу Кичикову. Он хорошо известен в Калмыкии как знаток тибетской медицины, получивший образование в буддийской академии Цанид Чёёря. Большая часть этой коллекции хранится в Кетченеровском общественном музее. Основу коллекции составляет личная библиотека Н.Д. Кичикова. Помимо этого, в ней представлены тексты, принадлежавшие разным владельцам. Среди них были астрологи (*зурхачи*), специалисты, практиковавшие тибетскую медицину (*эмчи*), *багиши* (*гелюнди*), совершавшие ежедневные обряды. Очевидно, эти тексты после кончины их владельцев передавались родственниками на хранение Намке Кичикову. Всего в коллекции насчитывается 23 свитка, в каждом из которых от одного до нескольких десятков отдельных сочинений. В самих текстах имеются утраты: многие титулы отсутствуют, нет начальных листов и окончаний сочинений, что усложняет их идентификацию.

Анализ состава и содержания этих источников показал, что среди них имеются хорошо известные сочинения из сводов Ганджура и Данджура. Помимо этого, встречаются неканонические сочинения. Среди канонических сочинений своей многочисленностью выделяется «Алмазная сутра» («Ваджрархедика» или «Дорджи Джодва» от тиб. *rdo-rje gcod-pa*), представленная как тибетскими ксилографами и рукописными копиями, так и версиями на ойратском «ясном письме» (*тодо бичиг*).

В числе этих источников есть и такие образцы, которые создавались в период подъема просветительской, переводческой деятельности калмыцкого буддийского духовенства в конце XIX–начале XX века – к примеру, тексты из разряда «Пророчеств о будущем», тексты, связанные с принятием Прибежища и др. [1].

Среди известных сочинений можно перечислить такие, как «Сутра Махаяны «Тарпа Ченпо», или «Великий освободитель» (тиб. *'Phags-pa thar-pa chen-po yongs-su rgyas-pa zhes bya-ba theg-pa chen-po'i mdo*), «Сутра Золотого блеска» (тиб. *'Phags pa gser 'od dam pa mdo sde'i dbang po'i rgyal po zhes bya pa theg pa cen po'i mdo*, ойр. *Xutuqtu dēdū altan gerel suduriyin aimagiyin erketu xān kemēkū*), «Сутра Махаяны «Ценд Аюш» (тиб. *'Phags-pa tshe dang ye shes dpag-tu med pa zhes-ba-ba theg-pa chen-po'i mdo*), «Сутра Махаяны «Камчу Нагпо» (тиб. *'Phags-pa kha-mchu nag-po zhi-bar byed-pa zhes-ba-ba theg-pa chen-po'i mdo*), «Сутра о промежуточном состоянии «бардо» (ойр. *Zuurdiyin sudur orosiboī*), фрагмент из «Праздника парамиты в восемь тысяч шлок» (тиб. *br-Gyad stong pa*), «Сутра сердца Праздника парамиты» (тиб. *bCom ldan 'das ma shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i snying po bzhugs*) и др. Широко представлена обрядовая и культовая литература, в которой описываются различные обряды, посвященные божествам буддийского пантеона. Вместе с тем в коллекции обнаружены тексты, имеющие отношение к древнему культу Белого старца¹ (Цаган аав, Цаган авга), уходящему своими корнями в добуддийские верования калмыков. Одним из таких текстов является список известного ойратского сочинения *Gazar usuni*

¹ Рукопись на тодо бичиг, малого (20×9 см) формата, текст записан синими чернилами, ручкой на сброшюрованных тетрадных листах в линию, 5 л., текст полный, 17–19 строк на странице.

nomoyodxon dariiülün cidaqči kemekü sudur («Сутра, именуемая «Способная усмирить и подавить землю и воду»), хорошо известного в монголоведении под кратким названием «Сутра Белого старца». Прочтение некоторых фрагментов текста вызвало затруднения в силу особенностей почерка, заметного отхода от графики и орфографии классического ойратского «ясного письма» (*тодо бичиг*), что, впрочем, весьма характерно для большинства списков (копий), выполненных калмыцкими буддийскими священнослужителями в XX веке.

В литературе не раз отмечалось, что в сутрах, посвященных культу Белого старца (тиб. *rgan-po dkar-po*), он представлен хозяином земли, лесов, рек, а также «хозяином скота». Белый старец является одним из самых популярных персонажей тибетского Цама (его маска изображает старика с длинной белой бородой и усами). Согласно преданию, он живет на свете миллион лет; к нему обращаются как к подателю жизни и жизненной силы. По мнению тибетцев, Белый старец дарует долголетие, богатство, а также своевременно посылает дождь. Изображение его вешали у входа в храмы и называли его божеством «черной веры». В Непале он называется Ми-це-ринг (тиб. *mi tshe-ring* «Долго живущий человек»). Считается, что тот, к кому он прикоснется своим посохом, будет жить вечно [2].

В исследованиях, посвященных Белому старцу, он рассматривается как персонаж общемонгольского буддийского пантеона, чрезвычайно популярный у калмыков [3], раскрываются особенности его иконографии [4], отмечается синкретизм образа, культ которого широко распространен среди народов Восточной и Центральной Азии [5]. В перечисленных работах приводятся цитаты из текстов, посвященных культу Белого старца, либо указывается на существование их списков в различных коллекциях, либо упоминаются тексты, о которых писали ранее А.М. Позднеев, Н.Н. Поппе, В. Хайссиг, А. Шаркёзи и другие монголоведы, но не рассматриваются сами тексты.

Н.Н. Поппе, описывая коллекцию монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения, тексты культа Белого старца выделил в отдельный раздел [6]. В нем приводятся названия таких сочинений, как «Сутра по названию могущая укротить и подавить землю и воду» (монг. *Gazar usun-i nomoyadخان daruyulun čidaqči kemekü sudur*), «Сутра по названию Белый старец» (монг. *Čayan ebügen neretü sudur*), «Сутра курения Белому старцу» (монг. *Čayan ebügen-ü sang-un sudur*) и некоторые другие, в которых содержится легенда о том, как во время прогулки Будды с учениками на горе *Jimeslig* им повстречался старик в белой одежде и с посохом, имеющим голову дракона. «На вопрос, почему он здесь находится, он отвечает, что он может подавить и обуздать всех хищных животных и хозяев земель, что он господин всего и может дать счастье, а дурным людям страдание. Будда поймал его на этом слове и приказал ему действовать, как тот сказал» [7].

Известно, что с культом почитания Белого старца (монг. *Čayan Ebügen*), одного из наиболее популярных божеств мифологии монгольских народов, изображение которого непременно присутствует в монастырях, связаны два типа текстов [8]. Первый включает псевдобуддийскую историю, рассказывающую о том, как Белый старец получил задание от Будды помогать живым существам. По мнению исследователей, эта легенда служит трансформации древнего образа в один из персонажей буддийского пантеона. Другой тип сочинений этого культа представляет собой описание различных обрядов, предназначенных Белому старцу. Один из текстов обряда воскресения в честь Белого старца (*Čayan Ebügen-ü sang*) был опубликован А. Шаркёзи [9]. На основе текстологического анализа она пришла к мнению, что этот текст изначально состоял из двух разных сочинений, позднее соединенных в одно. Первая часть представляет собой молитву, обращенную к Белому старцу, составленную в стихотворной форме, в которой его призывают к месту совершения обряда; она практически совпадает с текстом, опубликованным ранее В. Хайссигом [10]. Вторая прозаическая часть включает слова, приписываемые самому Белому старцу, – своего рода его собственное представление себя [11].

Попытка классифицировать тексты, посвященные Белому старцу, предпринята японским ученым Хироши Футаки [12]. Им были проанализированы тексты на монгольском и ойратском «ясном письме», хранящиеся в Санкт-Петербурге, Кызыле, Улан-Баторе, Хух-Хото, а также привлечены тексты, опубликованные А.М. Позднеевым, В. Хайссигом, А. Шаркёзи. Он выделил девять типов наиболее распространенных молитв-обращений к Белому старцу, среди них:

А – обращение, составленное Мерген-гегеном;

А1 – вариант типа А с дополнительными стихотворными вставками;

Б – обращение, имеющее тибетский эквивалент;

Б1 – вариант типа Б с дополнительными стихотворными отрывками сельскохозяйственного характера;

В – псевдобуддийская сутра;

В1 – вариант типа В с некоторыми стихотворными отрывками из типа Б;

Г – молитва, связанная с культом гор Вутай;

Д – рукопись для освящения, использовавшаяся бурятами;

Е – обращение, использовавшееся ойратами [13].

Так же, как и А. Шаркёзи, Х. Футаки подчеркивает уникальность псевдобуддийской формы текстов, выделенных им в разновидность **В**. Автор характеризует этот тип текстов, представляющих собой диалог между Буддой и Белым старцем, составленный в традиции буддийских сутр, как очень популярный среди ойратов. Он не соглашается с мнением В. Хайссига относительно времени созда-

ния этого памятника (т.е. до переселения ойратов на запад), поскольку считает, что запись «ясным письмом» «не обязательно указывает на то, что текст был составлен до ойратского переселения», – и продолжает: «Так как территории ойратов непосредственно прилегали к территориям монголов, тексты на монгольском языке в любое время могли быть легко трансформированы в тексты на «ясном письме» [14]. Оба мнения имеют основания, поскольку, на наш взгляд, ойратские списки могли быть выполнены и до, и после переселения ойратов на берега Волги. Возможно, в том, что монгольские тексты легко перекладывались на ойратское «ясное письмо», о чем неоднократно писали исследователи, заключается одна из причин наличия в подобных текстах большого количества ошибок (графических, орфографических и др.).

Среди материалов по этнографии и фольклору калмыков, хранящихся в архиве Евангелической братской общины (г. Хернхут, Германия), находятся образцы старописьменных текстов, имевших хождение среди калмыков Астраханской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века, т.е. во времена существования евангелической братской общины в Сарепте (1765-1892) [15]. Среди фольклорных записей Э. Таубе отмечает «маленький трактат о Белом старце и так называемое «Учение, способное примирить и покорить землю и воду» [16].

В статье Б.А. Бичеева, затрагивающей проблему адаптации буддизмом традиционно-культурного персонажа добуддийских верований монгольских народов – Белого старца (Цаган эбуген), отмечается важная роль посвященных ему текстов. Одним из них является «Сутра Белого старца», широко распространенная в среде монголоязычных народов. В приложении автор опубликовал факсимиле одного из ойратских списков сутры, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия [17].

Другой список ойратской сутры, именуемой *Gazar usuni nomoyodxon darulun čidaqči neretü suduri*, опубликован Н.О. Кокшаевой и Т.В. Цебековой [18]. В статье также приводятся фрагменты сутры, сопровождаемые переводами.

Полевые исследования последних лет показывают, что в среде калмыцких верующих наблюдается особое отношение к образу Белого старца. Существуют тексты (своего рода машинописные «памятки»), в которых содержится информация, что «калмыцкий календарь имеет специальные даты – дни Белого старца (2, 16-е числа каждого лунного месяца). В эти дни верующим рекомендуется проводить обряд кропления Цацл «для очищения скота и имущества». В них также имеются краткие сведения о том, что «калмыки особо почитают Белого старца как Покровителя Вселенной (Делкян Цаган аав), Хозяина года (Джилин эзн)», приводится мантра Белого старца:

«Ом намо Сулу туму дока Тулу тун
Ом Тулу Тулу дия суха ха ха ха».

Упоминается также и ойратская «Сутра о Белом старце», в «которой рассказывается о его встрече с Буддой. Считается, что тот, кто эту книгу переписшет, приобретет, покажет другим, прочтет, – обретет бесчисленные заслуги. А тот, кто прочтет семь раз, избавится от болезней» [19].

В данной статье мы приводим текст рукописи *Gazar usuni nomoyodxon dariüülün čidaqči kemekü sudur* из коллекции Н.Д. Кичикова [20]. В публикации дана транслитерация ойратского текста, а также подстрочный русский перевод. Для прояснения неясных мест, выявления пропусков в рассматриваемом списке сутры мы обращались к переводу, опубликованному А.М. Позднеевым [21], а также к текстам ойратских списков, опубликованным в статьях Н.О. Кокшаевой [22] и Б.А. Бичеева [23].

Gazar usuni nomoyodxon dariüülün čidaqči kemekü sudur

Транслитерация²

[1b]

- (1) *Namo guru Manyju*
- (2) *γazar usuni nomoyō-*
- (3) *dxada dariüülün cid-*
- (4) *qčiy kemekü sudur:*
- (5) *Xamoq burxan bodiy*
- (6) *sado-narati mörgümüi:*
- (7) *eyin kemen mini*
- (8) *sonosoqsan nigen caqtü:*
- (9) *ilyon tögüsün üleqsen*
- (10) *Anadan kegēd ayxa*
- (11) *takilimiγ bodiy sado*
- (12) *yeke auvaraq [=xuvaraq]-luγa*
- (13) *xamtü zemisetü kemekü*
- (14) *uuldü yobobai::tere*
- (15) *caqtü nege öbügön*
- (16) *nasoni caqtü kürüqsan:*
- (17) *saxal uson yekede*
- (18) *cāyiqsan caγan debel*

[2a]

- (1) *ümüüsüsan: γaretan*
- (2) *kliin toloyoyitaoi tayak*
- (3) *bäreqsan: tere mete*
- (4) *nige öbügön küümüni*
- (5) *üzeqsen-dü: üzäd*
- (6) *saca ilyon tögüsüqsen*

² Транслитерация ойратского текста приводится с точным соблюдением орфографии подлинника, в котором встречается много ошибок. Отдельные фрагменты, в силу особенностей почерка переписчика, нюансов графической системы, которой он придерживался, наличия пропусков слов, отсутствия пунктуационных знаков, трудно переводимы. В квадратных скобках мы даем транслитерацию восстановленных вариантов слов. Подчеркиванием выделены случаи ошибочного написания букв.

- (7) *zarlıq bolbai: çi yüüni*
 (8) *ezen büi: yüüni tula*
 (9) *yaqcar ene üüldü*
 (10) *aqsan büi: kemeqsndü:*
 (11) *öbögün uçir şiltu*
 (12) *bēn aildxaba: ilayon*
 (13) *tögüsün ülüqsen büroxn:*
 (14) *bi ene zemisatai kemekü*
 (15) *üüldü yoboqsan büi: dere*
 (16) *tenggeriyin ezen doro*
 (17) *yazariyin ezen kigēd*
 (18) *üüldü oršideq büi:*

[2b]

- (1) *doqšin gürösün xorotu*
 (2) *moyoi kigēd kümün*
 (3) *ämitin yazarin ezen:*
 (4) *xütulan ezen sakuiusun*
 (5) *xorin dörbün zügiyin*
 (6) *sagüüsün: bi xamüq ād*
 (7) *tüdxüryin ezen mön:*
 (8) *töüniy bi čidaxü: uula*
 (9) *kigēd yzar üson taal*
 (10) *ködö bügüdeyin xaān bi*
 (11) *terē kigēd kümün*
 (12) *ger mal tedeni xān bi*
 (13) *süme kigēd xotu*
 (14) *balyadiyin nomiyn sagüüsün*
 (15) *biy yerton jiyin*
 (16) *kümüniy nasün axür*
 (17) *urtui-gi bi medemüi*
 (18) *biyin säyin üyile*

[3a]

- (1) *üüskükü: ecige ekēn*
 (2) *ači xrlüxü: yo/urban³*
 (3) *erdeni kündülen takixü:*
 (4) *tere amitni bi: xüyyür*
 (5) *šine arban zuryan-dü*
 (6) *büauji [=buuji] ergeji yabüxü*
 (7) *bi kigēd xüluyünan*
 (8) *ödöriyin jil xüyyür*
 (9) *tüüli ha ra ha ra čidker*
 (10) *kigēd dērmečiyin ezen*
 (11) *yaliyin tenggeri-lüge*
 (12) *bi nökööd bülüji:*
 (13) *kümüni büyin kilence*
 (14) *üledüqsen bügüdeyi*
 (15) *bi tülüxü bičikü:*
 (16) *kerbi doqšin-yer*
 (17) *amitan yoboxü bi::*

- (18) *ecige ekeyin ülü kündül-*
 (19) *küi: müü sedkil-yer*

[3b]

- (1) *yurban erdeni-yi*
 (2) *ülü takixü: xamüq*
 (3) *müü xara nüüliy üüle-*
 (4) *düqči: tede bügüdeyig*
 (5) *möčin odor tniy kürtle:*
 (6) *tngeri düqšin arši*
 (7) *kigēd bičin kraq büüqüči*
 (8) *töüni yazar üsün kigēd*
 (9) *doqšin kreq müü ongyon*
 (10) *yesün odon: tabün*
 (11) *doqšin klü: šoroyin*
 (12) *tenggerei yazar üsani*
 (13) *ezen: aüya bi yazar*
 (14) *üsünü öbügün bi azaal?*
 (15) *yazar üsani ezen*
 (16) *bi: xütü geriyin xorin*
 (17) *dörebian yazar üsünü*

[4a]

- (1) *ād tüdxqor [=todxor]-lüge*
 (2) *nökücüqči tiyimi*
 (3) *üül kilencitei:*
 (4) *amitni amin-dü züün*
 (5) *züyil ād tüdxür*
 (6) *kigēd xülüyačiy bi:*
 (7) *kelen amin aliba*
 (8) *yala kigēd: müü züüden*
 (9) *teyime iyyile-yi xüra*
 (10) *mete oroüxü [=oroulxu] bi:*
 (11) *xüdüldadü aşıq tüsa*
 (12) *ügei ēd ayüürsun*
 (13) *maldü xür xürümči*
 (14) *müü zobolonggi bi*
 (15) *ökü: yazar üsünü*
 (16) *xān eyin kemen ayilid-*
 (17) *xbai: ilyon tügüsü-*
 (18) *qsen bürxan zarlıq*

[4b]

- (1) *bolboi: säyin säyin*
 (2) *izüürtniy küböün*
 (3) *ā či [mini] ömönö abün [aman]*
 (4) *abaji: xamüq amitni*
 (5) *tusalan sakiy: alibi*
 (6) *kümün ene nomi bičikü*
 (7) *abaxu: kümün-dü üzüülkü*
 (8) *ungšixü öüniy ači*
 (9) *tüsan ini: tü ügüi*
 (10) *caqlšiy ügei yeke bolüyyü::*
 (11) *yambar ba ebečin-dü*
 (12) *öoniy dülünto ungšixül*
 (13) *tere ebečin-ece ötör*
 (14) *tonilxü boloyü: ilyon*
 (15) *tögüsüqsan burxan teyin*

³ В написании некоторых гласных букв встречаются заметные отличия от классического *тодо бичиг*. К примеру, в слове *yurban* гласная в первом слоге пишется как *o*, но имеет дополнительный диакритический знак (черту слева), как в написании гласной *u*, поэтому мы сочли возможным дать транслитерацию этой графемы как *o/u*.

(16) *kemen zarliq bolboi::*

(17) *kemen tarenii nom*

[5a]

(1) *öğüülebei: šölü*

(2) *tomü om tük tolü*

(3) *sa ya sva ha ? ene*

(4) *tarnii ilyon togü-*

(5) *soqsen teyin kemen*

(6) *zarliq boloqsdü:*

(7) *γazar osuni xamüq*

(8) *saküiso/un bayasca-?*

(9) *xäjiy ailyn ben*

(10) *xabasarjiy zalbi-*

(11) *rabay: ken sozüq*

(12) *tügüsüsād ene*

(13) *nümai-yi xamüq*

(14) *amitan takixola*

(15) *ād ebečin xamüq*

(16) *müü irögi ügei*

(17) *bolüxü: ger tergen*

(18) *adüüsün-dü kir ügei*

[5b]

(1) *biy: tengger asür*

(2) *kandir ba negen xamüq*

(3) *yiretejis bayasajiy:*

(4) *iliyon tögüsün*

(5) *ülüqseni zareligi*

(6) *ilerekiy maqtabai::*

(7-9) [*Om ta ni pad me hum...*]

Сутра, именуемая «Способная усмирить и подавить землю и воду»

Перевод⁴

[1b]

(1) Поклоняюсь учителю Манджушри

(2-4) Сутра, именуемая «Способная усмирить и подавить землю и воду».

(5-6) Поклоняюсь всем Буддам и бодхисатвам.

(7-8) Так мною было услышано однажды.

(9-12) Ушедший с победой (Бхагаван) с Анандой, странствующими монахами, а также бодхисатвами, великими хувараками (монахами)

(13-14) вместе пребывали на горе под названием Плодовая. В это

(15-16) время один старец, достигший срока жизни,

(17-18) [чья] борода и волосы [были] очень белыми, в белый халат

⁴ В тексте перевода в квадратных скобках приводятся дополнительные поясняющие слова, в круглых скобках даны варианты перевода. Чтобы сделать перевод более понятным, мы посчитали возможным давать его не построчно (в оригинале одна строка может состоять из 1-3 и более слов), а объединять в переводе сразу несколько строк.

[2a]

(1-6) облаченный, в руках державший посох с навершием [в виде] дракона, – подобного этому старца увидели. Увидев, тотчас же Ушедший с победой (Бхагаван)

(7-8) изрек: «Хозяином чего ты являешься? Почему

(9-10) в одиночку на этой горе пребываешь?» – когда спросил,

(11-15) старик причины и доводы изложил: «Ушедший с победой Будда! Я пребываю на этой горе, именуемой «Плодовая». Сверху –

(16-18) Хозяин небес, снизу – Хозяин земли, а также живу в горах.

[2b]

(1-4) Свирепых зверей, ядовитых змей, а также людей, живых существ, хозяев земли, – всего [сущего] хозяин-покровитель.

(5-7) Двадцати четырех направлений хранитель. Я всех злых духов, препятствий воистину хозяин.

(8-9) Я способен одолеть их. Гор, а также земли, воды, степи,

(10) пустынной местности, – всего царем (ханом) [являюсь] я.

(11-12) Их, а также людей, их жилищ и скота царем (ханом) [являюсь] я.

(13-14) Храмов и поселений, городов, учения (книг) покровитель я.

(15-17) Сроку жизни людей этого мира [быть] коротким [или] длинным решаю (зд. знаю) я.

(18) Благие деяния тела

[3a]

(1-3) пробуждать, родителям за благодеяния воздавать, Три драгоценности почитать, делать подношения, –

(4-6) живущих так существ, спустившись второго и шестнадцатого числа, я стану обходить.

(7-8) А также в день мыши [...]

(9-12) чуткер⁵ [...], а также хозяина разбойников, огненного тенгрия сделав помощниками,

(13-15) добродетели и грехи людей, – все, что совершили, я [буду] подсчитывать и записывать.

(16-17) Если живые существа живут свирепостью, родителей не почитают, [из-за] скверных мыслей

[3b]

(1-2) Трем драгоценностям не поклоняются, совершают все

(3-5) скверные черные грехи, – всех их вплоть до дня обезьяны

(6-7) тенгрий, свирепый арши (подвижник) запишут. Краг [...]

(8-13) его земля и вода, а также свирепый краг, скверный онгон (идол), девять звезд, пять свирепых

⁵ Чуткер (зд. ойр. čidker) – в мифологии монгольских народов злой дух. См.: Мифы народов мира. Кн. 2. М., 1994. С. 634.

драконов, тенгрий земли, хозяин земли и воды.

(14) Я великий старец земли и воды. [...]

(15-17) Я земли и воды хозяин. Поселений, жилищ двадцати четырех земель и воды.

[4a]

(1-3) Жизням живых существ, пристрастившихся к препонам, [совершающих] такие деяния-прегрешения,

(4) сто видов препятствий сотворю, а также воровством и

(6-8) речами совершаемое какое-либо преступление [против] жизни, –

(9-10) такие деяния я нашлю подобно дождю.

(11-15) В торговле выгоды не будет, имуществу, животным, скоту вред (*здесь* яд), ужасные страдания я ниспошлю (*здесь* дам). Земли и воды

(16-17) царь (хан)», – так произнес. Ушедший с победой (Бхагаван)

(18) Будда изрек:

[4b]

(1-2) «Хорошо, хорошо. О, высокородный сын!

(3-5) ты мне [слово] дай, всем живым существам оказывая помощь, охраняй (покровительствуй).

(6-10) Если какой-либо человек это учение (книгу) переписшет, возьмет, покажет людям, прочтет, то польза от этого будет неисчислимо, неизмеримо великой.

(11-12) Если семь раз прочитать эту [книгу] от какой-либо болезни,

(13-17) от этой болезни скорейшим образом избавитесь», – Ушедший с победой (Бхагаван) Будда так изрек.

(18) Такие тарни

[5a]

(1-6) произнес: «Шолу тому ом туг толу са йа сва ха», – когда эти тарни изрек Ушедший с победой (Бхагаван),

(7-11) все покровители земли и воды возрадовались, сложив ладони, стали молиться.

(12-13) Те, кто преисполнен веры, если все живые существа станут почитать это учение,

(14-18) все препоны и болезни избавят от плохих предзнаменований, дома, телеги (транспорт), животные очистятся.

[5b]

(1-3) Тенгрии, асуры, кандари (гандхарвы) все вместе возрадовались,

(4-6) речам Ушедшего с победой (Бхагавана) стали явно возносить хвалу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

И ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., напр.: Музраева Д.Н. К проблеме идентификации безымянной рукописи на кириллице из коллекции

Бага-Чоносовского хурула // Научная мысль Кавказа, 2008, № 4. Ч. 2 (57). С. 14–18.

2. Сидоров С. Буддизм: история, каноны, культура. М., 2005. С. 371–372.

3. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003. С. 97–100.

4. Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX в. М.: Наука, 2005. С. 118–129.

5. Кукеев А.Г. О синкретическом образе Цаган Аав // Философия и проблемы гуманитарного образования в условиях обновления общества: материалы регион. науч.-практ. конф. (17 февраля 2006). Элиста, 2006. С. 114–121.

6. Поппе Н.Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Записки Института востоковедения Академии наук. Т. 2, вып. 1. Л., 1934. С. 186–188.

7. Там же. С. 187.

8. Sárközi A. Incense-offering to the White Old Man // Documenta Barbarorum. Wiesbaden. 1983. P. 357–369.

9. Там же. С. 357–369.

10. Heissig W. Mongolische Volkreligiöse und Folkloristische Texte. Wiesbaden. 1966. P. 129–137. Цит. по: Sárközi A. Incense-offering to the White Old Man // Documenta Barbarorum. Wiesbaden. 1983. P. 357.

11. Sárközi A. Указ. соч. С. 357–358.

12. Футаки Х. Классификация текстов о Белом старце // Mongolica-V. СПб., 2001. С. 33–37.

13. Там же. С. 34.

14. Футаки Х. Цит. соч. С. 36.

15. Таубе Э. Известные материалы по этнографии и фольклору калмыков // Обычаи и обряды монгольских народов. Элиста, 1980. С. 122–125.

16. Там же. С. 124.

17. Бичеев Б.А. «Сутра Белого Старца» (К проблеме адаптации культового персонажа «черной веры») // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность (к 350-летию ойротской письменности): материалы Междунар. науч. конф. (5–7 октября 1998 г., г. Горно-Алтайск). Горно-Алтайск, 1999. С. 268–274.

18. Кокшаева Н.О., Цебекова Т.В. Описание культа Белого Старца (по сутре *Gazar usuni nomoyoxon darulun čidaqči neretü suduri*) // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 405-летию со дня рождения выдающегося просветителя Зая-Пандиты Намкай Джамцо (г. Элиста, 20–21 октября 2004 г.). Элиста, 2004. С. 161–171.

19. Согласно машинописному тексту на русском языке из коллекции Б.М. Санджиевой (пос. Хомутниковский Ики-Бурульского района РК). – Полевые материалы автора.

20. Общественный музей пос. Кетченеры Кетченеровского района РК. № 12 (6). Рукопись на ойратском языке. 10 листов 20×8,5 (17×7,2) см.

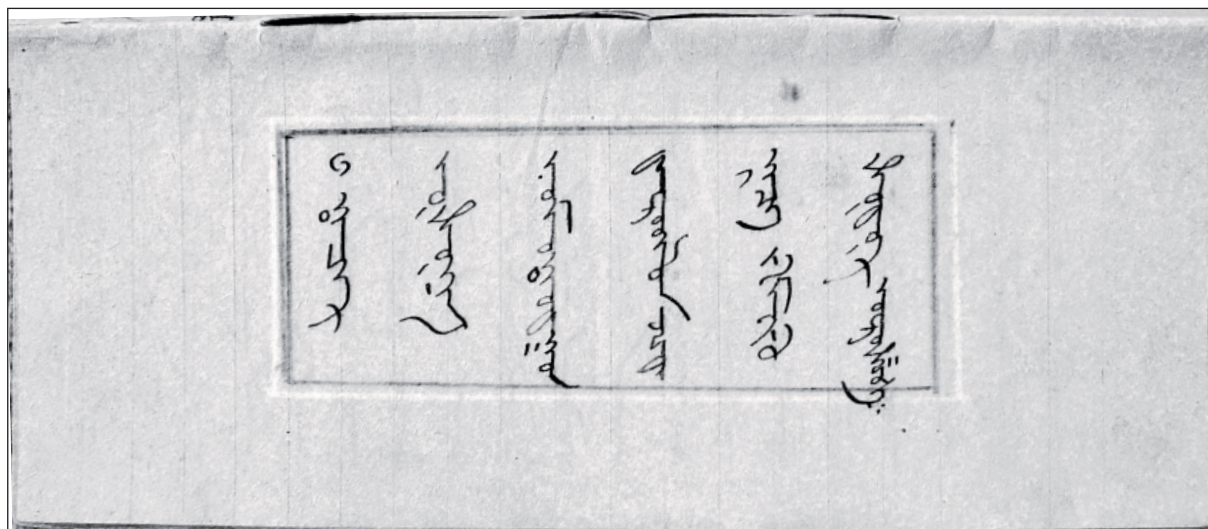
21. См.: Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Репринт. изд-е. Элиста, 1993. С. 84–85.

22. См.: Кокшаева Н.О., Цебекова Т.В. Указ. ст. С. 167–171.

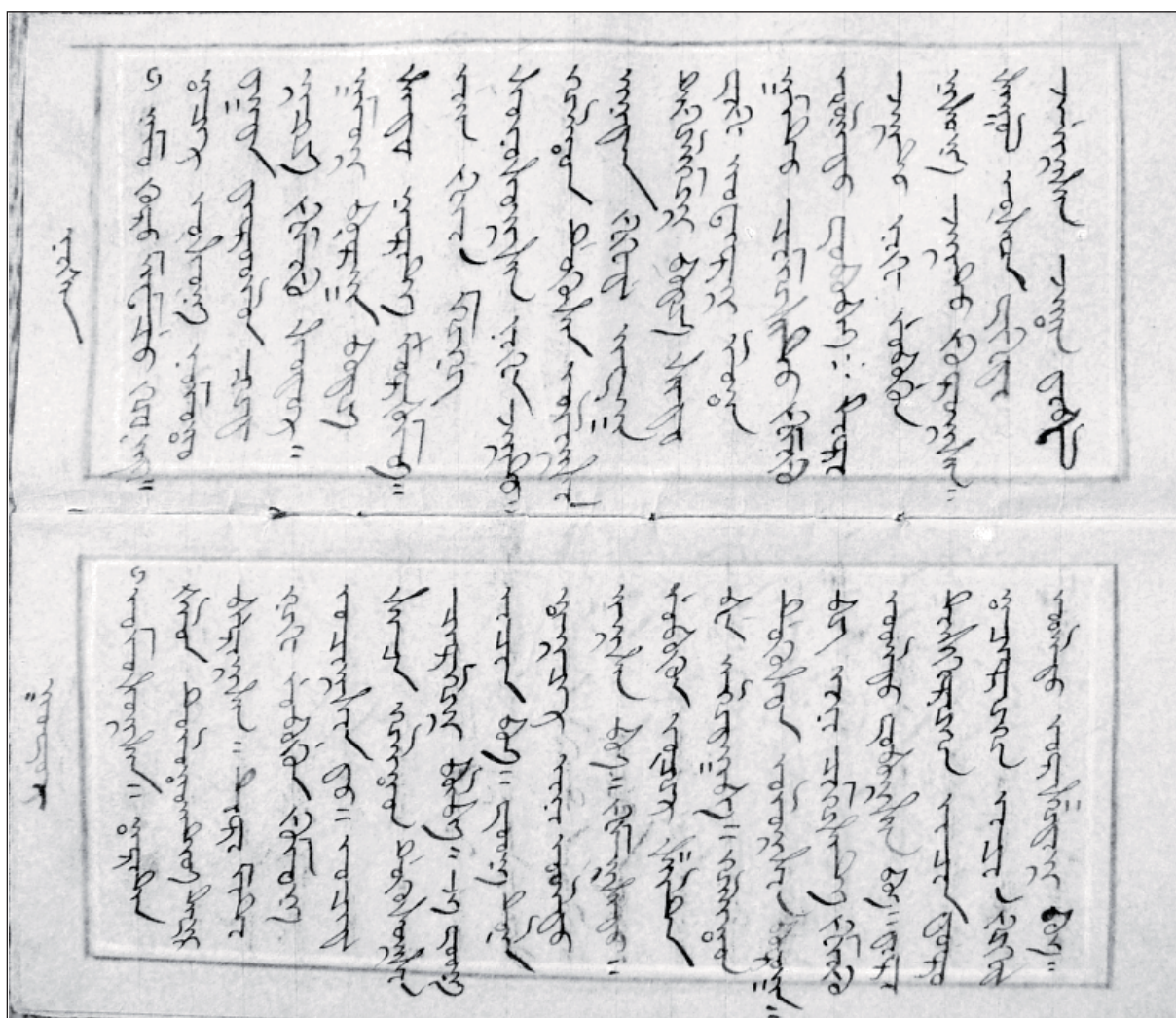
23. См.: Бичеев Б.А. Указ. ст. С. 270–272.

GAZAR USUNI NOMOGODXON DARÜLÜN ČIDAQČI KEMEKÜ SUDUR OROŠIBA

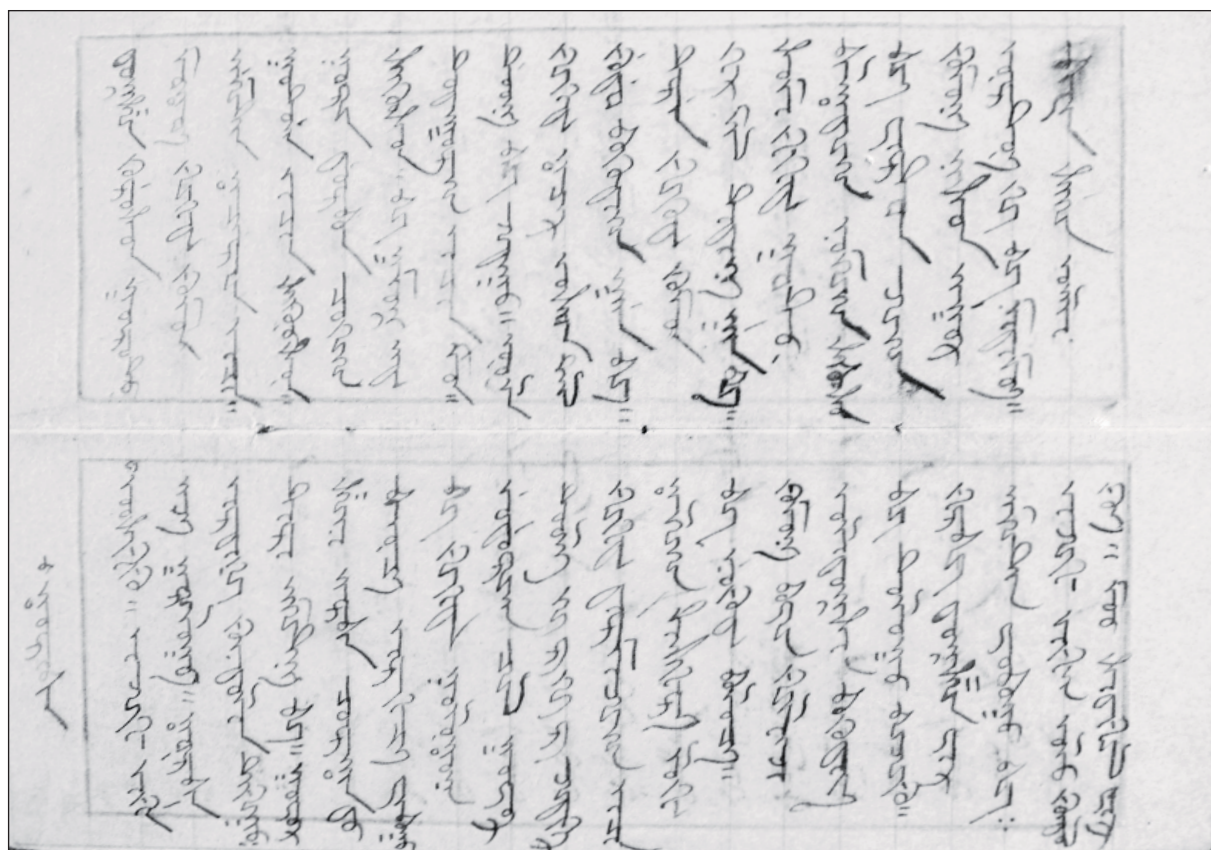
Факсимиле текста

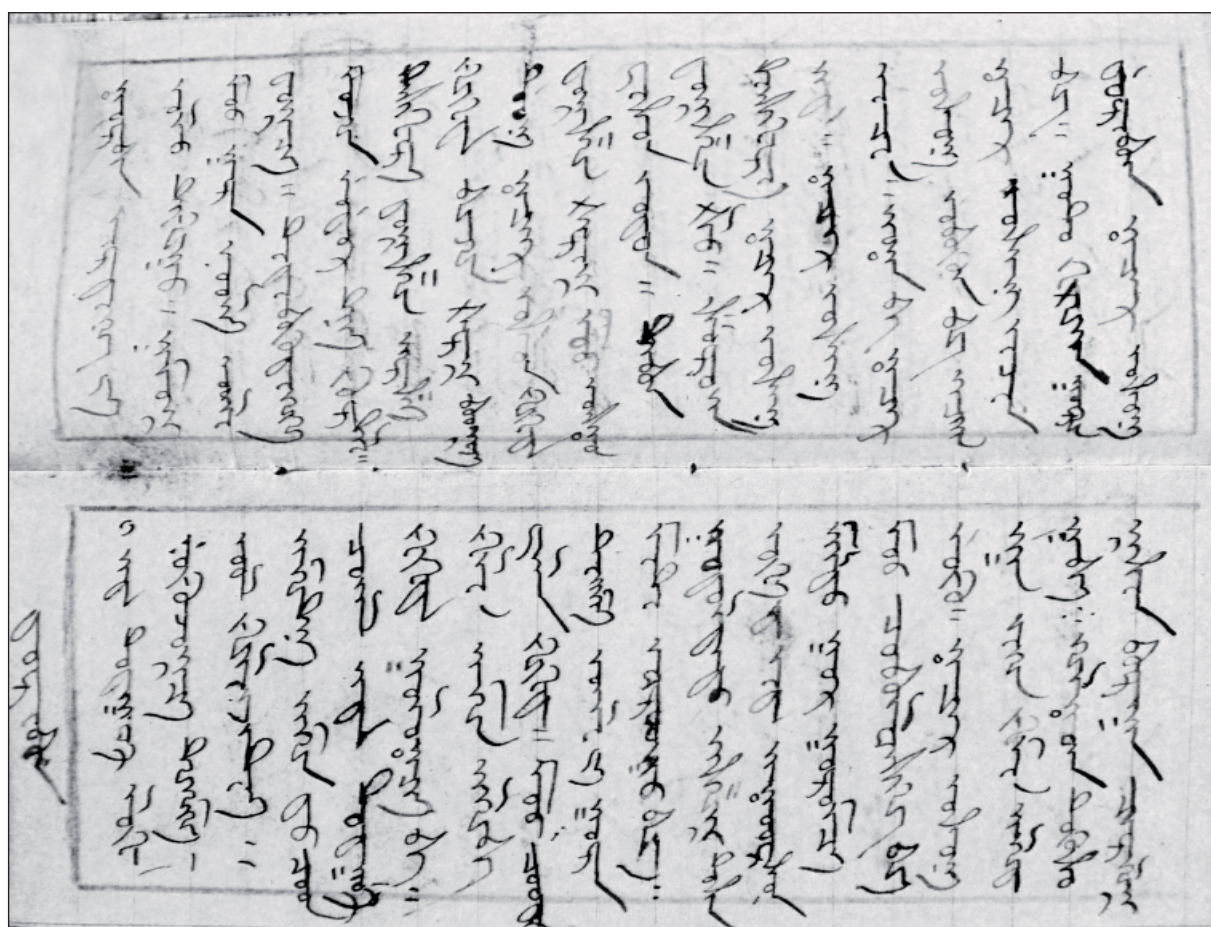
Титульный лист

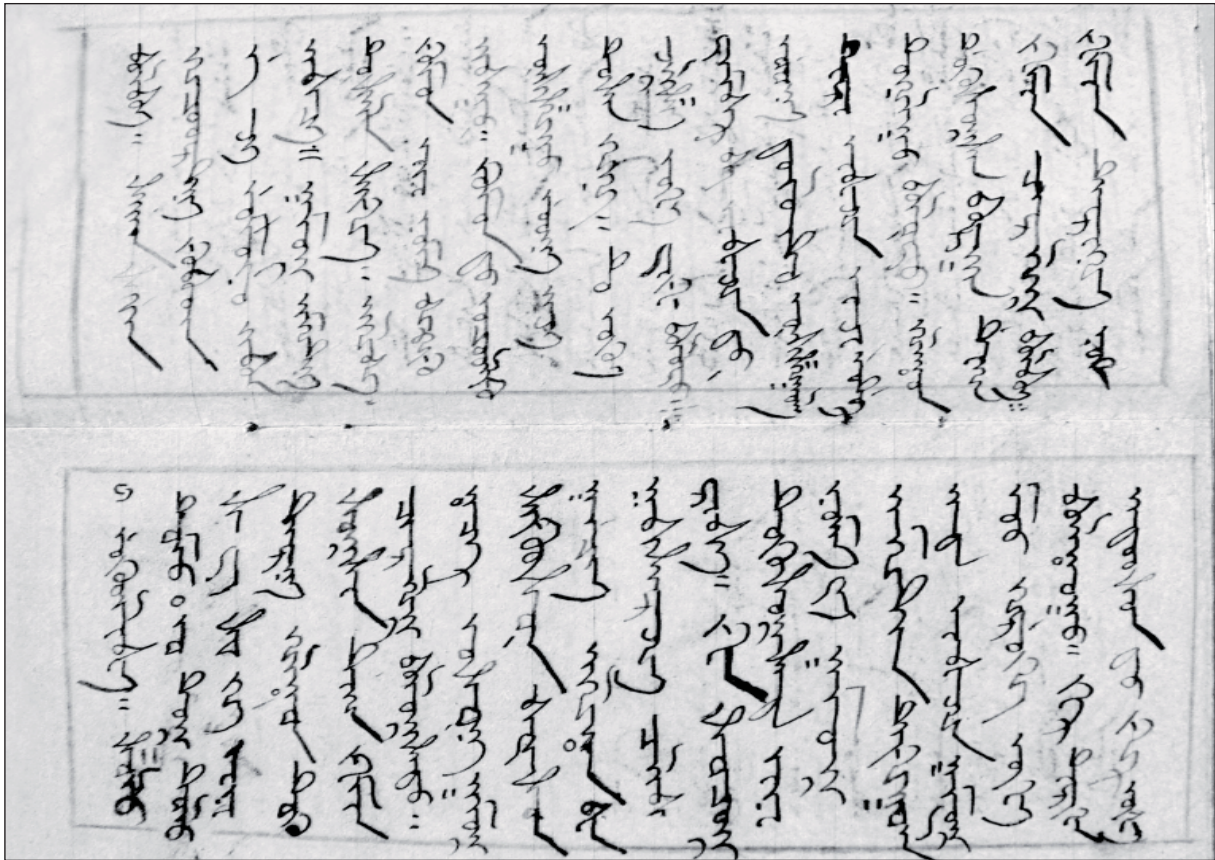
1a–2a

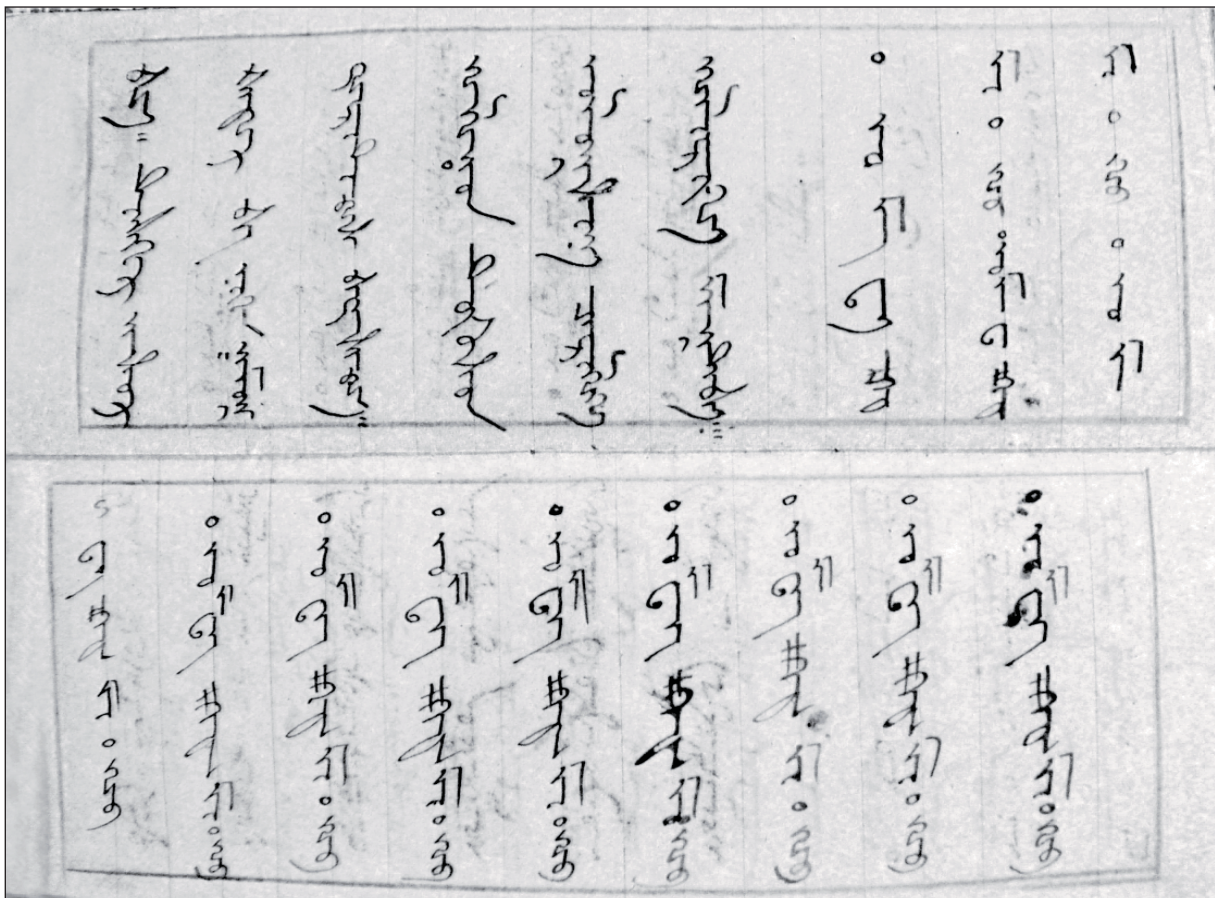
26-3a

36-4a

46-5a

56-6a

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССА «ЛАМ-РИМ» НА ПРИМЕРЕ ШАСТРЫ «ДРАГОЦЕННОЕ УКРАШЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Ч.А. Санджиев

В статье дается краткий анализ произведений класса «лам-рим» на примере шастры Гампопы «Драгоценное украшение освобождения», прослеживается история изучения данного произведения.

Ключевые слова: *шастра, лам-рим, сансара, освобождение.*

In this article is given the short analysis of products of «lam-rim» class on an example of shastra «the Precious ornament of liberation» by Gampopa, the history of studying of the given product.

Keywords: *shastra, lam-rim, sansara, liberation.*

Философское знание в буддизме фиксировалось в форме комментаторской традиции, запечатлевающей наиболее важные и принципиальные в теоретическом отношении положения буддийского учения. И если буддийские сутры в этом смысле дают общую ориентировку, предопределяют ценностно-смысловой вектор учения, то в шастрах представлены сущностные определения. Буддийский философский трактат (шастра) представляет собой или прямой комментарий, написанный на какую-либо фундаментальную сутру, или систематическое изложение определенной системы, предпринятое с целью наставления своих последователей. В своем логико-дискурсивном изложении шастра охватывает всю совокупность причинной зависимости сансары.

Наставления на путь поэтапного духовного совершенствования или постепенного приближения к состоянию Просветленности были собраны в отдельные руководства, которые принято обозначать произведениями класса «лам-рим» (путеводителей). Это своего рода общий взгляд на все концептуальные темы, имеющие наибольшее значение для того, кто практикует буддизм махаяны и другие направления буддизма. Степень подробности освещения тем зависела от уровня духовного совершенства составителя текста. Основная задача таких «путеводителей» заключается в раскрытии истинной природы сансары.

Произведения класса «лам-рим» были жестко структурированы и, как правило, в основе своей состояли из положений, заимствованных из канонических махаянских сутр и шастр. Появление сочинений такого класса в свое время было вызвано необходимостью систематизации основ учения и распространения его в более широких слоях народных масс. Принято считать, что тексты класса «лам-рим» берут свое начало с «Письма другу» и «Свода всех сутр» Нагарджуны (I-II вв.). Среди классических произведений называют «Бодхичарьяаватару» Шантидевы (VII в.), «Светильник на пути к Пробуждению» Атиши, «Большое руководство к этапам Пути Пробуждения» Цзонкапы (XV в.).

Первым классическим образцом произведения класса «лам-рим», не переведенным с санскрита, а написанным собственно на тибетском языке, является шастра под названием «Украшение освобождения» Дже Гампопы. Как произведение класса «лам-рим», шастра представляет собой стройное и доступное изложение основ буддийского учения. Наставления даются в форме ответов на вопросы, что дало повод исследователям назвать это сочинение «буддийским катехизисом». В доступной форме излагаются основные положения буддистского учения в простых философских формулировках. Шастра охватывает широкий круг вопросов, отражающих учение о спасении буддизма махаяны. Доходчивость ее содержания во многом объясняется упрощенностью изложения сложных философских тонкостей и активным использованием широко известных буддийских притч.

Сущностным признаком данного философского трактата является строгая логика, базирующаяся на традиционном принципе изложения учения. В нем отчетливо прослеживается полиморфизм буддизма как религиозной и философской системы, выражающейся в единстве доктринального, психотехнического и философского уровней. Все эти три составляющие едины в своем религиозно-прагматическом назначении.

Содержание философского трактата (шастры) состоит из характеристики логически вытекающей последовательности двадцати одного этапа, ведущего к достижению нирваны. Краткая вводная часть трактата, в которой дана лаконичная характеристика основным концептуальным понятиям буддизма – сансаре и нирване, предваряет основную содержательную часть шастры, разделенную на три раздела. В первый раздел входят три главы: причина, опора, условие – необходимые категории для возможности достижения нирваны (сущность татхагатагарбхи, драгоценное человеческое тело, благой наставник). Следующий раздел представляет собой логически последовательное изложение важнейших положений буддийского учения – объяснение непо-

стоянства, недостатков сансары, кармы и плода, любви и сострадания, прибежища, бодхичитты, обзорное описание шести парамит. Более глубокий анализ каждой из шести совершенств (парамит) дается в третьем разделе, завершающемся описанием трех путей, десяти земель бодхисаттв, четырех тел и видов активностей Будд.

Известно, что все многообразие учения Будды может быть сведено к трем большим блокам: основа, путь и плод. В данной шастре мы видим, что автор, следуя традиции и исходя из задач, ставящихся перед произведениями данного типа, сумел создать стройную систему изложения важных буддийских категорий для лиц, не искушенных в тонкостях буддийской философии.

Текст этого сочинения неоднократно публиковался исследователями на монгольском языке. Впервые философский трактат «Украшение освобождения» на старомонгольской письменности был опубликован О.М. Ковалевским во втором томе составленной им «Монгольской хрестоматии» в 1837 году. Профессор А.М. Позднеев в 1877 году приобрел другой, более полный вариант монгольского перевода данного сочинения, состоявшего из 400 листов рукописного текста, который он опубликовал в 1900 году в своей «Монгольской хрестоматии для первоначального преподавания». Сочинение Дже Гампопы известно в двух вариантах. Первый вариант представляет собой развернутый по содержанию философский трактат. На основе этого варианта был составлен и краткий обобщающий вариант шастры «Украшения освобождения». Калмыцкий перевод именно этого краткого варианта «путеводителя» Дже Гампопы и был опубликован на «ясном письме» в 1907 г. профессором А.М. Позднеевым в его «Калмыцкой хрестоматии». Перевод философского трактата Дже Гампопы «Украшение освобождения» был осуществлен группой калмыцких монахов во главе с ламой М. Борманжиновым. При этом калмыцкий перевод представляет собой образец более поздних переводов буддийских сочинений, воплощающих традиции национальной школы перевода буддийских сочинений. По мнению исследователей, ойратские (калмыцкие) переводы буддийских сочинений с тибетского языка отличаются от монгольских переводов тех же сочинений. Калмыцкий перевод философского трактата Дже Гампопы свидетельствует не только о сохранности традиций национальной переводческой школы, но и о качественных возможностях языка, позволявшего излагать сложные философские понятия

и положения буддийского учения. Важнейшим показателем наличия традиции является присутствие преемственности философских учений в рамках национальной монашеской общины, которая выражалась в проблематике, в понятийно-категориальном наполнении, в формах выражения философского знания, жанровых особенностях и языке изложения философских произведений.

Сочинение Дже Гампопы давно известно отечественным и зарубежным исследователям. Существует несколько переводов шастры на европейские языки. Первый английский перевод был осуществлен Г. Гюнтером в 1959 году, последний – в 1995 году К. и К. Холмс. Известно, что первый русский перевод текста памятника принадлежит выпускнику Казанской духовной академии К.В. Данилевскому, который в 1888 году защищал курсовое сочинение на тему «Изложение религиозно-нравственной системы буддизма по «Тонилхуин чимэк», с приложением русского перевода». Однако рукопись этого перевода, видимо, не сохранилась. Другой русский перевод данного сочинения с монгольского языка был опубликован в 1902 году в работе «Буддийское мировоззрение или ламаизм и обличение его» [1]. Основная цель работы заключалась в «обличении» буддийского учения, а не в соответствующем уровне перевода текста шастры. Поэтому перевод этот выполнен на уровне владения философской терминологией автором. В наше время русский перевод полной версии сочинения Дже Гампопы, выполненный Б. Ерохиным, был опубликован в 2001 году. Данный перевод изобилует специфическими терминами, которые еще не нашли своего утверждения в отечественной буддологии. Тем не менее, следует отметить, что переводчиком осуществлена титаническая работа по переводу данного трактата непосредственно с тибетского языка, а не с английского перевода.

Таким образом, произведения класса «ламрим» могут представлять собой как небольшие по объему, но весьма глубокие произведения, так и обширные подробные комментарии к этапам пути просветления. Но всех их объединяет легкость восприятия и система подачи материала. Именно это делает важным изучение произведений данного класса не только в монастырской среде, но и среди широких масс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мефодий (Львовский Н.). Буддийское мировоззрение или ламаизм и обличение его. СПб., 1902.

ШИНЖЭНЭ ӨӨРД-МОНЬЛМУД БОЛН ХАЛЬМГУДЫН КЕЛНЭ ЗЭРМ ТӨРМҮД

Осорин Утнасн

В данной статье рассматриваются некоторые особенности языка ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и калмыков, проживающих на территории России, а также вопросы художественного перевода.

Ключевые слова: *синьцзян-ойратская и калмыцкая литература, язык, диалекты, проблемы перевода.*

This article is dedicated to investigation of literature, language, dialects of Oyrats of Xinjiang-Uyghur autonomous region of PRC and Kalmyks of Russia, also problems of translating, which are related with it.

Keywords: *Xinjiang-Oyrat and Kalmyk literature, language, dialects, problems of translation.*

Келн болхла урн зокъялын хамгин хол элемент болна. Келнэс салхлаг, урн зокъял бээж чадшго. Тер төлөд келэр дамжн келн улсин ухан-седкл, заң-заңшл, сойлын шинж илрнэ. Хальмг келнд амн үг болн бичгин келн (урн зокъялын келн) гиж багтна. Өдгэ цагт нурһлж Шинжэнд болн Хальмг Таңһчд оршн сүүршж бээсн өөрд хальмг улсин амн үгин күүндвр болн урн зокъялын келиг шинжлэд үзхлэ, өөрд келнэ өвөрц таныгдмар нутгин айлһ ил үзгднэ. Эн өвөрцнь «Деед изһурин ховр-цохг үгсиг геегдүлл уга шингэн, нандинсн эк келнэ цевр саңта өөрдмүд, зокъял бүтэлэн ардын амн үгин келэрн урлдг учрас, йосн монһл үгин урн цецн, элвг байниг һээхүлсн бээдгт» оршн [1]. Эннь келһн уга биднэ омгшл болжана. Болв олн зүүлин шилтэнэс көлтэ келн, сойлын делгрлт болн залһлдана хаалһд олн төрмүд бас харһжахнь темдглх йоста.

1. Үзг бичг негдлтэ биш. Өдгэ цагт орн нутгин йилһэн болн өдр болһна кергцэнэс болж, Шинжэнэ өөрд монһлд болн хальмг таңһчд бээсн өөрд келтнр китд, орс, тод, худм, кирлл хальмг мет олн зүсн үзг бичг керглх болцхав. Цагин некврлэ ирүлцүлхин төлө, нань чигн һазадын орн нутгин кел дасх төр бийдэн авсн бээнэ. Шин цагин урн үүдөврмүдиг чигн әмдрн сууж бээсн орн нутгин үзг бичгэр бичж барлулжана. Энүг оршн әмдрж бээсн һазр орн, келнэ орчн төөрән болн цагин бээдлд зокцулжасна ил герч гиж үнлх кергтэ болжана.

Нег келн улс хойр ондан орн нутгт бээсн учр деерэс әдл биш үзг бичг керглхнь келһн уга түүкин шилтән. Шинжэнэ өөрд монһл улс тод, худм, китд бичгэр урн үүдөврмүдән бичж барлулна. Орс бичг болн хальмг бичг меддг күн тоота. Хальмг таңһчд бээсн улс, орс болн хальмг үзг бичг керглнэ. Хальмгуд дунд зөрм номт болн цөн кедүн багшнрас бишкнь тод бичг болн худм бичг олзлхш. Тиим учр деерэс өдгэ цагин шин сойлын күртәмжиг нег-негнән авхд күчр учрх болв. Онданар келхлэ, өөрд хальмг улс нег-негнәнн сойлын күртәмжд күртхд орчулһар дамжх иим кемжәнд ирсн бээнэ. Тер төлөд китд, орс, тод, худм, кирилл хальмг бичгиг цугиһинь умшх, бичх, нутгин айлһун йилһәг медх, келнэ зүүг йосарнь дасх төрмүд мана толһад тулһрсн бээнэ.

2. Орчулх, буулһх халхар. Шинжэнэ болн хальмгин урн үүдөврмүдиг худм бичгәс хальмг бичгт, хальмг бичгәс худм бичгт буулһсн үүдөврмүд йир ховр. Сойлын залһлдан делгрлт авхиг дахад, өдгэ цагин нийгмин төрлэ ирлцсн сонһн сәәхн үүдөврмүдиг хәр келнәс орчулж, эврәннь келнә саңган байжулх тулһм үүрг биднә өмн тәвәтә. Үүнлэ дахлдулн хоша бээсн негнәнн (нег келн улсин) урлгиг бийдән шингән, дугуһан нөкж, бээсэн улм байжулн авхд орчулһин кәдлмш йир кергтә болжана. Эн халхар келхлэ, Шинжәнэ номт Түдвән Жамца Хальмгин нертә шүлгч Кәглтин Даван шүлгүдин хураңһуг тод бичгт буулһж, Шинжәнд барлулсмн. Хальмгин нертә бичәч Балакан Алексейн бичсн «һурвн зург» болн «Аав» гисн үүдөврмүдиг Шинжәнэ журналист Намжавин Жигжижав тод бичгт буулһж, «Өрин цолмн» гидг журналын 1994 жилин негдгч тойгт болн «Шинжәнэ өдрин сонһн» гидг загетд барлулв. 1933 жил Элстд барлгдсн хальмгин бичәч Басңга Батрин бичсн «Булһна тууж» гидг үүдөвриг Шинжәнэ номт Т. Бадм тод бичгт буулһж, «Урн зокъял» гидг нертә журналд барлулв. Номт Намжавин Содмн болн Жижән Эрднә-Байр хойр эн «Булһна туужиг» худм бичгт буулһж, 1985 жил Өвр монһлд «Өөрдн сәәхн» гидг нертә келврмүдин хураңһуд орулсн бээнэ. Хальмгт шинжәнэ «Жаңһриг» тод бичгәс хальмг бичгт буулһж барлулсмн. Иим сойлын залһлдан әклт авч делгржәснь олн умшачнриг байрлулна. Зүг өргн дала шинг сойлан әдлж күртхд эннь әрә баһдад бээнэ.

3. Нутгин айлһун зөрә һарчана. Шинжәнэ өөрд монһл улс болн хальмг таңһчд бээсн хальмгуд нег келн улс болдг болвчн теднә оршн әмдржәсн түүк, һазр-зүүгин бәэрлл, нийгмин орчн аху әлд биш юм. Тер учрас түүкин эрглтиг дахад өөрд монһл айлһ болн хальмг айлһуһин зөрә арһулдан һарч ирсн бээнэ. Күүндврин айсин зөрән йилһә хойр күүнә ахр күүндврәс үзвчн ил медгднә. Үлгүрнь:

Дорж: Мендвт, мендвт! Кесгтән харһад угавдн!
Ямаран бәәнт! Кәдлмштн ямаран!

Санал: Мендвт. Эн тер уга бәәнәвдн.

Дорж: Бийтн ямаран? Танд жиңнүлләв! Та уга бәәжт. Буһуһм тәвтн.

Санал: Гем уга. Би таниг гертән наар гижәнәв!

- гиж хальмгт хойр күн хархларн менлднэ (Дорж болн Санал хойр иигж мендэн сурж бээсиг темд-глж авв)

Шинжэнд болхла:

Манж: Сэн бээнт!(сэн хонвта!) Удан хархлдад угавдн! Ямр бээнт? Ажлгн адһмта ю?

Бата: Сэн. Сэн. Сэн бээнэвдн.

Манж: Бий цогцтн ямр? Танд утцтлав! Та уга бээжт. Бичэ му сантн.

Бата : Хэмэн уга. Би таниг гертэн дууджанав! - гиж мендлднэ. Зөрм цагт шинжэнэ болн хальмгин улс нег-негнэнн үгэн медлцдг уга керг бас харна. Эн юнгад гихлэ, 1648 жил тод бичг үүдэгдснэс авн 1930 жил күртл өөрд хальмг улс тод бичг олзлж бээв. Хөөннь болж ирэд, хальмг улс кирлл үзг олзлх болв. Эннь чигн хальмгин нутгин айлһ үүсхин түүкин шилтэн болсн бээнэ. «Өөрд айлһун келнэ күүндврнь түүнэ авъя зү, үгсин саң, келн зү, күүндврин айс, ээзм болн күүндврин түргц мет талар ил тод өвэрцтэ» болдгин илрл мөн [2. Хо. Бада. 321 х].

Нег утхта үгмүдиг энд эдлтхж үзий:

Хальмгт: Шинжэнд:

Дамбрлгч Хошң, шоолл

Дамшлтта Туршлһта

Гүргү Өрнлт

Седжэнэв Боджанав

Ханжанав Ачта болвт,

байрлла

Хөгх Цокх

Цөн Цөөкн

Нурһлж Һолдж

Өвртэ Ик

Көдлмш Ажл

Хугтан Цугтан

Аальта Заңта

Жирһл Өмдрл

Номт Эрдмтн

Орн нутг Улс

Эн мет үгмүд заңшал йосар тус-тустан бийән даасн утхта нутгин айлһтаһар олзлгджана.

4. Төрскн келән цеврэр керглх төр мана өмн

тэвгдженэ. Шин цагин жирһлд тохрулхин төлэ, шин хальмг үг үүсэд уга бээлдл, хэр һарлта үгмүд олзлхнь келһн уга кергтэ. Зуг эврэ келнд үгмүд бээһэд бээтл, эн үгин ормд хэр үг олзлж балдрлх үзгдл күүндврин йовцд болн урн зокъялын халхст цөн биш үзгдхнь йир хармслта. Хойр күн күүнджэсниг хэврһэснь соңсхла:

«Көвүм сурһульд орв» - гисиг «Көвүм школд орв», «Көвүм ик сурһульд орв» - гисиг «Көвүм университетд орв» - гих мет орс хальмг хольж балдрлн келх үзгдл олн харһна. Шинжэнэ өөрд моңһлын ода цагин урн зокъялыг умшад, шинжлн хэлэхлэ, эврэ үгиг хэр үгэр орлулсн үгмүд бас олн харһж, Умшх дутм урм хэрж һундл төрнэ. Шинжэнэ өөрд моңһлын «Өрин цолмн» гидг нертэ урн зокъялын журналын 7 тойгт (18-21 мөр) барлгдсн кесг келврмүдиг умшад кесг иим үгмүд түүж авлав.

Үлгүрлхлэ:

Тагта (көглжрһн гисн утхта моңһл үг), очла (одла гисн утхта өөрд моңһл үг), унду(ондан гисн утхта моңһл үг), хукурад (эндүрэд гисн утхта китд үг), судк (нег өдр сөөһин дунд гисн утхта орс үг), гуанз (хот иддг гер гисн утхта китд үг), марш (ура-лан йов гисн утхта орс үг) мет үгмүд олзлгдж. Эн үгмүдиг юнгад өөрд үгэрн эс эдлдв?

Шин цагин көгжилтиг дахад, күүнэ ухалһн болн үүдэвр бичх арһ бэрц бас шинрнэ. Эн йовцд хуучн үгмүд олзлһн болн шин үүдэгдсн үгмүд хамт керглж, өдгэ цагин ниигмин бээлдл ирүлцүлхэр бээхнь ил үзгднэ. Зуг түрүн ормд төрскн келән өргжүллһн болхла, келн улсин иргчин хөв заянд холвгдх төр болна.

Урн зокъялд орн нутгин өвэрциг бүрдэхд, терүг илрүлн һарһх нутгин амн күүндврин келн ик туста болна.

ОЛЗЛГДСН ЛИТЕРАТУР

1. Ч. Бонда. Онлын харандк Шинжэнэ ода үйин моңһл урн зокъял. Үрмч, 2004 ж. 91 х.

2. Т. Намжил. Хо. Бадан зокъял бүтэлин туха шүүмж. Үрмч, 1999 ж. 321 х.

ББК 82.3 (2Рос=Калм.)

КОНТАМИНИРОВАННЫЕ СЮЖЕТЫ КАЛМЫЦКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Б.Б. Горяева

В статье рассматриваются контаминированные сюжеты калмыцкой волшебной сказки. Автор приходит к выводу, что наиболее часто встречающиеся традиционные соединения сюжетных типов в одной сказке – такой же важный показатель специфики калмыцкой сказочной традиции, как и наличие или отсутствие в ней тех или иных сюжетов.

Ключевые слова: *контаминация, контаминированные сюжеты, сюжетный тип, калмыцкая волшебная сказка, сказочная традиция.*

The article considers contaminated folktales of a Kalmyk fairy-tale. The author holds that more often meeting combination of folktale's types in one tale is the same important index of the specific fairy-tale tradition as the availability or the lack in it one or another.

Keywords: *contamination, contaminated folktales, folktale's type, Kalmyk fairy-tale, fairy-tale tradition.*

Контаминацией в фольклористике принято называть соединение сюжетов. Н.М. Ведерникова определяет сюжет как «совокупность мотивов, дающих последовательно развивающееся действие, которое при определенных мотивировках (женильба, получение чудесного предмета, ликвидация вредителя) образует самостоятельную сказку» [9, с. 161]. Некоторые исследователи склонны рассматривать контаминацию как явление большей частью механическое, сопровождающее распад жанра. Однако изучение контаминации обнаруживает иные причины и цели, свидетельствующие о внутреннем творческом характере контаминационного процесса.

Нами предпринята попытка изучения контаминированных сюжетов калмыцкой волшебной сказки в сопоставлении с «Сравнительным указателем сюжетов» [23], составленным по принципу международного указателя сказочных сюжетов Аарне-Томпсона.

В калмыцкой фольклористике в разные периоды рассматривались вопросы жанровой специфики сказок, освещались идеи и образы, описывались их художественно-изобразительные средства. Происхождению, жанровому составу, идейно-тематическому содержанию, основным образам, сюжетному фонду калмыцких сказок посвящена монография М.Э. Джимгирова [12].

Элементы сюжетосложения, особенности художественной формы, «типические места», художественные приемы калмыцкой богатырской сказки были предметом исследования в работах В.Т. Сарангова. В ряде научных статей Т.Г. Борджановой, Б.Э. Мутляевой и других исследователей рассматриваются изобразительные средства калмыцких сказок, их поэтические формулы, мотивы чудесного рождения героя сказки и эпоса, отдельные персонажи сказочного жанра, взаимосвязь богатырских сказок с эпосом, антропонимия, характерная для калмыцкой сказочной традиции.

Язык и стиль калмыцких сказок в их лексико-грамматическом и семантическом аспектах исследованы С.С. Бадмаевой. Однако в вышеуказанных научных работах мало исследован сюжетный фонд калмыцкой волшебной сказки: международные, локальные и контаминированные сюжеты.

В данной работе мы проанализировали контаминированные сюжеты калмыцкой волшебной сказки. Приведем сочетания различных сюжетных типов, отмеченных в рассмотренных текстах калмыцких волшебных сказок, в том порядке, который обычен в фольклорных текстах.

В калмыцкой сказочной традиции соединение сюжетных типов 301 А. «Три подземных царства» + 519. «Слепой и безногий» дает большое количество контаминированных сюжетов. Трое

друзей (похищенная друзьями девушка) варят обед; старик (старуха)-*шулмус* отбирает еду; герой спускается под землю, и спутники его оставляют там, но он выбирается на землю [24, с. 159 - 164]. В сказке «Эркэ Билдр залу» («Мужчина Эрка Билдр») у героя пятеро помощников. Он одолевает старика-*шулмуса*, который оставлял товарищей без обеда, сам спускается под землю, где друзья оставляют его. Герой спасает птенцов птицы хан гаруди (хан *hərd*), в благодарность она доставляет его из нижнего мира в верхний [27, с. 18 - 27].

В восточнославянской [23, с. 149] и латышской [3, с. 296] сказках повествование этого сюжетного типа начинается с описания того, как слуга помогает герою-царевичу жениться на богатырше, укротив ее. За это богатырша велит слугу лишить ног, а мужа определяет в пастухи.

Калмыцкая сказка имеет иное развитие сюжета, сходное с адыгскими сказками [2, с. 27 - 28]. Спутники (братья) из зависти к герою лишают его ног и бросают одного в лесу. Здесь он встречает слепого и безрукого, они помогают друг другу. Специфика калмыцкой сказки – в описании дальнейших событий, которые происходят с этими персонажами. Они похищают девушку (дочь *Хормусты-хана* – главы небожителей), которая живет у них и ведет их хозяйство. Старуха-*мус*, давшая девушке огонь, отслеживает ее и съедает весь обед, предназначенный для героев (пьет кровь девушки). Герой заставляет старуху-*муса* вернуть друзьям прежний облик, расправляется со старшими братьями, возвращает свою жену. «Три брата» [21]. Сказка № 11 из сборника Рамстедта [29, с. 31 - 47], ее перевод на русский язык – «Три брата» [17, с. 106 - 115]. «Сказка про бурую кобылицу и трех богатырей: Цагада-Мудрого, Улада-Мудрого и Кокодэ-Мудрого» [18, с. 195 - 209; 16, с. 240 - 254]. Сказка «Авхатр» («Авгatr») [8].

В калмыцкой сказочной традиции контаминация сюжетных типов 313 Н* = АА*313 I. «Бегство от ведьмы» + 707 «Чудесные дети» представлена следующим образом: Три сестры спасаются от преследований *мусов* (старика и старухи) с помощью бросания чудесных предметов, оставленных родителями. Хан подслушивает, как две старшие сестры обещают хорошо шить одежду и готовить пищу, младшая – родить чудесных детей, и отдает старших сестер в жены своим спутникам, на младшей женится сам. Завистливые сестры подменяют детей младшей сестры щенятами, строят козни. В конце сказки чинившие зло сестры наказываются, семья вновь воссоединяется. «*Һурвн күүктэ эмгн өвгн хойр*» («Старик и старуха, у которых было три дочери») [25, с. 33 - 41]. «*Эгч-дү һурвн*» («Три сестры») [26, с. 145 - 149].

Контаминация сюжетов - 327 В**. «24 брата и 24 невесты» + 513 А. «Шесть чудесных товарищей». Братья ищут невест, младший брат должен добыть красавицу для змея. Помощники (*овс шимдг кун* – человек, сосущий траву; дала *балндг кун* – человек, набирающий океан) помогают герою выполнить трудные задания хана и заполучить его дочь. Прислушавшись к советам лисы, которую герой пожалел и не стал убивать, он обманывает змея и берет ханскую дочь себе в жены. Сказка опубликована в «Сборнике калмыцких сказок» [21], переиздана под названием «Охотник Иестир» в сборнике «Народное творчество Калмыкии» [18, с. 215 - 217]. Сказка из сборника Рамстедта [30, с. 5 - 9] опубликована в переводе на русский язык в сборнике «Медноволосая девушка» [17, с. 140 - 147]. Сказка «Йистр» включена в учебное пособие «Кел өргжүллһнэ дегтр» («Книга для развития речи») [14, с. 50 - 52].

329. «Елена Премудрая» + 554 «Благодарные животные». Дочь хана выйдет замуж только за того, кто сможет спрятаться от нее. Герой – бедный юноша – с помощью благодарных животных выполняет условие и становится мужем капризной красавицы. Этот вид контаминации представлен сказкой «Саак» («Тот самый») [28, с. 119 - 122; 24, с. 102 - 104], перевод на русский язык [17, с. 175 - 178].

465 А. «Красавица-жена» («Пойди туда, не знаю куда») + 563. «Чудесные дары». Герой женится на красавице; хан (ханский сын) хочет отнять ее и отправляет героя за диковинками. Далее получает развитие сюжетный тип 563. «Чудесные дары». В дороге волшебный невидимый помощник – Мурза – помогает герою заполучить волшебные предметы, благодаря которым он строит дворец и одерживает победу над ханским войском. «Сказка про три чуда», вошедшая в сборник «Медноволосая девушка», опубликована в переводе А.М. Позднеева, у которого она называется «Про стрелка-молодца и Царкин-хана» [11, с. 321 - 374]. Русский перевод сказки опубликован также в сборнике «Калмыцкие сказки» [16, с. 224 - 237].

480 = АА 480*В, *С. «Мачеха и падчерица» + 403 = АА 403 А. «Подмененная жена». Падчерица выдерживает испытание и получает награду. Родная дочь неправильно ведет себя и наказывается («Мачеха и падчерица»). Падчерица становится женой ханского сына; мачеха топит ее и подменяет своей дочерью. Обман раскрывается, виновные наказаны, падчерица вновь становится женой ханского сына («Подмененная жена»). Сказка из коллекции В.Л. Котвича [7, с. 1 - 4], перевод сказки опубликован в сборнике «Сандаловый ларец» под названием «Дочь Сяды» [22, с. 176 - 177].

510А. «Золушка» + 409. «Мать-рысь». Ма-

чеха заставляет падчерицу делать всю черновую работу по дому. Сын хана находит золотую туфельку (выросла из костей коровы) и объявляет, что женится на девушке, которой будет впору золотая туфелька. Падчерице туфелька пришлось по ноге, и ханский сын женится на ней. У них рождается сын. Далее следует разработка сюжета 409 «Мать-рысь»: мачеха сталкивает падчерицу в озеро и подменяет ее своей родной дочерью. Отец привозит сына к реке, мать выходит из воды покормить его. Ханский сын узнает свою жену, мачеха и ее дочь наказаны. «Аль Бемб» [6, с. 4 - 8].

511 = АА 480*В. «Чудесная корова» + 403 = АА 403 А. «Подмененная жена». Мачеха заставляет падчерицу выполнять непосильные поручения, девочке помогает корова. Узнав об этом, мачеха велит зарезать корову. Падчерица собирает коровьи кости и закапывает их на кургане. Через некоторое время на том месте вырастает дерево, плодоносящее сладостями, питаясь которыми падчерица становится еще краше. К ней сватается ханский сын. Далее действие происходит по сюжетному типу «Подмененная жена» (403). Падчерица становится невестой ханского сына; мачеха топит ее и подменяет своей дочерью. Обман раскрывается, виновные наказаны, падчерица становится женой ханского сына. «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка сирота, жившая у мачехи») [28, с. 261 - 264; 24, с. 91 - 93].

511 = АА 480*В. «Чудесная корова» + 480 = АА 480*В, *С. «Мачеха и падчерица» + 403 = АА 403 А. «Подмененная жена». Вышеуказанные сюжетные типы «Чудесная корова» и «Подмененная жена» дополняются тематически сходным сюжетным типом «Мачеха и падчерица». Падчерица выдерживает испытание и получает награду. Родная дочь неправильно ведет себя и наказывается («Мачеха и падчерица»). Сказка «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») [5, с. 95 - 100].

В калмыцкой сказочной традиции зачастую продолжением сюжета 530. «Сивко-Бурко» служит сюжетный тип 530А «Свинка золотая щетинка». Хан поручает своим трем зятям добыть ему диковинки (мясо сайгака, яйцо лебедя, молоко кобылы водного царства и т.п.). Младший зять, считающийся дурнем, добывает эти диковинки, но уступает их двум другим зятям за отрезанные пальцы и кожаные ремни, вырезанные со спины. Доказательства, представленные младшим зятем, изобличают обманщиков. «Нусха Му» («Соплячок») [24, с. 43 - 49]; «Сэрсн бортх девлтэ Сэр гидг көвүн» («Юноша Сяр с шубой из сыромятной кожи») [24, с. 107 - 110]; «Һурвн көвүтэ өвгн» («Старик, у которого трое сыновей») [25, с. 199 - 203]. Сказка «Зальта Мер-

ген и конь его Золь-Цоохор» из репертуара А.З. Кутуктаевой, построенная на контаминации данных сюжетов, интересна мотивом полигамии [17, с. 39 - 61].

530 = АА 530А. «Сивко-Бурко» + 519. «Слепой и безногий». Вторая разновидность контаминации сюжетного типа 530=АА 530А. «Сивко-Бурко», когда сюжет соединяется с типом 519. «Слепой и безногий». Братья из зависти к герою лишают его ног и бросают одного. Он встречает слепого и безрукого, они становятся побратимами и помогают друг другу. Побратимы похищают девушку (дочь *Хормусты-хана*, главы небожителей), которая живет у них и ведет их хозяйство. Старуха-*шулмуска* выпивает кровь у девушки. Герой обнаруживает это, заставляет старуху вернуть им прежний облик. «Үмсндэн шеерң» («Выпачканный в золе») [6, с. 8 - 21].

551. «Молодильные яблоки» + 460 В. «Путешествие к солнцу (судьбе)». Сыновья ищут чудесное лекарство для своего отца. Старшие братья возвращаются ни с чем; младший достигает мест, где не бывал его отец, и привозит красавицу-невесту. Сюжетный тип зафиксирован в контаминации с сюжетом 460 В. «Путешествие к солнцу (судьбе)». По дороге герой встречает людей, которые терпят разные мучения, и видит много удивительного и непонятного. Добравшись до неба, он слышит ответы Солнца на вопросы, которые были заданы ему в пути. «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый Седой Шатрч хан») [25, с. 20 - 25].

560 «Волшебное кольцо» + 554. «Благодарные животные». Герой выручает из беды собаку, кошку и змею; при помощи кольца, полученного от змеи, выполняет задачи хана и женится на его дочери. Дочь хана похищает кольцо и исчезает; собака и кошка возвращают юноше похищенный предмет. «Сын брахмана, ставший царем» [10, с. 81 - 87]; «Кошка и собака» [19, с. 69 - 75; 16, с. 257 - 261]; «Сказка про кошку и собаку» [18, с. 154 - 158]; «Волшебный камень» [18, с. 166 - 170]; «Басан и тетушка Цаста» [15, с. 128 - 134; 13, с. 142 - 148]; «Манж» [1, с. 5 - 7].

655. «Умные братья» + 653. «Семь Симеонов». Братья по незначительным признакам определяют особенности прошедшего по дороге верблюда, угадывают, что в молоке присутствует кровь, а хан рожден от простолюдина и т.п. Далее идет контаминация с сюжетным типом 653. «Семь Симеонов». Девять братьев наделены чудесными свойствами, благодаря которым они спасают ханскую дочь от похитителя. Старший из братьев становится мужем красавицы. «Ах-дү йисн илвч» («Девять братьев-волшебников») [4, с. 177-181].

В сказке «Һурвн көвүтә Живд өвгн» («Старик Дживд, у которого трое сыновей») [28, с. 253 - 257]; перевод на русский язык – сказка «Три сына старика Дживдя» [17, с. 216 - 222] сюжет 655. «Умные братья» контаминируется с сюжетным типом «Молчаливая царевна» (- 559* = АА*559 I).

Третья сказка из сборника «Седклин күр» («Задумчивый разговор») «Бамба и его конь Сарал» представляет собой контаминацию следующих сюжетных типов «Сравнительного указателя сюжетов»: 551. «Молодильные яблоки» + 531. «Конек-горбунок». Хан-отец теряет зрение и отправляет сыновей в края, в которых еще не бывал. Младший сын достигает страны, где не бывал отец. По приказанию хана далекой страны герой с помощью коня, полученного от волшебного помощника, добывает золотую птицу и красавицу. По требованию последней хан должен искупаться в кипящем молоке. Герой по приказу хана первым окунается в кипящее молоко и остается жив, хану это не удается, и он погибает. Герой возвращается с невестой, и слепой хан обретает зрение [20, с. 25 - 31]. Сказка переведена на русский язык и опубликована в сборнике «Медноволосяя девушка» [17, с. 167 - 174].

Можно заключить, что наиболее часто встречающиеся и традиционные соединения сказочных типов в одном сюжете – такой же важный показатель специфики сказочного репертуара калмыцкого народа, как и наличие или отсутствие в нем тех или иных сюжетов.

По мнению исследователей, изучая функциональное значение контаминации, необходимо иметь в виду общие процессы, происходившие в сказке с середины XIX в. вплоть до наших дней. В этом процессе, с одной стороны, отмечается творческая разработка сюжетов в исполнении наиболее даровитых сказочников, а с другой – снижение преемственности исполнения, что ведет к забвению традиционных сюжетов. Исходя из этих двух тенденций, можно говорить о контаминации творческой как художественном приеме, разрабатывающем традиционные сюжеты и поддерживающем само существование сказки, и о контаминации механической как средстве восполнения забытых звеньев рассказа.

В исследованных текстах калмыцких волшебных сказок при механической контаминации соединение сюжетов носит случайный характер, переход от одного сюжета к другому почти или даже совсем не мотивируется, меняются герои. Часто сказитель не может привести сюжеты к единому завершению и механически прерывает сказку формулой концовки. Это признак распада традиционной сказки, который не позволяет ей выйти из репертуара одного рассказчика. Ввиду

малохудожественности в сборники такие сказки входят редко, но записи, хранящиеся в архиве, дают немало подобных примеров.

Творческая контаминация всегда выполняет в сказке идейную и художественную функции. В такой сказке ощущается стремление рассказчика по-своему осмыслить события, обосновать сложное действие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтн зүн темн. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1995. 120 х.
2. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
3. Арайс К.Я., Медне А.А. Указатель типов латышских народных сказок: на латышском, русском и английском языках. Рига: Зинатне, 1977. 528 с.
4. Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее – Научный архив КИГИ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 146.
5. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 148.
6. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 88.
7. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36.
8. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 73.
9. Ведерникова Н.М. Контаминация как творческий прием в волшебной сказке // Русский фольклор. Т. XIII: Русская народная проза. Л.: Наука, 1972. С. 160–165.
10. Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 2-е изд. 159 с.
11. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1891. Т. VI. С. 321–374.
12. Джимгиров М.Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
13. Калмыцкие народные сказки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 447 с.
14. Калян А. Кел өргжүүлһнэ дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1994. 232 х.
15. Калмыцкие сказки. Элиста: Калмгосиздат, 1961. 249 с.
16. Калмыцкие сказки. Элиста: Калмгосиздат, 1962. 331 с.
17. Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.
18. Народное творчество Калмыкии. Сталинград; Элиста: Областное книгоиздательство, 1940. 315 с.
19. Сказки донских калмыков. Ростов–н/Д: Ростиздат, 1938. 82 с.
20. Седклин күр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 86 х.
21. Сборник калмыцких сказок. Астрахань, 1899.
22. Сандаловый ларец: калмыцкие народные сказки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.
23. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1976. 438 с.
24. Хальмг туульс. I боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 220 х.
25. Хальмг туульс. II боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. 264 х.
26. Хальмг туульс. III боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. 250 х.
27. Хальмг туульс. IV боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 272 х.
28. Хальмг фольклор. Элст: Хальмг госиздат, 1941. 466 х.
29. Kalmuckische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G.J. Ramstedt. 1 Teil. Helsingfors, 1909.
30. Kalmuckische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G.J. Ramstedt. 2 Teil. Helsinki, 1919.

ББК 85.31

О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ КАЛМЫЦКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Б.Х. Борлыкова

В статье рассматриваются основные способы образования музыкальных терминов в калмыцком языке: лексико-семантический, морфологический, морфолого-синтаксический, синтаксический.

Ключевые слова: *термин, музыка, способ, метафора, морфологический способ, синтаксический способ.*

The article is devoted to the main ways of musical terms' formation in the Kalmyk language: lexico-semantic, morphological, morpho-syntactic, syntactic.

Keywords: *term, music, way, metaphor, morphological way, syntactic way.*

В настоящей статье рассматриваются основные способы образования музыкальных терминов в калмыцком языке.

Как известно, каждый язык развивается, прежде всего, за счет внутренних ресурсов. При

создании новых терминов калмыцкий язык, подобно всем другим языкам, использует, в первую очередь, внутренние ресурсы, являющиеся основными факторами, которые обуславливают самостоятельное существование языка.

1. Лексико-семантический способ образования музыкальных терминов

Под данным способом понимается процесс номинации предметов, явлений, который не сопровождается появлением нового языкового знака, а характеризуется применением старых слов в новом значении.

Немалое количество наименований музыкальных инструментов в калмыцком и монгольском языках образуется путем метафорического переосмысления лексических единиц, входящих в другие ярусы лексики языка, на основе полисемии слов. Это естественно, поскольку не только в музыковедческой терминологии, но и в других терминосистемах многие термины образуются путем переноса значений из-за схожести предметов по форме, цвету, выполняемой функции. Нами установлено, что музыковедческими терминами путем метафоризации стали:

а) Названия частей тела человека и животных. Так, музыковедческие термины образовались на основе сходства музыкальных инструментов и их деталей по форме с частями тела человека и животных. Например, *толһа* «голова» в музыке обозначает верхнюю часть музыкального инструмента, напр. *товшуурин толһа* «головка товшура»; слово *чикн* «ухо, уши» имеет значение «колки» (специальные маленькие ручки для натягивания струн, по форме напоминающие ушки), напр. *хуурин чикн* «колки хура», букв. «уши хура» и др.

б) Названия предметов домашнего обихода и орудий труда. Эта часть музыковедческих терминов создана на основе переноса значений предметов быта: слово *дер* «подушка» имеет значение «составная часть музыкального инструмента» – *ятхин дер* «ребро изгиба ятхи», букв. «подушка ятхи»; *иш* «ручка, рукоятка, черенок» в музыке – «гриф инструмента», напр. *домбрин иш* «гриф домбры» и др.

в) Названия растений. В калмыцком языке посредством метафорического переноса названия растения образован музыкальный термин *цур* – название продольной открытой флейты с пятью игровыми отверстиями, изготавливаемой из дерева или из стеблей зонтичных растений. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» слово *цуур* представлено как I. муз. «дудка (из стебля трубчатых растений), свирель, свисток, флейта»; II. бот. «болиголов, болиголов пятнистый, сельдерей петрушка».

2. Морфологический способ образования музыкальных терминов

Морфологический, или аффиксальный способ представляет собой образование новых лексических единиц путем присоединения словообразовательных аффиксов к корню или основе. Значительная часть музыкальной терминологии калмыцкого языка образована

морфологическим (аффиксальным) способом. Так, с помощью аффиксов образуются термины, относящиеся к таким частям речи, как имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие. Примеры:

а) Музыкальные термины – имена существительные. При образовании имен существительных в калмыцком языке продуктивными являются такие аффиксы, как *-лһн*, *-лт*, *-вр*, *-ч*, *-ач* (*-эч*), *-гч*, *-ан* (*-эн*), *-ур*, *-ул*, *-үр*, *-үл*, *-ц*, *-л*, *-тн*, *-мж*: *айслһн* «мелодичность», *хэцкнүр* «бубенчик», *айлт* «интонация», *дууч* «певец», *дуулдан* «пение хором», *хурвл* «трио» и др. Непродуктивный аффикс: *-жм* (*көгжм* «музыка»).

б) Музыкальные термины – имена прилагательные. В их образовании участвует продуктивный аффикс *-та/тэ*: *айста* «мелодичный, напевный», *дэзмтэ* «ритмический» и др. Непродуктивный аффикс *-вр* (*үлэвр* «духовой»).

в) Музыкальные термины – глаголы. В их образовании участвуют продуктивные аффиксы: *-д*, *-л*, *-р*, *-ш*, *-жцн*: *бүрэдх* 1) «трубить», 2) «горнить», 3) «играть на рожке», *дуулх* «петь», *боркрх* «издавать басовый звук, басить», *сакых* «звенеть (при встряхивании)», *таржцнх* «трещать, звенеть, дребезжать».

г) Музыкальные термины – наречия. В их образовании участвует продуктивный аффикс: *-ар/-эр/-һар/-һэр*: *уданар* «протяжно, медленно», *айстһар*, *эгшгтһар* «певуче, мелодично».

3. Морфолого-синтаксический способ образования музыкальных терминов

После суффиксации в калмыцком языке наиболее активным способом образования новых слов является способ сложения основ и слов. Различают несколько типов сложения: а) аффиксированное словосложение, когда замыкающий компонент присоединяет к себе деривационную морфему, значение которой распространяется на все образование в целом. Например, *-лһн*: *кецкрг цоклһн* «барабанный бой», *-эч*: *көг нээрүлэч* «дирижер», *-мж*: *композиторин нээрүлмж* «музыкальная композиция», *-л*: *ниит дарул* «клавиатура»; б) словосложение на основе терминообразующих элементов как готовых единиц. Например, *соңслзү*, *а-зү* «акустика»; в) парное (сочинительное) словосложение. Например, *дуң бүрэ* «труба из раковины»; г) словосложение подчинительного типа: 1) сложные слова с компонентом-названием насекомого или животного. Например, *хорха бүшкүр* «маленькая флейта с пятью дырочками», букв. «насекомое-флейта»; *лу кецкрг* «большой барабан», букв. «дракон-барабан»; *үкр бүрэ* «большая труба», букв. «корова-труба»; 2) сложные слова с компонентом-названием признака. Например, *көөмэ дун* «горловое пение», букв. *көөмэ* «глотка», *докъя бүрэ* «фанфара», букв. «сигнал-труба».

4. Синтаксический способ образования музыкальных терминов

Среди способов словообразования одно из ведущих мест в системе образования музыкальных терминов в калмыцком языке занимает синтаксический способ, как по значимости, так и по продуктивности. Разновидности словосочетаний представляют следующие модели, в которых использованы обозначения: существительного – **С**, прилагательного – **П**, причастия – **Пч**, деепричастия – **Д**, глагола – **Г**.

Термины – атрибутивные словосочетания. Конструкция данного типа состоит из главного, определяемого компонента и зависимого, определяющего компонента, который характеризует в каком-либо отношении обозначаемое понятие. В калмыцкой музыкальной терминологии представлены следующие продуктивные модели терминов – атрибутивных словосочетаний:

1) Модель **С + С** (существительное в сочетании с другим существительным): а) **С + С** (в сочетании оба существительных находятся в именительном падеже): *дуң бурэ* «труба из раковины», букв. «раковина-труба»; *частр дун* «религиозная песня», букв. «гимн-песня»; б) **С (род.п.) + С**. Атрибутивный компонент в родительном падеже может выступать в роли показательно-целевого назначения предмета, обозначенного опорным существительным. Следует отметить, что атрибутивный компонент в родительном падеже очень часто выражает отношение целого к части: *товшуурин чикн* «колки товшура», букв. «уши товшура»; *товшуурин толна* «головка товшура», букв. «голова товшура». Определяющее существительное в родительном падеже указывает на отнесенность предмета (или жанра), понимаемого в широком смысле, к той или иной категории понятий, выделяя тем самым его из числа других явлений: *көгжмин зевсг* «музыкальный инструмент», букв. «инструмент музыки»; *балетин көгжм* «музыка для балета», букв. «музыка балета»; *авъясмудын дуд* «обрядовые песни»; в) **С (совм.п.) + С**. Атрибутивный компонент-имя в совместном падеже выступает со значением «имеющий что-либо» или «обладающий чем-либо», например, *көгтэ пианин* «настроенное пианино», букв. «пианино с настройкой».

2) Модель **П + С**. Атрибутивные словосочетания с прилагательными особенно продуктивны в сфере терминологии, поскольку именно прилагательные с достаточной полнотой и ясностью передают разнообразные свойства предметов, выделяя их понятийные признаки. Например: *деерк берн* «верхний лад»; *дундк берн* «средний лад»; *дорак берн* «нижний лад»; *ик кеңкрэ* «большой барабан».

3) Модель **Пч + С**. В калмыцком музыкальном терминообразовании участвуют причастия, которые способны передавать не только статические свойства предметов, но и динамические, то есть обозначать признак предмета по его действию.

а) **Пч (-сн) + С**: *боркрсн дун* «низкий голос», *цеңсн дун* «звонкий голос», *күңксн дун* «звучный голос».

б) **Пч (-дг) + С**: *улюлдг дун* «песни-причитания».

в) **Пч (-гч) + С**: *баатрлгч дун* «эпическая песня», *туужлгч (кезэңк) дун* «историческая песня».

Термины – объектные словосочетания. «Терминологическое словосочетание данного типа характеризуется такой структурой, в которой первый компонент-имя представлен в одной из падежных форм, а второй – глаголом-инфинитивом, совпадающим с причастной формой на -х ... Между компонентами объектных словосочетаний устанавливаются различные предметно-процессные отношения, отражающие реальные связи между явлениями действительности» [2].

Модель **С (в вин.п.) + Г**: *кеңкрэ цокх* «барабанить», *хоңх цокх* «звонить в колокол», *домбр цокх* «играть на балалайке», *цур татх* «играть на дуде, свирели».

Термины – обстоятельственные словосочетания.

Модель **Д + Г**: *ишкрэд дуулх*, «петь со свистом», букв. «свистя петь»; *бурэдэж татх* «трубить в трубу», букв. «трубя играть».

Трехсловные термины:

Модель **С+С+С**: *сүв-селвгтэ дуд* «песни добрых пожеланий».

Модель **С+Пч+С**: *баян татдг күн* «баянист», *бишкур татдг күн* «флейтист», *домбрт келдг дун* «частушки, песни под аккомпанемент домбры».

Модель **П+П+С**: *чивһстэ көгжмин зевсгүд* «струнные музыкальные инструменты», *үлэвр көгжмин зевсгүд* «духовые музыкальные инструменты».

Модель **С+Д+Пч**: *харң хавсад цокх*

Таким образом, основными способами образования калмыцкой музыкальной терминологии являются лексико-семантический, морфологический, морфолого-синтаксический и синтаксический способы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. М.: Наука, 1984. С. 90–91.
2. Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэва. Т. IV. М., 2001. С. 278.

РЕЦЕНЗИИ

ББК 63.3 (2) 622

ПРОРЫВ**(новые грани истории Великой Отечественной Войны в Калмыкии)****Ю.О. Оглаев**

В статье анализируется историография по истории Калмыкии военного времени, в том числе монография К.Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» (М.: Наука 2007).

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Калмыцкая АССР, монография, история, историография, эвакуация, оккупация, коллаборационизм.*

In this article analyzed the historiography on the history of Kalmykia during wartime, including K.N.Maksimov's monography «The Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks» (M.: Nauka 2007).

Keywords: *the Great Patriotic War, Kalmyk ASSR, the monography, history, historiography, evacuation, occupation, collaboration.*

Минувший год ознаменовался выходом в свет двух очень значительных монографий, посвященных актуальнейшим вопросам истории Калмыкии XX века: В.Б. Убушаева и К.В. Убушаева «Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943-1959 гг.» (Элиста, 2007) и К.Н. Максимова – «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» (М.: Наука, 2007). Строго говоря, обе монографии были подписаны в печать еще в конце 2007 года, но до читателей (по каким-то, видимо, техническим причинам) дошли лишь в 2008 году и сразу привлекли к себе широкое общественное внимание. О книге отца и сына Убушаевых мы уже писали в нашей печати (см. Ленинский путь, 2008. 16 дек.; 2009. 27 янв.), а также выступали с ее анализом на презентации в КГУ 22 декабря 2008 года.

По монографии К.Н. Максимова мы также высказали свое мнение на презентации в КИГИ РАН 20 ноября 2008 года. А вот своевременно выступить в печати не довелось, что считаю со стороны историков Калмыкии абсолютно недопустимым по целому ряду обстоятельств, о которых мы и намерены поведать в настоящей статье.

* * *

Книга Константина Николаевича Максимова представляет собою в полном смысле слова прорыв на данном направлении калмыцкой исторической науки. Почти четыре десятилетия читатели Калмыкии по различным вопросам истории Великой Отечественной войны неизменно пользовались обобщающим трудом Мергена Лиджиновича Кичикова «Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны» (Элиста, 1970. 208 с.). Эта книга, представляя собою докторскую монографию Мергена Лиджиновича, была тогда в полном смысле слова пионерской работой, и читатели Калмыкии (и не только Калмыкии) очень

многим обязаны ей и её автору. Она была лучшим в калмыцкой историографии исследованием того времени – и в силу своего обобщающего характера, и в силу значительности представленного в ней конкретно-исторического материала, и в силу вполне профессионального уровня его изложения и осмысления. Крайне важную роль играло и то обстоятельство, что М. Кичиков был не просто кабинетный ученый, а ветеран Великой Отечественной, боевой офицер Красной Армии, командир батареи противотанковых пушек. Всю войну провёл он на переднем крае (таково уж прямое военное назначение всех «сорокопятки»!). Был неоднократно ранен, награжден боевыми орденами и медалями. И о войне имел он знания не только книжные, что и определило и долголетие, и высокий авторитет этой книги и её автора...

Но историческая наука, как и любая другая действительная наука, не стоит на месте. Нет, она, конечно, не мчится вперед «семиимильными шагами». Но она упорно карабкается по своим каменистым тропам – все вперед и выше. И впереди всех, безусловно, самый плодовитый историк нашей республики Константин Николаевич Максимов...

Поэтому сам К.Н. Максимов едва ли нуждается в особом представлении. А вот о последней его работе – «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» поведать нашему читателю и можно, и нужно. И более того – просто необходимо. И, прежде всего, потому, что определяем мы, точнее автор настоящей статьи, значение этой работы в нашей исторической науке не иначе как «прорыв». И в этом определении нет ни малейшего преувеличения. И не потому, что она значительно превосходит работу М.Л. Кичикова по физическому объёму (в два с лишним раза). И не потому, что она удостоилась чести быть опубликованной в нашем главном академическом издательстве «Наука», что уже само по себе лестно для любого ав-

тора. И даже не потому, что она привлекла к себе внимание зарубежного читателя, о чем уже сообщалось в интересном интервью Л.И. Щегловой (Правительственная газета, 2008. 21 июня).

Эта книга представляет собою прорыв в нашей военной историографии, прежде всего, по своему содержанию: по богатству и разнообразию новых источников, многие из которых в своё время ещё не были доступны М.Л. Кичикову, да и другим, более поздним исследователям; по полноте и основательности историографического осмысления трудов своих предшественников; наконец, по широте представленной в ней проблематики, о чем необходимо сказать несколько слов особо...

Впервые в калмыцкой историографии столь обстоятельно исследованы вопросы мобилизации людских и материальных ресурсов республики и перевода всей её жизни и работы на военный лад. Что, несомненно, оправдано хотя бы уже потому, что в некоторых современных публикациях и, увы, отнюдь не самых зряшных (см., например: С.П. Куличкин. Вставай, страна огромная! М., 2005) вольно или невольно проводится мысль о том, что в некоторых республиках Союза (России) не очень-то, мягко говоря, «надрывались» в реализации всенародного лозунга «Всё для фронта! Всё для победы!». О других республиках судить не берусь, но в Калмыкии – надрывались. И без всяких кавычек! И это очень убедительно представлено К.Н. Максимовым и в цифрах, и в фактах, и в именах конкретных советских людей – жителей Калмыцкой АССР буквально всех национальностей.

В частности, К.Н. Максимов скрупулезно исследовал вопрос о количественных масштабах призыва граждан Калмыкии в Красную Армию, придя в итоге к цифре примерно 40000 человек, которая почти совпадает с расчетами автора настоящей статьи, опубликованными несколько лет назад. Сказать об этом есть прямой смысл и даже необходимость, так как по подсчетам другого нашего исследователя, молодого и весьма талантливого историка У.Б. Очирова, применившего свою методику подсчета призванных в РККА, цифра эта оказалась значительно меньше...

Впервые столь масштабно показана в книге К.Н. Максимова работа местных органов и граждан республики по организации и проведению эвакуации ее материальных ценностей и жителей на восток. И крайне важно отметить, что автор ни в какой степени не пытается «затушевать» масштабы беды, постигшей республику в связи с несвоевременной (или якобы несвоевременной!) эвакуацией материальных ценностей и в особенности – эвакуацией скота. А вопрос этот, и особенно оценка причин относительной неудачи эвакуации скота, вовсе не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. А из него делались тогда и далеко идущие политические выводы...

Следует, безусловно, приветствовать исследование автором вопросов оккупации ряда улусов Калмыкии и, в частности, организации в этих улусах фашистского оккупационного режима. Вопрос этот, весьма важный и сам по себе (в силу своей новизны в калмыцкой историографии), не менее важен и тем, что напрямую подводит нас к настоящей необходимости изучения коллаборации в Калмыкии в годы Великой Отечественной войны. И никуда от этой горькой проблемы историкам не уйти и не уклониться. Всестороннее изучение ее тем более необходимо, что ее исследование многие годы было под прямым или косвенным запретом различных руководящих и направляющих инстанций как в центре, так и на местах. И каждый выпускник ВПШ, приставленный тогда партией к исторической науке, колебался в ней вместе с партией. А когда всевластие «руководящих и направляющих» ушло в прошлое, и теперь, казалось бы, появилась возможность приступить к чистке «авгиевых конюшен» нашей былой идеологической зашоренности, «вдруг» (якобы вдруг!) выяснилось, что иные наши авторы просто не готовы к этой тяжелой и в чем-то даже «стыдной» работе – железной хваткой держал их (а иных и до се удерживает) наш неизжитой еще «сибирский синдром». И К.Н. Максимов очень точно зафиксировал и определил и сам этот прискорбный факт, и причины его рождения, которые он совершенно справедливо видит, во-первых, в неразработанности новых подходов к исследованию этой проблемы, а во-вторых, в неготовности самих историков взять на себя ответственность за всестороннее, объективное изучение этих весьма сложных, но по-прежнему актуальных вопросов истории Калмыкии военного времени (с. 9). Здесь, однако, следует добавить, что, когда такие дерзновенные все же находились, то неизменно находились и «осторожные», которые, всячески удерживая первых за фалды сюртука, под разными предлогами не «пускали» их с их «крамолой» на трибуну, на страницы печати и прочие публичные форумы: еще, мол, не время, не надо, мол, лить воду на мельницу наших недоброжелателей, они де только возрадуются и используют все наши «негативы» против нас же и т.д. и т.п. Оформлялись эти «палки в колеса» разными словесами, но смысл и назначение этих усилий был один и тот же – «держат и не пущать» проблему оккупации и вытекающую из нее проблему коллаборации из-под запрета – «как бы чего не вышло!». А выходило, несмотря на все эти запретительные потуги, каждый раз одно и то же: упрятываемую «осторожными» проблему использовали, и порою откровенно в антикалмыцких целях, наши недоброжелатели. В одних случаях – по незнанию (или по совершенно одностороннему знанию) нашего конкретно-исторического материала, а в иных случаях – и сознательно, с

заранее заданной целью. Мы (М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев и автор этих строк) испытали все это на собственном опыте еще в период работы над книгой «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945. Документы и материалы» (Элиста, 1966).

В любом случае «приглашение» К.Н. Максимова именно к «всестороннему» и «объективному» изучению всех этих весьма непростых вопросов истории Калмыкии военного времени по-прежнему актуально и, возможно даже, более чем когда-либо. Почему? – это уже другой вопрос. И мы о нем еще будем говорить и, вероятно, не раз и не два, поскольку желание уклониться от исследования этой проблемы, под разными предлогами обойти стороной ее острые углы еще далеко не изжиты и, вероятно, не скоро будут изжиты из нашего сознания – и общественного, и индивидуально-го. Это раздвоение нашего исторического сознания в отношении проблемы оккупации и коллаборации в Калмыкии в годы Великой Отечественной войны особенно ярко проявилось в ходе публичных обсуждений (презентаций) книги К.Н. Максимова.

На публичных обсуждениях мы решительно поддержали тезис К.Н. Максимова о необходимости именно «всестороннего» исследования проблемы оккупации. И, прежде всего, потому, что она уже сама по себе, по своей содержательной сути, вынуждает наших историков браться за всестороннее же (и никакое иное!) исследование, и проблемы коллаборации. А эта последняя вызывает и поныне различные оскорбительные для патриотического чувства калмыцкого народа кривотолки, с одной стороны, и прямое искажение реальной истории войны с другой. Согласиться ни с тем, ни с другим абсолютно невозможно. Поскольку коллаборация в годы войны в первую очередь и более всего порождалась именно оккупацией, хотя, конечно, и не только ею, то любые попытки, так или иначе, под тем или иным предлогом обойти стороной или как-то «затушевать» эту, несомненно, болезненную для нас проблему приводят порою наших историков к прямому отрицанию даже совершенно очевидных и абсолютно бесспорных фактов истории Великой Отечественной войны, т.е. попросту заводят их в тупик. В этом отношении наиболее показательна позиция одного из лучших наших историков профессора В.Б. Убушаева, который заявляет: оккупации Калмыкии «как таковой» не было, а «следовательно, и факты пособничества фашистам реальной почвы под собой не имели» (см: Милиция Калмыкии, 2003. 13 окт.).

Анализируемая нами монография К.Н. Максимова беспощадно возвращает нас из этого прямо-таки мистического самообмана на нашу грешную землю и, опираясь на достоверные документы нашей истории, показывает, что и оккупация Кал-

мыкии «как таковая» у нас была, и масштабы её нам достаточно точно известны (5 улусов из 13 – полностью и 3 улуса – частично), и сроки ее – тоже (август 1942 – январь 1943 гг.), и масштабы потерь, которые также подсчитаны – более одного миллиарда в советских рублях. То есть все у нас, «как у людей» в других республиках, краях и областях, как «наказанных», так и «ненаказанных». И даже пресловутой «реальной почвы» для коллаборации в Калмыкии было ничуть не меньше, чем у других, по саркастическому выражению Ф. Энгельса, «нечестивых народов», подвергшихся фашистской оккупации. Более того, предыдущая книга К.Н. Максимова «Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы.» (М.: Наука, 2005) дает нам такую, увы, внушительную картину репрессивной политики советской власти в 20-х и 30-х годах XX в., что она, эта политика, просто не могла не породить в той или иной степени этой самой «реальной почвы». И чаще всего – в виде ответной реакции...

К чести К.Н. Максимова необходимо, однако, заметить, что даже эта действительно трагическая по своему содержанию работа не сводит нашу предвоенную историю только к репрессиям, а фиксирует, хотя и в немногих страницах, те реальные и весьма крупные успехи и достижения Советской власти в строительстве новой жизни в Калмыкии, которые в глазах калмыцкого трудового народа оказались куда более важной для него «реальной почвой» и, соответственно, – для героической защиты этой власти и в Советском Союзе, и в Советской России и, конечно же, в Советской Калмыкии. И даже этими немногочисленными «мазками кисти» уже достигается определенная объективность предстоящих поведенческих мотиваций населения Калмыкии, как в период Великой Отечественной войны, так и в период временной оккупации части республики. И здесь особенно красноречивы свидетельства искреннего врага советской власти Шамбо Балинова, очень уместно использованные автором монографии...

Не скрывает К.Н. Максимов и роли различных случайных, приходящих факторов, в той или иной степени влиявших на выбор позиции жителей Калмыкии и на фронте, и в тылу, и на временно оккупированной территории республики, начиная от утраты управления процессами войны и заканчивая столь обычными в любых чрезвычайных ситуациях человеческими слабостями, мелкими расчетами и иными «личными видами» участников событий.

Представляется крайне важной постановка вопроса о персональной ответственности за те или иные неудачи в ходе Великой Отечественной войны на разных ее этапах, и в особенности в период оккупации части территории республики. К.Н. Максимов не без оснований сурово судит

за все допущенные промахи, упущения и ошибки партийное и советское руководство республики, и в особенности – первого секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьева. Однако, некоторые из этих оценок, верные в общем, страдают вместе с тем определенной прямолинейностью и некоторой односторонностью, обусловленной, в частности, тем, что автору не довелось выслушать и другую сторону, т.е. самого Лаврентьева, ни на февральском (1943 года), ни на июньском (того же года) Пленумах обкома ВКП(б), на которых Петра Васильевича уже не было, и он, уже смещенный с поста и обвиняемый со всех сторон, не мог сказать ни слова в свою защиту, ни прояснить ту или иную ситуацию. Более того, знакомство с материалами этих двух пленумов, и особенно последнего, июньского (1943 года), пленума обкома ВКП(б) создает устойчивое впечатление, что иные выступавшие на нем так или иначе пытались переложить на Лаврентьева ответственность и за свои собственные упущения и промахи. «Люди суть люди», как говаривал В.И. Ленин... Сам же Лаврентьев при моих личных встречах с ним в 1985 и 1987 годах никого персонально ни в чем не обвинял и, более того, весьма положительно отзывался о многих своих ближайших сотрудниках, особенно о втором секретаре Калмыцкого ОК ВКП(б) Есине Кокшунове и председателе Совнаркома КАССР Нальджи Гаряеве. Если же говорить не о морально-политической, а о формально-юридической стороне дела, то напомним, что все важнейшие решения принимались и подписывались тогда совместно Лаврентьевым и Гаряевым. Нельзя обойти молчанием и тот совершенно точно установленный факт, что за Лаврентьевым не значится ни одного «сигнала» в ЦК ВКП(б) с какими-либо обвинениями в адрес своих сотрудников, а тем более – калмыцкого народа. Во всяком случае, ни одного такого документа обнаружить до сих пор не удалось.

Что же касается упреков К.Н. Максимова в бездействии Лаврентьева в вопросах эвакуации, в его нерешительности, непоследовательности, колебаниях и прочих слабостях – то и тут нужна сугубо конкретная постановка этого вопроса. Нет, Лаврентьев не «сидел и ждал». Он делал все, что было в его силах. Но обстоятельства были порою сильнее его. Не забудем, что все вопросы эвакуации решал тогда ГКО во главе с его председателем И.В. Сталиным. Но все обращения руководства Калмыкии в ГКО по части эвакуации в конце июля – начале августа 1942 года так и остались без ответа. Обнажая ситуацию до предела, мы вынуждены констатировать: самовольная эвакуация, да еще раньше времени, означала самую крутую ответственность – за панику; неоправданное промедление с эвакуацией влекло за собою такую же ответственность. Лаврентьев понес относительно легкую ответственность – освобождение с поста

и направление на политическую работу в армию в должности начальника политотдела дивизии. Эта относительная мягкость наказания невольно наводит на мысль о том, что в ГКО, вероятно, все-таки понимали, что далеко не все зависело тогда, летом 1942 года, от Лаврентьева. А сосед Лаврентьева Михаил Андреевич Суслов – первый секретарь Ставропольского (Орджоникидзевского) крайкома ВКП(б) в очень схожих обстоятельствах вообще не понес никакой ответственности, а был даже выдвинут на повышение в Москву и продолжил свою вполне успешную политическую карьеру...

В любом случае вопрос об ответственности руководства республики и даже просто постановка его в качестве предмета исследования, несомненно, заслуживает внимания историков хотя бы потому, что он неразрывно связан с вопросом об ответственности всей республики и всего калмыцкого народа перед своей Советской Родиной. Конкретные факты истории, на которые опирается автор, и особенно факты массового характера, красноречиво и безоговорочно свидетельствуют о том, что формула «многие калмыки» Указа ПВС СССР от 27 декабря 1943 года находится в вопиющем противоречии именно с этой самой массой. Так, по подсчетам К.Н. Максимова, на оккупированной половине территории Калмыкии проживало тогда несколько более половины наличного населения республики – свыше 60 тысяч человек, но с немцами в период их изгнания из Калмыкии ушли (и добровольно, и принудительно) от трех до четырех тысяч человек. Остальные остались на месте – несмотря ни на что. И остались не просто с Калмыкией, Россией и Союзом, но с Советской Калмыкией, с Советской Россией, с Советским Союзом, нравится это кому-то или нет. И супротив этого факта, как говорится, «не попрешь». Математический «закон больших чисел» объективен, и никакие субъективные решения любых органов любой власти не в силах его изменить. И этот не нами открытый закон и может, и должен быть взят на вооружение нашими историками, и в частности – в исследовании данной проблемы. Он неизмеримо доказательнее любых индивидуальных казусов истории, в том числе и таких обывательских мифов, как очень бородастый миф о некоем «белом коне», якобы подаренном калмыками Адольфу Гитлеру во время оккупации Калмыкии войсками вермахта. К.Н. Максимов не рассматривает этот сюжет непосредственно в своей книге о войне, но в упомянутом интервью Л.И. Щегловой по поводу этой книги он дает совершенно однозначный ответ на этот ее вопрос – миф! Мы полностью с ним согласны и только сожалеем, что автор не дал развернутый ответ на этот вполне естественный вопрос интервьюера. Вероятно, есть необходимость представить чита-

телю и развернутую аргументацию против этого мифа, сопровождающего нас чуть ли не с первого же дня ликвидации КАССР и депортации калмыцкого народа в Сибирь...

Не останавливаясь на других, более или менее частных достоинствах и недостатках анализируемого труда, необходимо все же отметить исключительно важное соображение К.Н. Максимова о том, что так называемый 5-й дивизион ККК в составе пяти эскадронов, якобы оставленный доктором Доллом в Калмыкии уже после отступления фашистов с ее территории, есть прямая дезинформация доктора Долла, призванная приукрасить его деятельность в глазах германского командования. Эта весьма интересная догадка К.Н. Максимова, конечно же, еще нуждается в проверке. Но в пользу ее уже и сегодня имеется

немало аргументов. И будем надеяться, что после этого заявления К.Н. Максимова наши авторы уже не будут бездумно принимать на веру эту более чем сомнительную «информацию» доктора Долла...

Итак, подводя итоги нашего обзора, мы с удовлетворением можем отметить, что капитальный труд К.Н. Максимова поднимает на целую ступень калмыцкую военную историографию и обеспечивает ее прорыв в новые, ранее еще не исследованные или почти не исследованные области. С этой, уже завоеванной К.Н. Максимовым высоты, значительно виднее не только уже пройденный калмыцкой исторической наукой путь, но и новые горизонты ее дальнейшего развития. И не только в исследовании истории Великой Отечественной войны...

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

9 июля 2009 года состоялась региональная научная конференция «Калмыки и их роль в становлении Российской государственности (к 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства)». Инициатором проведения конференции выступило Калмыцкое региональное отделение «Молодая Гвардия Единой России». В работе конференции приняли участие молодые ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Калмыцкого государственного университета, Институт комплексных исследований аридных территорий, активисты молодежных общественных организаций республики.

С интересными научными докладами на русском и калмыцком языках выступили молодые ученые и аспиранты КИГИ РАН: д.и.н. У.Б. Очиров, к.и.н. Л.В. Оконова, к.ф.н. Е.В. Бембеев, Ц.Б. Селеева, Осорин Утнасн, Б.Х. Борлыкова, Э.Г. Вальтова.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

В 2009 году младший научный сотрудник отдела языкознания КИГИ РАН Б.Х. Борлыкова успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Калмыцкая музыкальная терминология» по специальности 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)». Защита диссертации на соискание степени кандидата филологических наук состоялась 24 апреля 2009 года на заседании Диссертационного совета Д.212.305.01 при Калмыцком государственном университете.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

В 2009 году вышла книга «Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая», автор и составитель которой – главный библиограф научной библиотеки КИГИ РАН, заслуженный работник культуры Республики Калмыкия П.Э. Алексеева.

Издание посвящено личности принцессы Нирджидмы (1907-1983 гг.) и подготовленной ею к изданию книге песен торгутов Китая, которая была опубликована в Париже в 1937 г., а также деятельности известного торгутского принца Палты Ванга (1882-1920 гг.). Сведения о принцессе Нирджидме и ее отце – принце Палте Ванге, а также образцы песенного творчества, представленные в книге, представляют интерес для научных работников, специалистов образовательных учреждений и всех читателей, интересующихся проблемами истории и культуры калмыцкого народа.

С 2008 года в серии «Ученые Калмыкии» Калмыцкого института гуманитарных исследований

РАН началось издание библиографических указателей, публикация которых приурочена к юбилеям известных ученых. В 2009 году вышли в свет следующие издания:

1. Муниев Б.Д. Библиографический указатель. Сер.: Ученые Калмыкии. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 20 с. (1,5 у.п.л.).

Брошюра посвящена 100-летию со дня рождения калмыцкого ученого, который стоял у истоков становления калмыковедения как науки. Приведены краткие биографические данные, библиографический указатель его работ и фотодокументы.

2. Алексеева П.Э. Библиографический указатель. Сер.: Ученые Калмыкии. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 36 с. (1,5 у.п.л.).

Данная брошюра посвящена 85-летию главного библиографа научной библиотеки КИГИ РАН, известного краеведа, заслуженного работника культуры Республики Калмыкия, Почетного гражданина РК П.Э. Алексеевой. В нее включены биографические данные, описана научная деятельность, приведены обширный библиографический указатель и фотодокументы.

3. Басангова Т.Г. Библиографический указатель. Сер.: Ученые Калмыкии. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 36 с. (1,5 у.п.л.).

Брошюра посвящена 60-летию ведущего научного сотрудника КИГИ РАН, известного фольклориста Т.Г. Басанговой. В нее вошли биографические данные, библиографический указатель и фотодокументы ученого.

ЮБИЛЕЙ

25 августа 2009 года исполнилось 60 лет со дня рождения ведущему научному сотруднику отдела литературы, фольклора и джангароведения КИГИ РАН, кандидату филологических наук, доценту Басанговой Тамаре Горяевне.

Басангова Т.Г. работает в КИГИ РАН с 1976 года после окончания аспирантуры Института востоковедения АН СССР и успешной защиты кандидатской диссертации по теме «Проблемы поэтики монголо-ойратского героического эпоса».

Область ее научных интересов охватывает проблемы калмыцкой фольклористики и джангароведения. Басангова Т.Г. – автор более 120 научных работ, в том числе 8 книг и монографий. Ее труды по калмыцкому фольклору, такие как «Калмыцкие трехстишия», «Калмыцкий фольклор. Библиографический указатель», «Магическая поэзия калмыков. Исследование и материалы», «Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки», «Обрядовая поэзия калмыков» и др., востребованы как в научных кругах, так и в среде учителей и преподавателей средних и высших образовательных учреждений республики.